

И. М. Смиланская • М. Б. Велижев • Е. Б. Смиланская

Россия
в
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

АРХИПЕЛАГСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

И. М. Смилянская

**Россия в Средиземноморье.
Архипелагская экспедиция
Екатерины Великой**

«Индрик»

2011

Смилянская И. М.

Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / И. М. Смилянская — «Индрик», 2011

ISBN 978-5-91674-129-2

Монография посвящена начальному периоду становления российского присутствия в Средиземноморье – Архипелагской экспедиции российского флота 1769-1774 гг. Авторы монографии обращаются к документальным и повествовательным источникам (в том числе из российских и западноевропейских архивов), российской и иностранной прессе, проповедям и литературным произведениям с целью выявления скрытых механизмов утверждения влияния екатерининской России в Восточном Средиземноморье, роли Архипелагской экспедиции в установлении культурных и политических контактов России с населением Греции, с правящей элитой итальянских государств, с правителями Ближнего Востока и Северной Африки. В подобном ракурсе средиземноморская политика Екатерины II ранее не изучалась. Специально в монографии исследованы пропагандистские стратегии Екатерины Великой, а также западноевропейское и российское восприятие средиземноморской акции России. В приложении публикуются новонайденные рукописи и архивные документы.

ISBN 978-5-91674-129-2

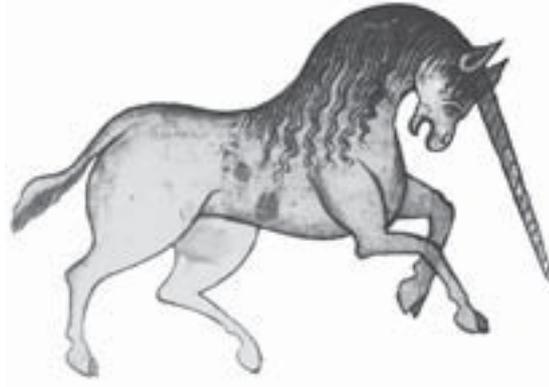
© Смилянская И. М., 2011

© Индрик, 2011

Содержание

Введение	6
Часть 1	21
Глава 1	22
Флот	25
Торговый фрегат	27
Российские эмиссары в Греции и на Балканах	30
Подготовка к войне	45
Глава 2	61
Определение целей войны и принятие решения об Архипелагской экспедиции	61
Возбуждение восстания греков и славян	64
Первая военная акция на Балканах: десант в Черногорию	68
Глава 3	74
Флот: эскадры, посланные Екатериной II в Средиземное море	74
Освоение Европы, или путями матроса Василия Кориотского	82
Конец ознакомительного фрагмента.	99

**И.М. Смилянская, М.Б.
Велижев, Е.Б. Смилянская**
**Россия в Средиземноморье. Архипелагская
экспедиция Екатерины Великой**

Исследование подготовлено при поддержке РГНФ проект 05-01-01262а; 09-04-18003е.

Издание осуществлено при поддержке РГНФ проект 09-01-16020д.

Введение

С XVIII столетия в российской внешней политике заметно усиливается интерес к Средиземноморскому региону. Со времени правления Петра I значение приобретает балканский внешнеполитический вектор, который предусматривал взаимодействие с балканскими единоверцами-славянами и греками в военных операциях против турок и попутно их освобождение от турецкого гнета с тем, чтобы балканские единоверцы обрели государственность с пророссийской ориентацией¹. Развивая идеи Петра I, Екатерина II связывала свою балканскую политику с действиями и на континенте, и в Средиземноморье, ища опору не столько в населении континентальных Балкан, как это делал Петр, сколько в единоверцах Морей (Пелопоннеса), Греческого архипелага и Адриатического побережья. С этой целью императрицей и была организована первая экспедиция России в Средиземноморье. 18 июля 1769 г.² сама императрица лично прибыла в Кронштадт благословить флот в поход, и в тот же день эскадра адмирала Г.А. Спиридова стала сниматься с якорей. Это была первая из отправленных в 1769-1774 гг. пяти эскадр российского военно-морского флота.

Южный внешнеполитический курс России в екатерининскую эпоху формировался с учетом широких задач завоевания Крыма и предотвращения набегов крымских татар на земли южнорусского порубежья, открытия «окна в Европу» через Черное море, свободного судоходства в Азовско-Черноморском бассейне. А плавание в Черном море неизбежно ставило перед российскими правителями и проблему выхода в море Средиземное, политическое, экономическое и культурное освоение средиземноморского пространства.

Вместе с тем, южный курс внешней политики был частью широкомасштабных реформ и мероприятий Екатерины II по созданию современного централизованного государства, подобного абсолютистским европейским державам. Идеологически такая политика обосновывалась концепцией «государственного интереса».

Этот курс диктовался стремлением к достижению «естественных» государственных границ и формированию условий для экономического развития юга России, он предусматривал также освоение плодородных земель Причерноморья – Дикого поля, разделявшего русское государство и османское вассальное Крымское ханство. Проведение подобного политического курса проходило в условиях отнюдь не мирного сосуществования России и соседнего патриархального общества Крыма, образ жизни которого включал грабительские набеги на соседнее земледельческое население, сопровождавшиеся угоном многих тысяч жителей для продажи на восточных рынках.

В годы правления Екатерины II южный курс в многовекторной политике России стал приоритетным³, но при этом он был связан и с другими направлениями, прежде всего северо-

¹ С появлением на мировой арене Российского православного государства, способного противостоять Османской империи, надежды балканских народов на помощь в освобождении от мусульманского гнета стали связываться с единоверной Россией (до этих пор они искали поддержку у католических Австрии и Венеции). Петр, готовя Прутский поход, обратился с манифестом к балканским единоверцам, в котором содержался призыв к совместным военным действиям против турок. Подробнее о балканской политике Петра I см. соответствующие главы В.Н. Виноградова в кн.: «Истории Балкан, Век восемнадцатый» (М., 2004) и монографию И.И. Лещиловской «Сербский народ и Россия в XVIII веке» (СПб., 2006).

² Здесь и далее даты всех событий, происходивших в России или на судах российского флота, приводятся по юлианскому календарю (согласно документации российских статских и военных учреждений, вахтенным журналам и т.п.). Также по юлианскому календарю приводятся даты событий, описываемых российской прессой. Двойные даты – по юлианскому/григорианскому календарям – приводятся тогда, когда время событий устанавливается на основании документов западноевропейского происхождения, когда речь идет о праздновании русских памятных дат в Западной Европе и еще в ряде случаев, когда необходимо соотнести хронологию событий европейской и российской истории. Наконец, даты по григорианскому календарю приводятся в тех случаях, когда цитируются западноевропейские дипломатические и политические документы, западные периодические издания, а также частная переписка лиц, без сомнения, пользовавшихся «новым стилем» – григорианским календарем.

³ Среди исследователей внешней политики России до известной степени такой точки зрения в настоящее время придержи-

западным балтийским и западным польским. Как и Османская империя, Швеция и Польша оказывались в это время звеньями «Восточного барьера», возводимого главенствующей в XVIII в. на европейском континенте Францией с целью внешнеполитической изоляции России от Европы. В известной степени враждебный России курс Франции объяснялся опасениями, связанными с российской военной мощью, проявленной уже в Семилетнюю войну, а также с непредсказуемостью внешней политики, продемонстрированной Петром III. Но были и другие причины, по которым Россия оказалась втянутой в политические и торговые противоречия Англии и Франции и в политическую игру Австрии и Пруссии.

Северо-западное направление внешней политики России, не без успеха проводимое Н.И. Паниным, должно было нейтрализовать французское влияние в Швеции и привести Пруссию, Данию и Англию к согласию с Россией по поводу некоторых европейских проблем. Заостренное первоначально против Швеции, оно значительно способствовало и успеху России в реализации южного антиосманского курса. Известно, что оборонительный союз с Пруссией 1764 г. и договор с Данией 1765 г. содержали секретные статьи, предусматривавшие их помощь России в случае возникновения русско-турецкой войны. Торговый договор с Англией 1766 г. благоприятствовал пророссийской позиции этой державы в отношениях с Швецией и Османской империей.

Второе звено «Восточного барьера» – Польша – оказалось под ударом после смерти короля Августа III. Вмешательство России во внутреннюю и внешнюю политику Польши имело целью не только усилить здесь свои позиции, но и нейтрализовать как французское влияние, так и возможность османского участия в польских делах. Связь польского вопроса с турецким⁴ беспокоила Россию уже не одно десятилетие: соглашения Польши с Османской империей, вмешательство Порты, подстрекаемой Францией, в польскую политику России привели к тому, что турки использовали именно «польский вопрос» в качестве предлога для объявления в 1768 г. войны России. И не случайно в этой войне польские добровольцы вместе с французскими волонтерами участвовали в строительстве турецких укреплений и турецкого флота. Драматические последствия этой связи «польского» и «турецкого» вопросов проявились к концу русско-турецкой войны в первом разделе Польши 1772 г.

И едва ли можно согласиться с теми авторами, которые видели в средиземноморской политике Екатерины II способ решения только «восточного вопроса»⁵. Средиземноморская политика России была многогранной: она значительно способствовала развитию многообразных контактов Российской империи с государствами региона⁶, взаимоотношений России с

живается историк и профессиональный дипломат П.В. Стегний: «...выстраивая геополитические приоритеты своей внешней политики, Екатерина исходила как из собственного опыта, так и глубокого понимания сложных механизмов европейской политики. Обладая большим запасом здравого смысла и реализма, она стремилась выстраивать свою внешнеполитическую линию в зависимости от того, как складывался баланс сил в Европе, и в разные периоды своего царствования уделяла повышенное внимание то польским, то германским, то шведским делам. И тем не менее – и это важно подчеркнуть – южное, черноморское направление она рассматривала как приоритетное в традиционной дипломатической «триаде» – Швеция, Польша, Османская империя. «Сверхзадача» ее дипломатии, ее основной вектор были обращены на юго-запад: обеспечение свободы торгового мореплавания России в Черном море с последующим выходом в Средиземноморье, помощь единоверным народам Балкан и Греции оставались главными целями ее политики» (Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002. С. 87). (Впрочем, тезис о «помощи» единоверцам, как главной цели, нуждается в уточнении). Так это или иначе, но на южном направлении Екатерина II достигла реального прорыва, определившего развитие России на многие десятилетия.

⁴ Это четко обозначилось в XVII веке. См.: Ореикова С.Ф. Вступительная статья. // Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М., 2006. С. 11,12.

⁵ См.: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883; Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762 – 1774 гг. СПб., 1896; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX века. М., 1978.

⁶ См., напр.: Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959; Рутенбург В.И. Культурные и общественные связи России и Италии (XVIII и XIX века) // Россия и Италия. М., 1996. Вып.2; Вентури Ф. Италорусские отношения с 1750 до 1825 // // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 25-50; Venturi F. Il Settecento riformatore. Vol. 3: La prima crisi dell'Antico Regime (1768-1776). Torino, 1979; Данице Б.М., Жиленко В.И. Забытые страницы из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII

европейскими державами⁷, наконец, не только политическому, но и социо-культурному освоению пространства Средиземноморья подданными российской императрицы. Этот последний аспект, значительно меньше, нежели прочие, оказывавшийся в сфере исследовательского внимания, представляется центральным для настоящей работы.

Известно, что к рассматриваемому времени Средиземноморье уже давно утратило свое значение центра цивилизованной ойкумены, каковым оно было в древности и отчасти в Средние века. Теперь, когда острые схватки из-за колониальных владений переместились за океаны, а европейская политическая борьба сосредоточилась преимущественно в Центральной Европе, Средиземноморье часто оказывалось на политической периферии.

Ослабла роль Средиземноморья и как пространственного рубежа в противостоянии христианства и ислама. Европейские народы уже располагали большим опытом торговых связей с восточным миром, их государи имели дипломатические и военные отношения с Османской империей, которая постепенно интегрировалась в общеевропейскую политическую жизнь. Некоторые арабские правители (в частности, марокканский султан) также постепенно отходили от политики изоляционизма.

Для христианского мира XVIII в. Средиземноморье сохраняло выдающееся религиозное и культурное значение⁸, усиливающееся в эпоху Просвещения с растущим интересом к античной традиции.

Весь XVIII в. Средиземноморье не утрачивало и роли центра пересечения коммуникаций Европы, Азии и Африки⁹, здесь были представлены торговые интересы почти всех европейских государств¹⁰. Левантское направление в Восточном Средиземноморье имело большой вес в торговле Франции и, в меньшей степени, Англии¹¹, обеспечивавших транзит в Европу восточных товаров.

века // Проблемы востоковедения. 1959. № 1; *Мусатова Т.Л.* Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII – нач. XX в. М., 1990; *Перминов П.* Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке // Азия и Африка сегодня. 1987. № 7,8,9.; *Она же.* Под сенью восьмиконечного креста. (Мальтийский орден и его связи с Россией). М., 1991; *Шапиро А.Л.* Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. А.Л. Шапиро рассматривал эволюцию средиземноморской политики России как изменение взаимоотношений с различными странами: «Одна из особенностей русской внешней политики конца XVIII – начала XIX в. заключается в значительном расширении круга средиземноморских проблем, которые вошли в орбиту внимания царского правительства. Если ранее интересы царизма в Средиземноморье в основном ограничивались «восточным» вопросом, то в последние годы XVIII в., главным образом в связи с проникновением в этот район Франции и отчасти Англии, этот вопрос стал сплетаться с рядом других вопросов: мальтийским, Ионических островов, неаполитанским, сардинским и другими» (с. 253). Согласно традиции 1950-х годов, сложившейся под давлением официальной идеологии, А.Л. Шапиро рассматривал российскую политику в регионе как оборонительную, между тем как Екатерина II стремилась стать равноправным партнером европейских держав в Средиземноморье.

⁷ *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798-1807. М., 1962; *Родзинская И.Ю.* Русско-английские отношения 60-70-х годов XVIII в.: 1762-1775. Дисс.... канд. ист. наук. М., 1967; *Она же.* Англия и русско-турецкая война: 1768-1774 // Труды МГИАИ. Т. 23. М., 1967; *Черкасов П.П.* Франция и русско-турецкая война. 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1.

⁸ Это восприятие четко обозначил в середине 1840-х годов В.А. Жуковский в письме к Н.В. Гоголю, равно оценивая значение пребывания Гоголя в Иерусалиме – «Святой земле Откровения», и возможность посетить Трою – «классическую землю героических басен» (В.А. Жуковский – Н.В. Гоголю. 7 апреля 1848 г. // Переписка Н.В. Гоголя в двух томах. Сост. А.А. Карпова и М.Н. Виролайнен. М., 1988. Т.1. С.218).

⁹ Этого не могла не учитывать Екатерина II. Возмущаясь нежеланием Англии включить Средиземное море в число европейских морей, на которые английский король был готов распространить сферу вооруженного взаимодействия с Россией, императрица писала: «Средиземное море европейское или нет? Также Архипелаг? Первое находится между Африкою и Европою, другое – между Азией и Европою». Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Kh.XIV. С.512.

¹⁰ Даже русских купцов, чьи интересы в Магрибе, например, защищал шведский (!) консул. См.: *Мусатова Т.Л.* Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. С.12.

¹¹ По данным, приводимым М.С. Андерсоном, в 1783 г. из 110 миллионов ливров внешнеторгового оборота Османской империи 60 миллионов приходилось на Францию. Такое же значение, какое для Франции играл Левант, для Британии имела торговля с Россией. См.: *Anderson M.S.* Great Britain and the Russian Fleet, 1769-1770 // *Slavonic and East European Review*, 31 (1952/1953). P. 149.

Этот регион отличался особой этнокультурной средой и политико-экономической обстановкой. Левантинец – житель северо-восточного средиземно-морского побережья – представлял собою тип космополита, человека, втянутого в сложнейшие политические и экономические связи, существовавшие между христианским и мусульманским мирами. Будучи одновременно крупными землевладельцами и судовладельцами, каперами и мирными торговцами, а подчас и банкирами, представители греческих, славянских фамилий обслуживали и сами производили посредническую торговлю Средиземноморья. Подобный социально-культурный тип олицетворял единство региона. Это не мешало жителям Средиземноморья быть выразителями и собственного рождающегося национального сознания, побуждавшего их во имя национально-религиозных интересов подвергать риску свою жизнь и имущество, жизнь своих близких.

На почве увлечения греко-римской классической культурой, присущего эпохе Просвещения, здесь складывались и прочные культурные связи между образованными французами, англичанами, итальянцами, греками, албанцами, славянами. Так, авторами «Призыва греков к христианской Европе» и некоторых литературных произведений, выражавших греческие национальные взгляды, были «эпириот» Антонио Джика и итальянские эллинисты Франческо Марио Пагано и Доменико Диодати¹². Во Франции средиземноморские межнациональные контакты нашли отражение в описаниях путешествий в Грецию Ж. Леруа (1754-1755), П.-А. Ги (1771), Шуазеля-Гуффье (1783), в Британии – Р. Чандлера (1774-1776), Р. Вуда (1753, 1769) и др¹³. Роль россиян в этом процессе рассматривается в книге.

Во второй половине XVIII в. в Средиземноморье происходили события и зрели конфликты, которые отчасти нашли свое разрешение в XIX в. Это был внутренний политический кризис Османской империи, выразившийся в зарождении в Греции и на Балканах национального движения, а в арабо-османском мире – возникновении этнорегионального сепаратизма, подготовивших распад империи. Вместе с тем, европейские державы уже находились накануне колониальных захватов в регионе и на очереди стояли столкновения держав по поводу этих завоеваний.

Политическое чутье Екатерины II подсказало ей, что, помимо необходимости создать предпосылки для развития российской торговли в этом регионе, в сложившейся ситуации важным было утверждение политического присутствия России в Средиземноморье.

Средиземноморская политика Екатерины II имела и корни, уходящие в далекое прошлое. Ее смысл обретал *символическое значение*, восходящие к политикорелигиозной доктрине Третьего Рима, с начала XVI в. влиявшей на «политические амбиции русских монархов»¹⁴, а также к распространенным на Балканах представлениям о мистическом предназначении некоего «русого народа» освободить Рим Второй – Константинополь от неверных.

Хорошо известно, что концепция Третьего Рима сформировалась под воздействием сдвигов и потрясений в религиозной и политической жизни Московского государства XV – начала XVI столетий: Флорентийской унии и объявления московской митрополии автокефальной, падения Царьграда в 1453 г., освобождения от ига Орды в 1480 г., и, наконец, эсхатологических ожиданий 7000 (1492) г. Именно в 1492 г. появилось «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы, в котором в опровержение слухов о кончине мира утверждалась пасхалия на новую, восьмую тысячу лет и вместо павшего Царьграда Новым Константинополем провозгла-

¹² *Вентури Ф.* Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768-1774) // XVIII век. Сб. 10. Л.: Наука, 1975. С. 119-126.

¹³ Подробнее см.: *Constantine D.* Early Greek travelers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984; *Augustinos O.* French Odysseys. Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore, 1994; *Osborn J.M.* Travel literature and the Rise of Neo-Ellenism in England // Bulletin of the New York Public Library. 1963. № 67. P. 279-300.

¹⁴ *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» // *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 89-148.

шалась Москва, правитель которой Иван III именовался «государем и самодержцем всея Руси, новым царем Константином новому граду Константинову – Москве и всей русской земле и иным многим землям государем»¹⁵. Следует иметь в виду, что с самого возникновения идея о Москве – Третьем Риме имела прежде всего внутривосточное и духовное предназначение: обосновать укрепление власти московского великого князя и воссоздать полноту мировосприятия православного мира, утраченную вследствие исчезновения его ключевой фигуры – василевса, единого царя православной вселенной¹⁶.

В начале XVI в. в развитие этой идеи складываются и мифическое родословие московских князей «от Августа Кесаря», и легенда о Мономаховом даре¹⁷, которые вскоре стали использоваться не только в церковных, но и в дипломатических спорах¹⁸. Наконец, около 1523 г. старец Филофей, исходя из библейских пророчеств, отождествил Московское государство с «Ромейским царством» (нерушимой, «недвижимой» империей христиан, возникшей вместе с христианством, «яко Господь в Римскую власть написася»), которому суждено стоять до Второго пришествия. По Филофею, история осуществилась в виде *translatio imperii* через трехкратное воплощение истинно православного Ромейского царства в Римской, Византийской империях и в Московском царстве, а миссия единого православного царя, унаследованная великим князем, заключалась в охранении благочестия как основного достояния всего православного мира.

Как и «Изложение пасхалии митрополита Зосимы», сочинения Филофея не были заострены на идею овладения царствами¹⁹; они важны были тогда для утверждения лишь особого статуса московского государя и его венчания на царство²⁰.

И признание со стороны восточных иерархов русского государя единственным царем православного мира содержалось уже в грамоте 1562 г. и было подтверждено в Уложенной грамоте 1588 г., составленной в связи с основанием московского патриархата московскими и греческими иерархами. Между тем, в Уложенной грамоте 1588 г. концепция «Третьего Рима» подверглась изменению: под влиянием греческого духовенства она утратила антигреческую направленность, в ней уже не говорилось о падении Нового Рима – Константинополя из-за

¹⁵ Там же.

¹⁶ В «Послании константинопольского патриарха Антония IV московскому великому князю Василию I Дмитриевичу» (1393 г.) запрещалось московскому митрополиту «помянуть божественное имя царя в диптихах» (имелся в виду московский князь Василий I), поскольку существует «*один только царь во вселенной*» и им является византийский император – «*василевс ромеев*» византийский император» (См. *Ситицица Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. XV–XVI вв. М., 1998. С. 61).

¹⁷ См.: *Ситицица Н.В.* Третий Рим. С. 126.

¹⁸ См.: *Ерусалимский К.Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени. М., 2006. С. 664–731.

¹⁹ Представление о праве на «византийское наследство» возникло благодаря браку Ивана III с Софьей Палеолог не в русских, а в итальянских политических и церковных кругах и использовалось в целях вовлечения Московского царства в совместные действия против Османской империи (см.: *Ситицица Н.В.* Третий Рим. С. 216–219; *Макарий (Булгаков)*, митрополит московский и коломенский. История русской церкви. М., 1996. Кн. IV. Ч. 2. С. 191).

²⁰ Так, Иван IV, вероятно, ощущая недостаток законности в акте своего венчания московским митрополитом, а не вселенским патриархом, обратился в 1557 г. к константинопольскому патриарху с просьбой дать ему благословенную грамоту на царство, сопроводив свое послание немалыми дарами. Ответ пришел в 1562 г. с грамотой, подписанной патриархом и иерархами константинопольского патриархата, благославлявшей Ивана IV именоваться царем законным и правовенчанным. Возможно, само это признание толкнуло восточных иерархов на сближение с Москвой. Во всяком случае, в 1586 г. антиохийский патриарх Иоаким (несомненно, не без благословения вселенского патриарха, в чью епархию он направился) после посещения Галиции испросил у царя разрешение посетить Москву. Это был первый визит восточного патриарха в Московское государство. Царь Федор принял его с великим почетом и обратился с просьбой способствовать учреждению в Москве патриархата. Иоаким, выразив благодарность за милостыню, получаемую от царя восточными церквями, согласился с тем, что в Москве «пригоже» быть патриарху, но оговорился, что решение должен принять собор всех восточных патриархов и иерархов Афона и Синая. Спустя два года, в 1588 г., прибывший за милостыней вселенский патриарх Иеремия участвовал в учреждении в Успенском соборе Кремля патриаршего престола и избрании митрополита Иова патриархом, а в 1590 г. Собор восточных патриархов утвердил избрание Иова и право московского собора впредь поставлять на престол своих патриархов. См.: *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. IV. Ч. 2. С. 45, 46, 175.

отступления от веры, но писалось о его завоевании агарянскими внуками, безбожными турками, а вместо Ромейского царства, в котором сошлись все царства, речь шла о соборе «великого Российского и Греческого царства»²¹. Иными словами, Греческое царство, о котором Филофей писал, что оно «разорилось и не созиждется», стало рассматриваться как мистически присутствующее и действующее. Признание греческими иерархами московского государя единым царем православного мира соединилось с участвовавшими приездами восточных иерархов в Москву за материальной поддержкой и помощью, а главное с их надеждами на освобождение от османского владычества российскими силами. В дальнейшем идея Греческого царства подверглась трансформации, и во второй половине XVIII в. она предстала как проект возрождения Византийской империи под российским покровительством.

Еще в конце XVI в. константинопольский патриарх Иеремия молил московского правителя об избавлении христиан от «скверных варвар» и «страшных язычников-агарян»²². Впрочем, молиться о спасении «нашем», избавлении от врагов видимых и невидимых, сохранении «царства нашего» от всякого зла просил восточных иерархов и Иван IV. Он также молился о том, чтобы «христианский род» был повсюду избавлен «от томительства иноплеменных агарян», *не беря, правда, на себя ношу принести освобождение*. Купец Василий Позняков, направленный Иваном IV с дарами к восточным иерархам, в своем «Хождении» передает слова александрийского патриарха Иоакима: «Яко в наших греческих книгах пишет, яко встанет царь от восточных страны православной и покорит ему Бог многие царства и будет имя его славно от востока до запада, яко же в древняя лета Александра, царя Македонскаго, и сядет на престоле града царствующаго, да и мы избавлены будем рукою его от безбожных Турок»²³ (по мнению Н.Ф. Каптерева, александрийский Иоаким все-таки связывал с Иваном IV надежды на то, что Господь «покорит все государства к подножию его») ²⁴.

Казалось бы, в этих текстах повторяется известный топос о защите единоверных. Однако прошло немного времени и надежды угнетенных стали приобретать новый смысл – акт спасения от «неверных» стал мыслиться как исполнение древнего предначертания, наконец, правильно прочитанного и возложившего миссию освобождения Константинополя на русский народ.

Распространенные же в мире Восточного Средиземноморья предсказания и пророчества о падении Византийской империи восходят к текстам библейского пророка Даниила о гибели четырех царств и до известной степени были их толкованиями²⁵. До завоевания Константинополя турками в толковании этих пророчеств акцент делался на предстоящем падении империи. После того, как в подтверждение пророчеств событие это свершилось, внимание было перенесено на ту часть предсказаний, где речь шла об освободителях – «русом роде»²⁶. Если до XV столетия гадали, кто станет завоевателем города, то теперь стали искать его освободителей.

²¹ *Синицына Н.В.* Третий Рим. С. 302. Подробный анализ изменений, которым подверглась доктрина Филофея в Уложенной грамоте и изречениях Иеремии, произведен Н.В. Синициной (Там же. С. 299-302).

²² *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 350.

²³ Хождение купца Василия Познякова по Святым местам Востока // ППС. СПб., 1887. Т. 6. Вып. 3 (18). С. 6.

²⁴ *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку. С. 350.

²⁵ В комментариях к «Хождению» Василия Познякова (по-видимому, Х.Лопарева) содержится перечисление наиболее известных авторов толкований и предсказаний, начиная с Мефодия Патарского (IV в.), Хозроя Великого (531-579), Максима Исповедника (ум. около 662 г.), императора Льва Философа (886-912) и т.д., завершая надписью на гробнице императора Константина.

²⁶ Хождение купца Василия Познякова. С. 80-81. Повесть о падении Царьграда (Нестора Искандера) передает эти предсказания: «аще вся прежде реченная Мефодием Патаромским и Львом Премудрым, и знамения о граде сем съверынятся имут пишут бо: русии же род с прежде создательными всего Измаилта победят и Седмохолмаго примут с прежде законными его». (Потомками библейского Измаила, сына Агари; измаильтянами в древнерусской традиции именовали мусульман).

О предсказаниях предстоящей гибели Византийской империи знали и на Руси еще со времени написания Повести временных лет; на них ссылался и старец Филофей. А в некоторых редакциях Русского хронографа «русый род» превратился в «русский род», тогда как «Ромейское» государство в Российское (представляется, что в этой подстановке следует видеть скорее опisku или ошибку переписчика, чем, как при всех оговорках полагает Н.В. Сеницина, «политическую идею, зародыш будущих размышлений – и не только размышлений – о роли России в освобождении славянских и балканских народов от турецкого господства»²⁷).

Благопожелания об освобождении единоверцев из-под мусульманского ига русским царем только в середине XVII в. обрели реальный смысл в греческой среде в планах иерусалимского патриарха Паисия²⁸. Более широкое распространение надежды на освобождение с помощью России получили среди греков, балканских славян, молдаван и румын лишь в конце XVII в., когда единоверная Россия начала демонстрировать свои военные успехи, тогда как католические Австрия и Венеция, напротив, освобождая от турок, принуждали православное население к принятию унии²⁹.

На призывы о помощи в освобождении откликнулась царевна Софья, обещавшая после удачного похода в Крым соединиться с силами восставших против турок единоверцев, а затем с теми же обещаниями выступил и Петр I. Однако, как известно, крымские походы Голицына окончились неудачей, а Прутский поход Петра едва не стал катастрофой³⁰.

Между тем, с первых же успехов Екатерины II в русско-турецкой войне легенды об освобождении греков «белокурым» ли, или прямо «русским» народом вновь, как это будет показано далее, приобрели актуальность и широчайшее распространение на всей территории Османской империи.

С конца XVII в., когда надежды православных на освобождение Царьграда по временам стали казаться близкими к исполнению, в греческой среде возникли и разногласия относительно того, как следует распорядиться российскому правителю обретенными византийскими землями. Царевна Софья полагала взять восставших в подданство, на что, например, господарь Валахии запрашивал, каковы будут условия этого подданства³¹. О наличии расхождений во взглядах греческой православной элиты по поводу будущности освобождения Византии можно судить по характеру посланий восточных православных иерархов, в которых одни призывали царя занять константинопольский престол, другие – передать этот престол наследникам (надо полагать, греческим)³². И если Петр I по поводу этих споров заявил, что у него нет территориальных претензий на земли единоверцев («в сей войне, – писал Петр в обращении от 8/19 мая 1711 г. к жителям Дунайских княжеств и балканцам, призывая их соединить общие усилия в

²⁷ Сеницина Н.В. Третий Рим. С. 268.

²⁸ См.: Панченко К.А. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI – начало XIX века). М., 1998. С. 84-85.

²⁹ См.: Кантерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку. С. 373-375. (Еще Филофей в упрек латинам писал: «Аще убо Агарины внуци Гречское царство приаша, но веры не повредиша, ниже насильствуют грекомъ от веры отступати», а в связи с этим среди православных Османской империи было даже распространено представление о том, что правление султана лучше, чем католиков).

³⁰ О попытках взаимодействия России с балканским православным населением см.: Там же. С.375-379; Виноградов В.Н. Трагедия на реке Прут // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 55-63; Лециловская И.И. Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2.

³¹ Кантерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку. С. 377-378.

³² Отзвуком на эти споры стал рассказ Леонтия Зеленского о его встрече в Палестине в 1765 г., за три года до начала русско-турецкой войны, с акским архиепископом Филофеем, знакомым ему с 1751 г. по совместному пребыванию в Сече Запорожской. Акский владыка задал Леонтию вопрос: «Для чего мы не отнимаем у турков Греции, и отняв, отдадим ли ее грекам владеть по прежнему, поставив и от греков императора?» А далее последовали расспросы владыки о состоянии российской казны, правосудия, роли заслуг и личных качеств в присвоении чинов в России, точно владыка примерялся, каково будет жить при российском царе. (Леонтий Зеленский. Письма монаха Полтавского монастыря о. Мартиниану. АВПРИ, ф. Библиотека Азиатского департамента. Оп. 506. Д. 7. Т. 2. Л. 55.).

борьбе с турками, – никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и *от неприятелей своих завоеванных земель и городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем*³³), то спустя шесть десятилетий продолжательница дел Петровых Екатерина II уже не была столь категорична.

Признавая свою обязанность защищать православную церковь и православных единоверцев, она, как мы увидим, была готова еще в 1771 г. с благосклонностью включить в свой титул упоминания о княжествах Молдавии, Валахии и Греческого Архипелага, и позднее в 1782 г. обсудить возможности возведения на «греческий трон» своих потомков.

Иными словами, Екатерина II попыталась разрешить в интересах России (как она их понимала) вопросы, казалось бы, унаследованные еще от XVI и XVII вв.

Первым реальным шагом к осуществлению своих намерений в Средиземноморье для Екатерины II была отправка во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в Средиземное море российской Архипелагской экспедиции, состоявшей из пяти эскадр. Авторы настоящей работы ограничиваются рассмотрением именно этого начального этапа и подготовительных к нему мероприятий средиземноморской политики Екатерины, приходящихся на период 1760-х – первой половины 1770-х гг.

История Архипелагской экспедиции, военноморских действий России в Средиземноморье, а также взаимодействия с греческими и славянскими единоверцами, с арабскими правителями Египта и Сирии неплохо изучены; еще в XIX в. была проделана колоссальная работа по публикации большинства важнейших источников³⁴. Однако интерес к Архипелагской экспедиции до настоящего времени не угасает, более того, за два последних десятилетия наблюдается особое к ней внимание³⁵. Стало ясно, что возникли новые проблемы, назрел и пересмотр некоторых утвердившихся в отечественной и зарубежной науке выводов. Так, несмотря на то, что российские историки уже в XIX в. отмечали внешнеполитические и внутривнутриполитические шаги Екатерины II и ее ближайшего окружения, которые могут рассматриваться в аспекте подготовки Архипелагской экспедиции, в историографии утвердилось представление, которого придерживаются за редким исключением все современные историки, что идея послать флот в Средиземное море возникла только в начале войны. Между тем, эта грандиозная операция требовала длительной предварительной подготовки в сфере военно-морского строительства, создания кадров для ее выполнения, проведения дипломатических ходов и тайных разведывательных и пропагандистских мероприятий. Стала очевидной потребность в углубленном анализе появившегося в годы экспедиции взаимодействия и взаимовлияния Западной Европы и России, во многом определивших последующий ход исторического процесса.

Кажется, настало время разобраться, в какой мере импульсом для повышения внимания России к Средиземноморскому бассейну стали культурные и религиозные представления эпохи, разделяемые Екатериной II и людьми из ее окружения, как они соединялись с реалистичным политическим расчетом, как повлияли на формы и методы внешнеполитических действий. На наш взгляд, незаслуженно обойденными оказываются историко-антропологические вопросы изучения индивидуального опыта восприятия участниками военных походов социокультурной инаковости той среды, в которой обстоятельствами войны человеку угодно было оказаться (этим вопросам находится место в рамках актуальной и живо обсуждаемой в литературе темы – «освоения инокультурного пространства»). Вне поля зрения военных историков и историков дипломатии часто оказываются и проблемы, связанные с изучением пропагандист-

³³ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут. С. 57.

³⁴ Прежде всего в многочисленных Сборниках Императорского российского исторического общества (СБРИО), выпусках Морского сборника, многотомных Материалах для истории русского флота, в исторической и общественно-литературной периодике.

³⁵ Отметим, прежде всего, монографию Г.А. Гребенщиковой, работы П.В. Стегния, Т.Ю. Кобищанова, А.Б. Широкограда и др.

ских стратегий власти, готовящей *общественное мнение* к восприятию внешнеполитической акции, а также того, как общество откликнулось на «пропагандистское подкрепление» военных акций, какими каналами информации пользовались современники и как создавалась историческая память о событиях.

Рассмотрение этих вопросов определило структуру настоящего исследования. В нем намеренно значительно более места уделено предыстории и «тайной истории» подготовки Архипелагской экспедиции (гл. 1, 2), нежели собственно военным операциям в Архипелаге (гл. 4); проблемам культурного освоения «чужого» пространства – во время продвижения флота вокруг Европы (гл. 3), пребывания в Греции (гл. 5), Италии (гл. 6,7), на Ближнем Востоке (гл. 8) – равно как и выстраиванию политических отношений в этих «чужих землях»; вопросам пропагандистских стратегий власти (гл. 9) и реакции на них общественного мнения (гл. 10).

В работе существенное значение имеют приложения, содержащие публикации вновь найденных исторических источников и частные исследования, связанные с темой (очерки И.М.Смилянкой о восприятии Восточного Средиземноморья в русском культурном сознании XI-XVIII вв. и о миссии Конрада Тонуса в Египет, свидетельствующей о продолжении той российской политики на Арабском Востоке, которая родилась в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг., а также исследование В.Э.Булатова о коллекции карт графа И.Г. Чернышева). Впервые по рукописям, хранящимся во Владимиро-Суздальском историко-архитектурном музее-заповеднике и в Российской Национальной библиотеке, подготовлена полная публикация замечательного Журнала капитана С.П. Хметевского³⁶, впервые публикуются записки Ивана Палатино о миссии Папазоли, Саро и Палатино на Балканы и в Морею, документы из канцелярии Г.А. Спиридова (РГА ВМФ) о планах и опытах государственного строительства на островах Архипелага, послание А.Г. Орлову эмира Юсуфа аш-Шихаба, помимо этого мы публикуем по рукописи Государственного Исторического музея описание поездок 1771-1772 гг. по островам Эгейского моря и по Италии участников Архипелагской экспедиции.

Реализация замыслов проекта потребовала обращения к широкой *источниковой базе*, которая включает источники документального происхождения (от рескриптов Екатерины и решений Совета при Высочайшем Дворе до российской и итальянской судебной следственной документации), дипломатическую и частную переписку, мемуары, церковные проповеди и периодику России, Италии, Франции, Голландии, Британии. Далеко не все из использованных документов были опубликованы.

Поиски материалов для настоящего исследования проводились в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА), в котором, в частности, хранятся документы кабинета Екатерины II, в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Военно-морском музее в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургском архиве Института истории, в архивах Венеции, Турина, Пизы, Ливорно и Флоренции, в Национальном архиве Франции и Национальной Библиотеке Франции, в Британском Музее, во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике.

В поиске ответа на вопрос, каким мог быть общественный резонанс столь далекого от российских границ предприятия, мы обращались к анализу мемуаров³⁷ и повествований о «чужих землях» (трэвелогов)³⁸ современников Первой русско-турецкой войны.

³⁶ Журнал С.П. Хметевского впервые был с сокращениями опубликован в 1855 г. Н.А. Некрасовым в журнале «Современник» по утраченной ныне рукописи. В ОР РНБ сохранилась лишь ее писарская копия середины XIX в. Прижизненная рукопись Хметевского хранится во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике.

³⁷ Наиболее информативными и давно известными являются мемуары и дневники участников Архипелагской экспедиции – С.К. Грейга, Ю.В. Долгорукова, С.П. Хметевского, С. Плещеева, В. Весли (или Т. Ньюберри). Давно оценены исследователями и мемуарные записки Клода Рюльера, пребывавшего французским поверенным в делах в Санкт-Петербурге в 1762 г. и впоследствии имевшего обширные источники информации. Записки Рюльера легли в основу его знаменитой «Истории анархии в Польше», содержащей значительный материал не только о разделах Польши, но и о секретных страницах екатерининского сре-

Подробности о каждом дне продвижения российских эскадр в Средиземное море, пребывания в Архипелаге вплоть до возвращения флота в Кронштадт содержат шханечные журналы кораблей³⁹ и журналы, которые вели находившиеся на кораблях инженер-капитаны и инженер-поручики Карл Реан, Георг Келхен, Яков Баталзин, Максимилиан фон Пален, Михаил Можаров, кондуктор Михаил Тузов и др.⁴⁰. Эти инженер-офицеры участвовали в десантах и сооружали береговые укрепления, организовывали ремонт судов и рисовали планы морских портов, схемы построений флота, описывали как крупные сражения, так и повседневные заботы команды своих кораблей. Сохранившиеся журналы рисуют повседневные заботы участников плавания, позволяют уточнить хронологию военных действий и контактов в Средиземноморье с властями Мальты, Порт-Магона, Сицилии, Сардинии, Генуи, венецианских островов в Адриатике, описать операции, проведенные морскими силами России и ее арабских союзников⁴¹.

Источниками для изучения пропагандистских стратегий власти наряду с рескриптами и манифестами Екатерины II, торжественными речами, одами, проповедями крупнейших церковных деятелей ее времени – стали изобразительные материалы и тексты, посвященные празднованию побед (прежде всего, Чесменской победы 1770 г.) и торжествам 1775 г. по случаю заключения мира с турками.

Значительное место в исследовании уделено анализу отечественной и европейской прессы времен Первой русско-турецкой войны. Ее сравнительное изучение позволило оценить информированность читателей, прояснить характер подачи новостей. Пресса оказалась чутким барометром, фиксирующим изменения общественного мнения в отношении средиземноморской политики Российской империи.

В последние десятилетия ученые активно включились в обсуждение проблем взаимодействия политики, религии и культуры, методов анализа межрелигиозных и межконфессиональных взаимодействий, роли индивида в истории (в частности, личности в дипломатии). Однако средиземноморская политика Екатерины II, предоставляющая значительный материал для такого рода исследований, в данном аспекте пока не была предметом самостоятельного изучения. Вопросы вхождения России в Средиземноморье затрагивались, прежде всего, в связи с изучением военно-политического успеха Архипелагской экспедиции, а также в контексте исследования «восточного вопроса». Но религиозно-политический и культурный аспекты

диземноморского демарша. Однако в целом изучение мемуарной литературы, затрагивающей период русско-турецкой войны 1768-1774, показало весьма ограниченную степень информативности мемуарных свидетельств. Из четырех десятков изданных мемуарных записок о 1760-х – 1770-х гг. в 19-ти об Архипелагской экспедиции вообще не упоминается, в 11 о ней сказано бегло и то более в связи с торжествами 1775 г. по случаю заключения мира, и только в 9 записках участников сражений сохранились развернутые повествования о морском походе и об увиденных землях (для сравнения отметим, что происходившим в это же время Пугачевщине и Чумному бунту специально посвящены по меньшей мере по 8 мемуарных сочинений, не говоря о многочисленных упоминаниях).

³⁸ *Коковцев М.Г.* Описание Архипелага и варварийского берега, изъясляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786; Описание Архипелага, составленное Г.Л. Паш ван Криненом и Путешествие из Ливорно в Рим отправленных от Спиридова флота лейтенанта Суховатова, адъютанта Ржевского, мичмана кн. Голицына, поручика Жукова 1772 г. (см. Приложение 6,7). См. также: *Bruce of Kinnaird I.* Travels to discover the source of the Nile in the years 1768,1769,1770,1771,1772, and 1773. Edinburgh & London, 1790. Vol. 1-5; *Choiseul-Gouffier.* Voyage pittoresque de la Grece. Paris, 1782. Vol. 1; *Volney C.-F.* Voyage en Syrie et en Egypte, pendant les annees 1783,1784 Sc 1785. Paris, 1787. Vol.1, 2.

³⁹ Хранятся в РГА ВМФ. Частично введены в научный оборот Е.В. Тарле (*Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг // Академик Е.В. Тарле. Сочинения. М., 1959. Т. 10. Стр. 11—91) и Г. А. Гребенщиковой (*Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007). В настоящем издании наряду с опубликованными использованы материалы вахтенного журнала шебеки «Греция» (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149) периода похода к берегам Палестины.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 846. Он. 16. Д. 1860; 1948.

⁴¹ Журналы инженер-офицеров флота были впервые широко использованы: *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. СПб., 1866-74. Т. 1-5.

проблемы значительного развития не получили, хотя отчасти их касались А.Л. Зорин и В.Ю. Проскурина.

Тем не менее в изучении Архипелагской экспедиции 1769-1774 гг. сделано немало. Более других изучены вопросы внешней политики России периода подготовки и хода русско-турецкой войны 1768-1774 гг. (С.М. Соловьев, Н.Д. Чечулин, Е.В. Тарле и др. – в отечественной историографии, М.С. Андерсон, И. де Мадариага и Э. Каррер д'Анкос – в западной), военно-политической истории Архипелагской экспедиции (Е.В. Тарле, А. Петров, Ф.С. Криницин, Г.А. Гребенщикова и др), консульской службы Российской империи (В.А. Уляницкий), «Греческого проекта» (Е.И. Дружинина, О.П. Маркова, В.Н. Виноградов, Г.Л. Арш, И.С. Достян, Я. Тиктопуло и др.), русско-итальянских контактов (Дж. Берти, Ф. Вентури), русско-арабских взаимодействий (П.В. Стегний, Т.Ю. Кобищанов, М.Г. Мачарадзе). Увидевшие свет в последнее десятилетие биографии А.Г. Орлова (В.А.Плугин и О.А.Иванов)⁴² содержат убедительные заключения относительно значения деятельности А.Г.Орлова в архипелагской истории.

Значительно облегчили нашу работу появившиеся в последние годы замечательные справочники по истории российского парусного флота⁴³ и его крупнейших деятелей⁴⁴, а также новейшее фундаментальное исследование военных историков М.С. Монакова и Б.И. Родионова «История российского флота в свете мировой политики и экономики» (М.-Кронштадт, 2006).

Между тем от внимания историков ускользнула *многоплановость целей*, решавшихся экспедицией, и они односторонне трактовали предназначение и результаты Архипелагской экспедиции. В частности, Н.Д. Чечулин, восхищавшийся дипломатической активностью Н.И. Панина и его усилиями по созданию «северного аккорда», отозвался о значении Архипелагской экспедиции пренебрежительно; он рассматривал действия флота лишь с точки зрения их места в общей картине военных мероприятий и оценил их как простой набег (что совпало со взглядами на экспедицию и многих европейских историков, видевших в операциях флота лишь каперские акции). В.О. Ключевский, полагавший, что «внешняя политика – самая блестящая сторона государственной деятельности Екатерины, произведшая наиболее сильное впечатление на современников и ближайшее потомство»⁴⁵, расценивал значение Архипелагской экспедиции главным образом в военно-стратегическом ракурсе и почитал ее едва ли не за авантюру. «Нужно было иметь много веры в Провидение, чтобы послать на такое дело в обход чуть не всей Европы флот, который сама Екатерина четыре года назад признала никуда негодным», – писал В.О. Ключевский и, объясняя причину Чесменской победы, категорично заключал – просто «в Архипелаге нашелся флот хуже русского»⁴⁶.

Уже в XIX веке исследователи обратили внимание и на кажущуюся *непоследовательность императрицы* в определении задач и предназначения экспедиции; они объясняли это непродуманностью общей стратегии экспедиции из-за отсутствия здравого расчета («Вся экспедиция была в сущности результатом увлечения», – писал В.А.Уляницкий)⁴⁷ или поспешной ее подготовкой (много задумав, Екатерина «на каждом шагу наталкивалась на свою неподготовленность; решив послать морскую экспедицию к берегам Морей, просила своего посла в Лондоне выслать ей карту Средиземного моря и Архипелага, также достать пушечного литейщика поаккуратнее наших», – замечал В.О. Ключевский, и т.п.)⁴⁸.

⁴² Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом. Жизнеописание графа Орлова-Чесменского. М., 1996; Иванов О.А. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в Москве. М., 2002.

⁴³ Чернышев А. А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х томах. М., 2002.

⁴⁴ Лурье В. Морской биографический словарь. Деятели Российского флота XVIII века. СПб., 2005.

⁴⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть V// Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. V. С. 36.

⁴⁶ Там же. С. 43, 44.

⁴⁷ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 122.

⁴⁸ Ключевский В.О. Указ. соч. С.43.

Традиция рассматривать предназначение экспедиции лишь как военной диверсии против Османской империи в «наичувствительнейшем месте» (Екатерина II) надолго закрепилась в отечественной исторической литературе. Действительно, Екатерина писала в связи с посылкой экспедиции прежде всего о военно-стратегических задачах – о том, что она подпаливала империю с четырех углов (ведя военные действия на юге России, на Кавказе, в Молдавии и Валахии и в Средиземноморье)⁴⁹. Большинство российских военных историков высоко оценили и стратегический замысел, и результаты экспедиции, подвергнув критике лишь некоторые тактические ошибки ее командования. С легкой же руки Е.В. Тарле, чья работа увидела свет в конце Великой Отечественной войны, Архипелагская экспедиция перешла в разряд тем историко-патриотического воспитания и в этом ключе рассматривается до сих пор. Появившиеся в последние годы популярные работы А.Б.Широкограда, отличающиеся не всегда корректными и взвешенными оценками, думается, даже излишне этот патриотический настрой эксплуатируют.

Из новейших исследований, посвященных Архипелагской экспедиции, особое место занимает фундаментальная монография Г.А. Гребенщиковой⁵⁰. Ее автору, многие годы посвятившей изучению строительства русского флота в XVIII-XIX вв., удалось собрать значительный архивный материал, ввести в научный оборот новые источники⁵¹, уточнить важные аспекты международных отношений, связанных с русско-турецким противостоянием, детали военных акций похода Балтийского флота в Архипелаг в 1769-1774 гг., осветить повседневную жизнь российских моряков.

Вместе с тем, некоторые концептуальные заключения автора вызывают возражения. Прежде всего, в работе, на наш взгляд, незаслуженно навязчиво принижается роль греческого восстания в истории Архипелагской экспедиции и в сущности игнорируется участие греков в экспедиции⁵². Думается, выводы автора зиждутся на слабом знакомстве с литературой, посвященной истории балканских народов, в которой приведены веские аргументы в пользу того, что «албанцы», которых Г. А. Гребенщикова упорно противопоставляет «грекам», во время Архипелагской экспедиции не были только жителями этнически и конфессионально разобщенной «Албании», а «термин «албанец» или «арнаут» стал нарицательным для обозначения наемного солдата иррегулярных пехотных войск»⁵³. В русской документации периода Архипелагской экспедиции можно встретить как противопоставление «*греки*» vs. «*албанцы*»⁵⁴, так и формулировку: «военнослужащие в нерегулярном войске – арнауты, албанцы, морейцы, сфациоты и *протция греки*»⁵⁵. Кстати, и Греческий легион, образованный после переезда в Россию греков, воевавших вместе с русскими в 1769-1774 гг., первоначально назывался «Албанским». Известную путаницу вносит Г.А.Гребенщикова и в понятие «Греческий проект», под которым

⁴⁹ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. С. 287-288.

⁵⁰ Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб.: Наука, 2007.

⁵¹ К сожалению, увлеченная блестящими архивными находками, автор упустила из вида тот факт, что многие из цитируемых ею архивных дел были опубликованы еще в XIX в. (АГС, Переписка Панина и Орлова и др.), равно как и превосходно известные в литературе мемуары С.П. Хметевского и Ю.В. Долгорукова, которые автор «обнаружила» в Отделе рукописей РНБ. Палеографические характеристики используемых Гребенщиковой рукописей также иногда вызывают недоумение.

⁵² Автор ошибочно полагает, что участие греков было минимальным, а их численность едва ли превышала несколько десятков. См., например: Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 276.

⁵³ Арил Г.Л. Албания: Рост сепаратизма местных властителей // История Балкан. С. 486.

⁵⁴ Например, см. донесение капитана Петра Бешенцова о том, что к нему был направлен матросом грек Вангели Аламан, принесший присягу, а его опознал капитан албанцев, который сообщил, что Аламан «не грек, а албанец и служил в ево албанской капитанской службе и из оной самовольно отлучился» (Февраль 1771 г. – РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 5. Л. 331). Н. Паппас приводит доводы в пользу того, что в албанское войско входили черногорцы, сербы, маниоты Пелопоннеса, албанцы, выходцы из Закинтоса и Кефаллонии (Pappas N.C. Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries. Thessaloniki, 1991. P. 73).

⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 93. Л. 211 об.

она разумеет все попытки обозначить сотрудничество с греками с 1770 г., тогда как в литературе сложилось устойчивое понимание того, что есть «Греческий проект», и едва ли правомерно, не оговаривая специально, столь вольно использовать классические детерминанты⁵⁶.

В греческой историографии изучение Архипелагской экспедиции и ее роли в греческом национально-освободительном движении имеет более чем столетнюю традицию⁵⁷. До настоящего времени не утрачивают своего значения серьезно аргументированные, опирающиеся на архивные источники работы К. Стефаноса и П.Контогианниса⁵⁸, специально посвященные русско-турецкой войне 1768-1774 гг. и роли в ней греков. Современные авторы опираются обычно на материал, собранный в этих двух трудах, хотя в своих оценках порой допускают значительно более решительные суждения и выводы⁵⁹. Господствующая в греческой литературе трактовка событий Архипелагской экспедиции значительно отличается от принятой в отечественных исследованиях. Большинство греческих авторов настаивают на том, что российская императрица перед началом русско-турецкой войны 1768-1774 гг. через своих эмиссаров обещала помощь значительно большую, чем эта помощь реально была оказана. Таким образом, она напрасно обнадежила греков и балканских славян и, в конечном счете, спровоцировала их на восстание, закончившееся поражением и повлекшее жестокую расправу турок над повстанцами на Пелопоннесе в 1770 г.⁶⁰. По нашим оценкам, такая трактовка не вполне обоснованна: с самого начала Екатерина II указывала, что грекам следует воспользоваться благоприятной обстановкой русско-турецкой войны и российским присутствием, чтобы завоевать свою свободу; к тому же российские авторы обычно доказывают, что провал операции в Морее стал итогом бегства греков-маниотов (майнотов) с поля боя и их неумения вести регулярные сражения⁶¹. В дальнейшем, как принято считать в греческой историографии, русские, добившись присяги в верности от жителей части Кикладских островов, вместо свободы принесли им новые поборы, беспокойства от пиратских набегов и к тому же вывезли часть античных памятников в Россию⁶². Думается, что и подобные оценки нуждаются в корректировке: на наш взгляд, источники не дают оснований считать, что установленные на островах Архипелагского княжества повинности и сборы превышали бывшие при османском правительстве, да и информация о вывозе значительного числа античных памятников кажется сильно преувеличенной (подробнее об этом см. гл. 5).

Диссонансом этим греческим позициям звучат выводы Н.Паппаса – исследователя участия греков в военных операциях России (это участие, по мнению Паппаса, и подготовило греков к национальному освобождению). Паппас считает, что хотя Россия и решала свои задачи

⁵⁶ В частности, недоумение вызывает вывод о том, что «в марте 1771 г. императрица поставила финальную точку в «греческом проекте» (с.356), тогда как известно, что настоящий «Греческий проект» был изложен Екатериной в письме к Иосифу II лишь в 1782 г.

⁵⁷ Авторы выражают благодарность Е.А.Литвин, помогавшей в работе с греческой историографией и сделавшей переводы с греческого для настоящего издания.

⁵⁸ Στέφανος Κ. Ανέκδοτα έγγραφα αλοσταλέντα προς τους κατοίκους των Κυκλάδων κατά την υπο των Ρώσων κατοχήν. Αθήνησιν, 1878; Κοντογιάννης Π.Ν. Οι Έλληνες κατά τον πρώτον επί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768–1774. Αθήνα, 1903.

⁵⁹ Специально греческой историографии посвящена работа: Ροτζώκος Ν. Β. Εθναφύπνιση και εθνογένεση: Ορλωφικά και ελληνική ιστοριογραφία. Αθήνα, 2007.

⁶⁰ Это восстание часто по именам братьев Орловых называют «Орлофика». См., например: Σάθας Κ. Τουρκοκρατούμενη Ελλάδα, 1453–1821. Αθήναι, 1869; Σακελλαρίου Μ.Β. Η Πελοπόννησος κατά την δευτέραν Τουρκοκρατίαν, 1715–1821. Αθήνα, 1939; Γριτσόπουλος Τ. Α. Τα Ορλωφικά. Η εν Πελοποννήσω επανάστασις του 1770 και τα επακόλουθα αυτής. Αθήνα 1967; Κουγέας Σ. Συμβολαί εις την ιστορίαν της υπό τους Ορλώφ Πελοποννησιακής Επαναστάσεως (1770) // Πελοποννησιακά. 1956. № 1. σελ. 50–107 и др.

⁶¹ Различные оценки см.: Ари Г.Л. Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768-1774 гг. Восстание в Морее // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 439; Гребенищикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 246-257.

⁶² Πασχάλη Δ. Αι Κυκλάδες υπό τους Ρώσους (1770–1774). Μετ' ανέκδοτων έγγραφων. // Επετηρίς Εταιρείας Κυκλαδικών Μελετών. 1961. №1. Σελ. 234–292)

борьбы против Османской империи, ее цели совпадали с целями греков⁶³, а потому Россия оказала решающее влияние на национально-освободительную борьбу. Эмиграция в Россию также благотворно отразилась на накоплении греческих капиталов. В общем сотрудничестве, основанное на взаимном интересе, завершилось в конечном итоге успехом.

В западной историографии Архипелагской экспедиции преобладают те же оценки, что и в большинстве греческой⁶⁴. В частности, румынская исследовательница А. Камариано-Сиоран предприняла серьезные изыскания, чтобы доказать, что Екатерина II считала угнетенных греков не более чем инструментом для осуществления своих планов расчленения Османской империи, а религиозные лозунги и пророчества о «светловолосых освободителях» дали ей только дополнительные возможности для реализации этих планов. Камариано-Сиоран внимательно изучила свидетельства о деятельности российских агентов на Балканах, историю совместных русско-греческих операций в Море в весну 1770 г., просчеты сторон и пришла к выводу, что вина за поражение в Море лежит, прежде всего, на русских, пришедших с недостаточными силами и вооружением и поспешивших при первых неудачах покинуть Пелопоннес, оставив восставших греков на погибель⁶⁵.

Впрочем, за исключением А. Камариано-Сиоран, Ф. Вентури, Ч. Чиано, Р.С. Андерсона⁶⁶ и М.С. Андерсона⁶⁷, об акциях российского флота в Восточном Средиземноморье западные исследователи пишут мало. Опыт государственного строительства на островах Архипелагского княжества в западной историографии вообще не изучался, а российская экспедиция упоминается по большей части в связи с открытием Греции западноевропейскими путешественниками и становлением идеи филэллинизма⁶⁸ или с началом национально-освободительной борьбы и влиянием на нее греческих переселенцев в Россию⁶⁹.

В итальянской историографии пребывания русского флота в Италии во время Первой русско-турецкой войны⁷⁰ концептуальная рамка задана двумя исследованиями, вышедшими на рубеже 1970-х и 1980-х гг.: третьим томом фундаментального труда Франко Вентури «Il Settecento-Riformatore» («XVIII век – век реформ», 1979) и «Russia e Toscana nei secoli XVII

⁶³ Pappas N. C. Greeks in Russian military service. P. 334-335.

⁶⁴ См., например: Constantine D. Early Greek travelers and the Hellenic Ideal. P. 168-187; Pappas N.C. Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries. P. 67-70.

⁶⁵ Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768-1774 et les Grecs //Revue des etudes sud-est europeennes. Bukarest, 1965. T. III. № 3-4. P. 513-547.

⁶⁶ Anderson R. C. Naval Wars in the Levant. 1559-1853. Liverpool, 1952.

⁶⁷ Британский историк М.С.Андерсон в начале 1950-х гг. обратился к истории Архипелагской экспедиции Екатерины II в связи с анализом российско-британских отношений, и его заключения, основанные на архивных источниках и публикациях британской прессы, показывают, что значительная британская помощь в реализации екатерининских планов, дорого стоившая Британии, по сути ничего для Соединенного королевства не дала: укрепив политический и военный вес России, Британия не получила в ее лице верного союзника, а, напротив, значительно обострила собственные отношения с Портой. См.: Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769-70 //Slavonic and East European Review, 31 (1952/1953) . [New York], 1952/53. С. 148-163; Anderson M.S. Great Britain and Russo-Turkish War of 1768-74 // English historical Review . [New York], 1954. Vol. XIX (№270). С. 39-58; Anderson M.S. Britain's discovery of Russia, 1553-1815 . [New York], 1958.

⁶⁸ См., например: Constantine D. Early Greek travelers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984; Augustinos O. French Odysseys. Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994; Navari L., Konstantinos S. Greek Civilization through the Eyes of Travellers and Scholars. Oak Knoll Press, 2004; Rawson E. The Spartan Tradition in European Thought. Oxford: Clarendon Press, 1969; Roessel D. In Byron's Shadow. Modern Greece in the English and American Imagination. NY, 2002.

⁶⁹ Из последних работ, содержащих обширную библиографию по этому вопросу, см.: Pappas N.C. Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries.

⁷⁰ Мы сознательно опускаем в данном случае работы, посвященные русско-итальянским связям в целом, концентрируя свое внимание лишь на исследованиях по истории интересующего нас краткого временного отрезка – 1768-1774 гг. Общую библиографию работ о русских в Италии см., например: Todeschini M.P. Russi in Italia dal Quattrocento al Novecento. Bio-bibliografia descrittiva. Mon-calieri, 1997; Справка о документах по истории отношений между Италией и Россией, хранящихся в некоторых государственных архивах Италии // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 407-452.

e XVIII. Pagine di storia del commercio e della navigazione» Чезаре Чиано («Россия и Тоскана в XVII-XVIII вв. Страницы торговой и морской истории», 1980). О них подробно говорится в главе 7 настоящего издания. Из других работ необходимо выделить богатые архивными материалами монографии и статьи Дж. Берти⁷¹, С. Виллани⁷², Л. Доноло⁷³, М.Л. Кавальканти⁷⁴, а также блок материалов о русско-венецианских отношениях, опубликованный в первой половине XX в. (в работах А.М. Альберти⁷⁵, К. Манфрони⁷⁶, Ф. Сенеки⁷⁷, Р. Чесси⁷⁸).

В период работы над монографией авторы получали поддержку Российского гуманитарного научного фонда (проекты 05-01-01262а, 09-04-18003е). В 2009 г. при поддержке РГНФ была предпринята экспедиция в Грецию, в Южный Пелопоннес и на острова, составлявшие в 1770-1774 гг. Архипелагское княжество. Некоторые материалы, собранные экспедицией, а также фотографии, выполненные в экспедиции Ю.Я.Яриным, Е.А.Литвин, Е.Б.Смилянской, представлены в настоящем издании.

Авторы считают своей приятной обязанностью выразить благодарность коллегам и друзьям, оказавшим неоценимую помощь в работе над книгой: Е.В. Акельеву, Г.О. Бабковой, Ю.В. Бродскому, М.И. Василенко, В.А. и Е.А. Гордеевым, А.Б. Каменскому, Г.А. Космолинской, Г.В. Ибнеевой, М.Б. Лавринович, А.С. Лаврову, Е.А. Литвин, Е.В. Никандровой (РГА ВМФ), Н.В. Назаровой, А.Ф. Строеву, С.Л. Туриловой (АВПРИ), Ханне Файнштейн, И.Л. Фомину, К.А. Хомяковой, Н.И. Шленской, Ю.Я. Ярину. Отдельная благодарность – зарубежным коллегам и друзьям Марии ди Салвио, Ингрид Ширле, Рою Робсону, Уршуле Церняк, Гуида Карпи и Стефано Виллани, а также Алессандре Андольофо, любезно предоставившей в наше распоряжение собранные ею материалы из Государственного архива Турина, греческим историкам-энтузиастам Иоаннису Василеопуло и Олимпиосу Алифиерису, сопровождавшим нас по руинам российских построек на Паросе и щедро делившимся своими материалами.

Авторы выражают также признательность сотрудникам Российского государственного архива древних актов, Российского государственного архива военно-морского флота, Архива внешней политики Российской империи, отдела письменных источников и отдела картографии Государственного исторического музея, отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Музея книги Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки, Военно-Морского музея в Санкт-Петербурге за неоценимое содействие в многолетних изысканиях.

⁷¹ *Berti G.* Russia e stati italiani nel Risorgimento. Torino, 1957 (русский перевод в 1959 г.).

⁷² *Villani S.* Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo // *Nuovi Studi Livornesi*. Vol. XV (2008). P. 37-96.

⁷³ *Donolo L.* Il conte Aleksej Orlov e il pittore Jacob Philipp Hackert a Livorno, teatro virtuale della battaglia di Cesme // *Nuovi Studi Livornesi*. T. IX (2001). P. 107-143.

⁷⁴ *Cavalcanti M.L.* Le relazioni commerciali tra il regno di Napoli e la Russia, 1777-1815. Fatti e teorie. Geneve, 1979.

⁷⁵ *Alberti AM.* Venezia e la Russia alia fine del secolo XVIII (1770-1785) // *Archivio Veneto*. 1931. Vol. X.

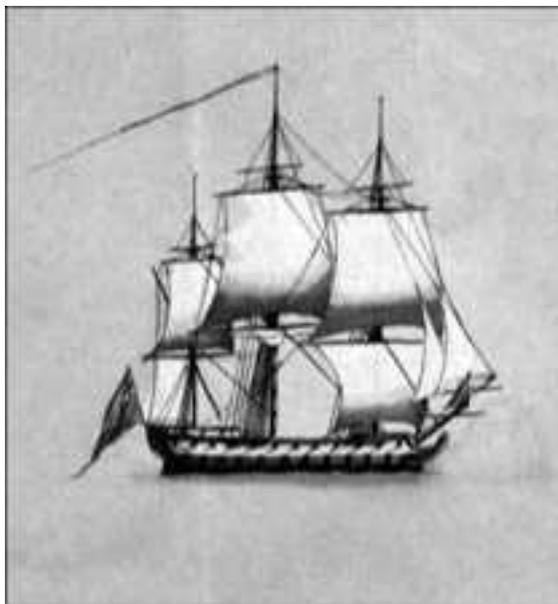
⁷⁶ *Manfroni C.* Documenti veneziani sulla campagna dei Russi nel Mediterraneo 1770-71 // *Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti*. T. LXXII. P. II. Venezia, 1912-1913; *Manfroni C.* La campagna nava-le russo-turca (1770-1771) // *La Rivista Marittima*. Roma, 1913. Quarto Trimestre. Vol. 4 (Dicembre).

⁷⁷ *Seneca F.* Francesco Lorenzo Morosini e un fallito progetto di accordo veneto-russo // *Archivio Veneto*. №106 (1963).

⁷⁸ *Cessi R.* Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770 // *Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti*. T. LXXIV. P. II. Venezia, 1914-1915.

Часть 1

Архипелагское предприятие императрицы Екатерины II

И.М. Смилянская, Е.Б. Смилянская

Глава 1

Приготовления к войне в Средиземном море: сценарий и выбор действующих лиц

... графу Орлову должна я частью блеска моего царствования, ибо он присоветовал мне послать флот в Архипелаг

Екатерина II

Вам угодно сравнивать проект экспедиции в Средиземное море, приписываемый несправедливо мне (я предоставляю себе назвать его сочинителя, когда он удастся), с предприятием Аннибала...

Из письма Екатерины II Вольтеру

И.М. Смилянская

Средиземноморская политика Екатерины II и ее окружения не родилась сразу во всей своей завершенности, но и не была суммой разрозненных, порожденных обстоятельствами случайных шагов – она подчинялась определенной логике и была отмечена последовательной цепью мероприятий. Как известно, первые камни в строительство этой политики заложил еще Петр I, императрица же была его примерной ученицей, успешно развившей его начинания.

Именно Петр был сторонником военно-политического союза России, Австрии, Венецианской республики, Речи Посполитой и Мальтийского ордена против Османской империи. При нем Россия стала членом Священной лиги. Не без основания уповая на благосклонность властей Венецианской республики, царь обращался к ним с просьбой о командировании в Россию опытных мастеров местного арсенала. К рыцарям ордена св. Иоанна Петр послал для переговоров Б.П. Шереметева, а в Венецию направлял в марте и апреле 1711 г. российских торговых консула Дм.Ф. Боциса и агента Маттео (Матвея) Каретту, последний оставался в Венеции до июля 1715 г. и был заменен П. Беклемишевым⁷⁹. При этом Петр преследовал преимущественно военно-политические цели, чему также служили его сношения с жителями Черногории. На Балканах Петр I выступал поборником религиозно-политической идеи изгнания мусульман за пределы Европы, сформулированной еще Генрихом IV и его министром Сюлли⁸⁰.

Вместе с тем, у Петра I, по-видимому, присутствовал более глубокий интерес к Средиземноморью, чем только стремление создать антитурецкую коалицию. Следуя распространенной среди государств практике найма иностранцев на свою службу, Петр отдавал предпочтение датчанам, голландцам, шведам. Тем не менее от него исходил приказ взять на русскую службу людей и «из склавенов, из греков и итальянцев», якобы более привычных к управлению галерами⁸¹. О политическом интересе царя к Средиземноморью свидетельствовали его

⁷⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. I. М.; Л. 1964. С. 110-111, 169; Т. XII. Вып. 2. М., 1977. С. 561, 568. Дмитрию Боцису (долматскому греку по происхождению) помимо торговых дел вменялось в обязанность поддержание связей с жителями Черногории, Герцеговины и Албании (см.: *Ореикова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 105).

⁸⁰ Во всяком случае, к подобного рода высказываниям царя обращался А.Г. Орлов, когда не без удали писал брату Григорию из Италии: «И если ехать, так уж ехать до Константинополя и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжкого, которое они терпят. И скажу так, как в грамоте Государь Петр Первый сказал: а их неверных магометан согнать в поля и степи пустые и песчаные на прежние их жилища. А тут опять заведется благочестие...». См.: *[Майков Л.Н.]* Первая мысль о Морейской экспедиции гр. А.Г. Орлова с предисловием Л.Н. Майкова // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII и XIX веков. Изд. М. Михайловым. СПб., 1873. С. 142.

⁸¹ Из прибывших в Архангельск 520 иностранцев 160 были датчанами, 164 – шведами, 108 – голландцами, 86 – немцами. Далее по количеству следовали 36 человек из Средиземноморья – турок, венецианцев, итальянцев (*Дулич. Л.* На службе Рос-

усилия в установлении сношений с Генуей и Пьемонтом. Если первая могла его интересовать своими гаванями, то королевство Сардинии – ролью в европейской политике благодаря постоянной игре Савойской династии на противоречиях между Францией и Австрией⁸². Для рекогносцировки Петр направил в Средиземное море и первое российское судно – «Армонт»⁸³. В 1697-1698 гг. по славянским землям Адриатики проехал пятидесятидвухлетний стольник П.А. Толстой, направленный для прохождения курса морских наук в Венецию в числе 37 других дворян⁸⁴. Он не только вел дневник своего путешествия по Италии и Мальте, но, будучи назначен главою российской миссии в Константинополе, составил в 1706 г. и представил императору подробное описание населенных пунктов, крепостей и портов, а также условий судоходства по акватории Черного, Мраморного и Эгейского (Белого) морей и проливов Босфор и Дарданеллы⁸⁵.

Петру I принадлежала идея взаимодействия с народами Балкан в борьбе против Турции. Им же задана стилистика обращений к балканским единоверцам. В манифесте от 8/19 мая 1711 г., обращенном к грекам, сербам, «славянам» и албанцам, Петр призывал соединить усилия с российскими войсками, дабы «на неприятеля креста Господня воевати за отечество, за честь и превращение древних свобод и вольностей», за «освобождение церкви и веры святыя православныя от гонения басурманского»⁸⁶. Историки полагают, что неудачи Петра I в Прутском походе были связаны с его необоснованной уверенностью в своевременной вооруженной поддержке балканских единоверцев⁸⁷. Но само это взаимодействие не было подготовлено ни политически, ни организационно.

Преемники Петра I вели малоуспешные переговоры с Венецианской республикой о заключении торгового договора и несколько расширили сношения с балканскими славянами и греками; те, в свою очередь, не только поступали на русскую службу, но и переселялись в Россию. Однако сколько-нибудь выраженного интереса к средиземноморским делам до Екатерины II преемники Петра I не проявляли.

Вступление на трон Екатерины II совпало с ухудшением русско-турецких отношений: у Порты росло беспокойство в связи с растущей военной мощью России. Она протестовала против строительства на реке Дон крепости Св. Дмитрия (будущего Ростова-на-Дону), выражала недовольство российской политикой в Польше и поддерживала польских конфедератов. Между тем, российскому двору было известно, что за антироссийскими кругами Речи Посполитой стояла Франция, вынашивавшая планы создания «Восточного барьера», предназначенного изолировать Россию от Европы и вовлечь ее в войну с Турцией⁸⁸. Австрия после выхода

сии // Морской сборник. 2006. № 1).

⁸² См.: *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959.

⁸³ *Каллистов Н.Д.* Архипелагская экспедиция // История русской армии и флота. М., 1912. Т. 8. С. 53. Возможно, отклик на плавание «Армонта» содержится в «Гистории о российском матросе Василии Кориотском и прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли»: «И уже тому два года, пришли морем в наша государства из Европии кораблями российские купцы, и я в то время гуляла с девицами в шляпках и смотрела российских товаров и всяких диковинок», (цит. по: Русская литература XVIII века. 1700-1775. М., 1979. С. 17).

⁸⁴ См.: *Орешкова С.Ф.* Вступительная статья // *Толстой П.А.* Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / Сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2006. С. 44. О П.А. Толстом см.: *Орешкова С.Ф.* Османская империя глазами русских дипломатов // Османская империя. События и люди. М., 2000. С. 15-19.

⁸⁵ *Толстой П.А.* Дневник, писанный им во время путешествия в Италию и на остров Мальту в 1697-1698 гг. // Русский архив. 1888. Кн. 1. Вып. 2; *Он же.* Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота. См. также: Русский посол в Стамбуле. Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / Сост., вступ. ст., коммент. М.Р. Аруновой, С.Ф. Орешковой. М., 1985.

⁸⁶ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 57

⁸⁷ Там же С. 55-57.

⁸⁸ Министр иностранных дел Франции герцог де Шуазель писал в 1768 г.: «Я с печалью убедился, что север Европы подчиняется все более и более русской императрице... что на севере готовится лига, которая станет страшной для Франции (речь шла о „Северном аккорде“. – *Авт.*). Самое верное средство разрушить этот проект и, быть может, низвергнуть императрицу с захваченного ею трона – это было бы возбудить против нее войну. Только турки в состоянии оказать нам эту

из Семилетней войны России присоединилась к антирусским интригам Франции в Константинополе. Это были очевидные причины обострения русско-турецких отношений.

Однако для русско-турецкого противостояния существовали и скрытые, более глубокие основания. Екатерина встала на путь реформ, предназначенных преобразовать Россию согласно существующим представлениям о современном государстве. Это предполагало создание централизованной системы государственного управления, прежде всего нуждавшейся в административно-территориальном упорядочении государственного пространства и определении «естественных» границ государства.

Не менее существенным было обеспечение со стороны государства условий для экономического развития страны. Между тем, по всему Причерноморью тянулось огромное приграничное пространство, остававшееся недоступным для хозяйственного освоения, служившее плацдармом для набегов на российские поселения со стороны крымских татар, пребывавших под покровительством Порты. Все побережье Черного моря, куда впадают важные судоходные реки

России, было завоевано турками, хотя веками море служило важнейшей транспортной артерией региона (знаменитый путь «из варяг в греки»), теперь из-за турецких запретов оно стало недоступным для судоходства россиян. В результате развивающиеся южные русские территории были лишены естественного выхода к внешним рынкам. Одним словом, перед Екатериной II встала задача, не решенная Петром I, – открытие «южного окна» в Европу.

Петр I и Екатерина II

Следовательно, Россия не могла избежать войны с Турцией. При активном характере политики императрицы и ее больших внешнеполитических планах и амбициях война предстояла России наступательная, призванная решить кардинальные вопросы русско-турецких отношений.

услугу» (цит. по: Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война, 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 53-54).

Императрице не было свойственно недооценивать степень опасности для России ее противника, которого она считала «единственным государством, могущим быть для нас страшным»⁸⁹, ибо Османская империя могла выставить в случае войны самую многочисленную армию в Европе, имела артиллерию с кадрами, подготовленными французскими военными советниками, и большой морской флот, которому Россия уступала, по крайней мере, в быстротности⁹⁰. Поэтому для успешного ведения войны против Османской империи (да еще в условиях враждебных отношений с Францией и заметного охлаждения во взаимоотношениях с Австрией) России было необходимо заручиться дружескими связями с государствами северной Европы и нейтрализовать враждебные действия со стороны Швеции и Польши. Этому помимо собственных задач должна была служить так называемая «система северного союза» (или «северного акорда»), тщательно прорабатываемая первоприсутствующим Коллегии иностранных дел Н.И. Паниным. Она предназначалась для достижения в Европе баланса политических сил и «сохранения мира и спокойствия на Севере» Европы. Союзные договоры с Пруссией (1764) и Данией (1765), заключенные во имя реализации северной системы, содержали секретные статьи, предусматривавшие помощь этих государств России в случае нападения Турции. Союзный же англо-русский договор, переговоры о заключении которого велись в течение нескольких лет вплоть до начала самой войны, подписан не был – из-за нежелания Англии брать на себя аналогичные обязательства⁹¹.

Смерть польского короля Августа III в 1763 г. и острый международный конфликт вокруг Польши побудили Екатерину сосредоточить свое внимание на польских делах. Однако ни заботы о создании северного союза, ни польские проблемы не помешали императрице держать в поле зрения турецкий вопрос и средиземноморские замыслы, тайно вызревавшие в ее голове, по-видимому, с начала ее правления.

В главе делается попытка извлечь из сложной канвы политических событий первых восьми лет правления Екатерины II те, подчас связанные между собой, мероприятия императрицы и ее ближайшего окружения, которые говорили о том, как вызревал замысел вторжения России в Средиземноморье и осуществлялась подготовка Архипелагской экспедиции.

Флот

Обеспечение безопасности на севере, укрепление международного веса, а в будущем и проникновение в Средиземноморье требовали от России укрепления ее морского флота. В первый же год правления Екатерины было принято решение о расширении военно-морских сил, приглашении из-за границы флотских офицеров и кораблестроителей, а также посылке стажеров для прохождения практики в иностранных флотах. Результатом усилий императрицы был численный рост российского флота и обретение отличных морских офицеров, среди них шотландца С.К. Грейга (1735-1788), поступившего на русскую службу в 1764 г., впоследствии прославившегося как герой Чесмы и замечательный российский флотоводец⁹².

⁸⁹ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. С. 513.

⁹⁰ Турки, привыкшие к господству в Восточном Средиземноморье, преувеличивая мощь своего флота, имели, как оказалось, превратные представления о русском флоте. Османский министр Ресми-эфенди писал о том, что флот этот состоит из старого хлама, что первая же буря разнесет его в щепки. Впрочем, последнее предсказывали и европейские наблюдатели. Ресми-Ахмет-Эфенди. Сок достопримечательного в сущности, о начале и важнейших событиях войны, происходивших между Высокою Портою и Россией / Предисл. О.И. Сенковскаго // Библиотека для чтения. 1854. Т. 24. Отд. I.

⁹¹ Подробнее о внешнеполитической ситуации см. гл. 3.

⁹² А.Г. Орлов в 1772 г. рекомендовал Н.И. Панину Грейга такими словами: «Осмелюсь препоручить в вашу любовь и милость исправного и храброго Грейга. Прошу быть к нему милостиву». Панин в ответ называет Грейга «достойным флагманом» и благодарит за него Орлова (Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770-1773 // Русский архив. 1880. III (2). С. 244-245).

Отбор русских офицеров для прохождения заграничной службы был весьма строгим⁹³. В результате большинство офицеров, направленных на стажировку в 1762 и 1763 гг., впоследствии успешно несли службу в Архипелагской экспедиции, среди них будущий адмирал, а во время Первой русско-турецкой войны еще капитан Е.М. Лупандин (ум. в 1812 г.), будущий вице-адмирал капитан И.А. Борисов (1719-1786) и впоследствии капитан генерал-майорского ранга М.Г. Кожухов (1730 – после 1783), чей морской отряд в 1773 г. после осады Бейрута совместно с арабскими правителями, вышедшими из повиновения Порте, заставил сдаться османского правителя города Ахмеда Джебзара.

В первые годы стажеры направлялись в Англию, которая охотно откликнулась на обращение русской Адмиралтейской коллегии за помощью в воссоздании флота. Англия не видела в России соперника на морских просторах, но рассчитывала в будущем использовать русских в войне с Францией в качестве союзников и поставщиков наемников⁹⁴. Впрочем, Екатерина II не вняла настойчивым

требованиям англичан внести в союзный договор статью об обязанности России выставить войска для поддержки англичан в Северной Америке, при том, что сама Англия не соглашалась оказать помощь России в Средиземном море. (Примечательно, что английский король, подобно другим коронованным представителям европейских правящих династий, долго не мог, как писала Екатерина, «привыкнуть» к мысли о том, что российская императрица приняла решение вести независимую внешнюю политику, не допуская использования России в чужих интересах.)

Характерно, что помимо Англии Россия приглашала на службу корабельных мастеров и морских офицеров Венеции и Мальтийского ордена. Хотя в этом она успеха не достигла, но тем не менее между 1765 и 1768 гг. шесть русских офицеров проходили практику в составе мальтийского флота⁹⁵. Согласно французскому поверенному в делах в Петербурге и литератору Клоду Рюльеру, их пребывание на Мальте официально объяснялось необходимостью усовершенствовать свои познания в кораблестроении и мореплавании для последующего применения этих знаний на Балтике. На деле же, как полагал Рюльер (и, по-видимому, не ошибаясь), на Мальте русские морские офицеры должны были познакомиться с условиями судоходства в Средиземном море⁹⁶. Некоторые из этих офицеров успели пройти стажировку и в Англии. Офицеры были отозваны летом 1768 г., когда тайно началась подготовка отправления эскадры⁹⁷.

Морские офицеры, направлявшиеся в иностранный флот, должны были вести сбор сведений о морских путях, состоянии гаваней и городов, ими посещаемых, и их населении⁹⁸ и

⁹³ В числе первых двенадцати моряков, посланных в Англию в 1762 г., находился мичман Михайло Кожухов, участник Семилетней войны, отличившийся беспримерным мужеством – это он, будучи дежурным офицером, не допустил высадки в Кронштадтской гавани Петра III, только что свергнутого с престола. См: *Шугин В.* Всеми забытый капитан Кожухов // Век XVIII. Под андреевским флагом. М., 1994.

⁹⁴ Попытка Англии заключить договор о подобном найме с Россией имела место в 1755 г. См., например: История дипломатии. М., 1959. Т. I. С. 332.

⁹⁵ Это были будущие вице-адмиралы Т.Г. Козлянинов (1739-1798) и Н.С. Скуратов (1741-1812), будущий капитан I ранга М.Г. Коковцев (1745-1793) и менее известные Николай Рагозин, Федор Маталов и Иван Селифонтов (подробнее об этом см.: *Настенко И.А., Яшнев В.* История Мальтийского ордена. Кн. II. Мальтийский орден и Россия: Иоанниты в новое и новейшее время. XVIII-XX вв. М., 2005. С. 29). Т.Г. Козлянинов (Козлеинов) был также в числе отправленных в Англию из Кронштадта 12 декабря 1762 г. (Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 7).

⁹⁶ АВПРИ. Ф. 6/6. Сношения России с Мальтой. 1746-1801. Д. 5. Л. 1-3; *Rulhiere C./C.* Histoire de l'anarchie de Pologne, et du demembrement de cette republique suivie des Anecdotes sur la revolution de Russie en 1762 // Oeuvres. Paris, 1819. Т. 3. P. 292; *Перминов П.* Под сенью восьмиконечного креста (Мальтийский орден и его связи с Россией). М., 1991. С. 76.

⁹⁷ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 7177. Л. 64-66. См. также: *Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007. С. 83-87.

⁹⁸ Отправляющимся в Англию было предписано знать английский язык и собирать упомянутые сведения. – Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 49.

приобретать, как говорилось в повести «Гистория о Российском матросе» знания «по морям, где острова и пучины морские, и мели, и быстрины, и ветры, и небесные планеты, и воздуха»⁹⁹. Сведения, приобретенные Матвеем Коковцевым¹⁰⁰ во время службы в мальтийском флоте, а затем в Архипелагской экспедиции, способствовали составлению книг с описанием Архипелага и «Варварийских берегов» (побережья Туниса и Алжира)¹⁰¹. Мальтийская практика и опыт пребывания в Архипелагской экспедиции были использованы российскими моряками при несении службы в Средиземном море и после войны. Отмеченный вниманием царской семьи, Т.Г. Козлянинов будет командовать между 1776 и 1779 гг. небольшой эскадрой, несшей службу в водах Средиземного моря, и вести успешные переговоры с султаном Марокко. Иными словами, направляя своих офицеров на практику в мальтийский флот, Адмиралтейская коллегия, по-видимому, заглядывала в своих планах далеко вперед.

Посылке русских офицеров в мальтийский флот предшествовала разведка обстановки в Средиземном море, предпринятая по инициативе Екатерины II. В 1763 г. на российских верфях был заложен фрегат с символическим названием «Надежда Благополучия», который специально предназначался для плавания в «Медитерренское море»¹⁰². В документах того времени и литературе он известен как «Володимиров фрегат», так как был зафрахтован для плавания в Италию компанией тульских купцов во главе с Иваном Владимировым¹⁰³. Командовал фрегатом опытный морской офицер Ф.С. Плещеев, плававший с 1743 г., произведенный в капитаны I-го ранга в 1764 г. (погиб на «Евстафий» в 1770 г. во время Чесменского сражения)¹⁰⁴. В плавании участвовали и другие морские офицеры, отличившиеся в русско-турецкой войне в составе Архипелагской экспедиции: в будущем адмирал Вилим Фондезин (1740-1826), П. Аничков, И. Арцибашев и др.¹⁰⁵

Торговый фрегат

Екатерина II предпринимала шаги, направленные не только на выяснение обстановки в Средиземноморье, но и на развитие там русской торговли (а попутно и осуществлении разведки). Эта политика имела свою историю. В России уже в конце XVII в. было хорошо известно о весьма прибыльной торговле Франции, Англии и Голландии в Османской империи¹⁰⁶. Петр I

⁹⁹ Гистория о российском матросе Василии Кориотском и прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли // Русская литература XVIII в. С. 12.

¹⁰⁰ Матвей Коковцев в 1775 г. был назначен в Испанию, а оттуда в разведывательную тайную командировку в Алжир и Тунис.

¹⁰¹ *Коковцев М.Г.* Описание Архипелага и варварийского берега, изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786; *Он же.* Достоверные известия об Альжире, о нравах и обычаях тамошнего народа, о состоянии правительства и областных доходов, о положении Варварийских берегов, о произрастаниях и прочем, с верным чертежом. СПб., 1787.

¹⁰² Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 117.

¹⁰³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIII. С.316; *Дружинина Е.И.* Ключук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 63. Рюльер и вслед за ним В.А. Плугин, думается, ошибочно пишут о двух кораблях и утверждают, что коммерческую операцию готовили Г.Г. Орлов и императрица (*Плугин В.* Алехан, или человек со шрамом. Жизнеописание графа Орлова-Чесменского. Документальная повесть с некоторой долей вымысла. М., 1996. С. 189). Документ, на который мы опираемся, говорит об участии Теплова, но не Орлова.

¹⁰⁴ В ряде документов и исследований он фигурирует под именем Василия. Мы придерживаемся данных «Морского биографического словаря» В.М. Лурье (СПб., 2005).

¹⁰⁵ *Образцов В.* «Надежда Благополучия». Первый екатерининский фрегат в Средиземном море // Родина. 2010. № 2. С. 78-79.

¹⁰⁶ Как известно, до середины XVI в. в османской внешней торговле преобладали связи с Венецианской республикой, к 1535 г. относится франко-турецкий договор о капитуляциях, и французское купечество начинает утверждаться в Восточном Средиземноморье. Аналогичный договор Великобритания заключила лишь в 1579 г. и в 1781 г. основала Левантийскую компанию. В XVII в. Великобритании принадлежала господствующая роль в левантийской торговле. В XVII в. английские и голландские купцы получили разрешение торговать на Черном море, однако только на турецких кораблях. С 1730-х гг. торговлю

безуспешно ставил задачу в переговорах с Портой (посольство Е.И. Украинцева 1699-1700 гг.) добиться свободы торгового судоходства по Черному морю в расчете на выход в Средиземноморье. Однако и по Прутскому договору 1711 г. российская торговля с Османской империей могла осуществляться только сухим путем. Лишь по Белградскому трактату 1739 г. Россия получила те же привилегии, что Англия и Голландия, – осуществлять морскую торговлю, но только на турецких судах. В начале 1740-х гг. президент коммерц-коллегии Б.Г. Юсупов уже запрашивал российского резидента в Константинополе А.А. Вешнякова об условиях торговли в Черном море и Восточном Средиземноморье¹⁰⁷.

С конца 1740-х гг. возникают планы создания русских торговых компаний в Константинополе: отдельными купцами осуществлялась также торговля в Архипелаге¹⁰⁸. Во второй половине века российские предприниматели стали более активно проявлять намерения организовать торговлю в Средиземноморье. Так, в 1756 г. «московский первой гильдии мещанин шолковой мануфактуры и завода содержатель Василий Макаров сын Хастатов, калужский первостатейный купец Никита Тимофеев сын Шемякин и ярославский первостатейный купец Алексей Иванов сын Ярославцев» предложили создать торговую компанию «от Темерникского порта через Черное море в Константинополь, в Италию, в Венецию и другие тамошние места»¹⁰⁹. Компания была утверждена коммерц-коллегией и получила монопольные права на торговлю из Темерникского порта, отмененные лишь в 1762 г. Из того же порта намерение отправить до 20 тысяч пудов железа через Константинополь в Средиземное море выразили в 1763 г. «содержатель железных и медных заводов Твердышев с братом и Мясников», при этом коллежский асессор Твердышев писал в кратком экстракте: «Начатое не весьма еще в давнем времени произведение российской коммерции от Темерникского порта по Черному морю в Константинополь, хотя и на турецких судах, однакож подает надежду к большему оной туда и далее по Средиземному морю в Италию и в другие разные государства распространению»¹¹⁰.

В публикациях прошлого века затерялось прошение тульских купцов Ивана Владимировича, Лариона Лугинина, Михаила Пастухова и Михаила Грибанова с собственноручными пометами императрицы от 23 сентября 1763 г.¹¹¹. Из документа следует, что инициатива создания компании принадлежала Екатерине. «Уведомились мы, – пишут купцы, – от статского действительного советника господина Теплова, что Ваше Императорское Величество, имея попечение матернее о благоденствии своих подданных, желаете, чтоб купечество Российское имело торг в Средиземном море из Санктпетербурга». Екатерина, как и ее секретарь и, по мнению Исабель де Мадариага, «движущая сила» многих преобразований того периода Г.Н. Теплов, приобрели акций компании на 10 тысяч рублей, а на просьбу купцов о принятии их под монаршее покровительство императрица отвечала: «компания быть под нашим единственным ведением».

Страстное желание императрицы направить в 1764 г. из Петербурга фрегат в Средиземное море под видом коммерческого мероприятия внушило тульским купцам смелость едва ли не диктовать государыне свои условия. Они просили пожаловать им «на первый случай» фрегат с пушками (примечательно, что императрица была готова при необходимости предоставить и два судна с военной командой). Купцы отказывались содержать корабль, обещая уплатить только фрахты, и Екатерина дала распоряжение на первый год «фрегату быть на нашем содер-

Великобритании в Восточном Средиземноморье успешно вытесняла Франция.

¹⁰⁷ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. Приложения 13, 14. С. XXI-XXVIII.

¹⁰⁸ См.: Чуйков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. СПб., 1786. Т. II. Кн. 1.

¹⁰⁹ Там же. С. 21.

¹¹⁰ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. Приложение 18. С. LXVIII-LXIX.

¹¹¹ Лишь недавно к этой теме вновь обратилась Г.А. Гребенщикова (Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 52-54).

жании всем экипажем и командою». Купцы желали, чтобы капитан фрегата Ф.С. Плещеев не торопил фактора компании, «потому что все сие предприятие будет служить только опытом на будущее время торгу государственному». Императрица согласилась и с этим, хотя на следующие годы опыт не повторился. Купцы настаивали, чтобы фактору, который отправится сухим путем, были приданы два переводчика, и Екатерина делает отметку – «Теплов приискать имеет способных и надежных людей»¹¹².

Забота о факторе компании, образованном казанском купце Пономареве, которым интересуется русский двор (в частности, о нем расспрашивал молодой наследник)¹¹³, также имеет свои основания. По-видимому, на него и капитана Ф. Плещеева были возложены специальные поручения, об их исполнении они обязаны были доносить в Петербург. Первым отчетом Пономарева было сообщение о благополучном прибытии фрегата в Ливорно и о том, что «24 ноября, в Екатеринин день, происходила в греческой ливорнской церкви торжественная служба на русском языке, служил иеромонах с фрегата, служил в богатом облачении, присланном императрицею в греческую церковь»¹¹⁴. Иными словами, связи церковные прокладывали путь политическим. (И впредь корабли Архипелагской экспедиции будут везти облачения и предметы церковной утвари для православных церквей в Средиземноморье.)

Впрочем, успеху похода торгового фрегата способствовала и его дипломатическая подготовка: через российского посланника в Вене князя Д.М. Голицына Коллегия иностранных дел снеслась с правительствами итальянских государств и обратилась к ним с просьбой оказать содействие тульским купцам и их фрегату. В ответ неаполитанский посланник в Вене сообщил, что его король не отказался бы заключить с Россией трактат о коммерции, а тосканское правительство выразило желание иметь в Ливорно русского консула¹¹⁵. Однако Коллегия иностранных дел еще не была готова воспользоваться этими предложениями, как и высказанной в очередной раз готовностью Венецианской республики вернуться к вопросу о заключении торгового трактата. По-видимому, Екатерина II решила на первый раз ограничиться рекогносцировкой, удачно сочетавшейся и прикрытой торговыми целями. Фрегат возвратился из Ливорно только в сентябре 1765 г., нагруженный иностранными товарами¹¹⁶. Его командованием, вероятно, были установлены некоторые связи, которыми в 1768 и 1769 гг. смог воспользоваться А.Г. Орлов. Более того, по сведениям Кл. Рюльера, по крайней мере часть денег, вырученных в Италии «Володимировым фрегатом», была предназначена для расходов миссии Папазоли (об этом далее). По-видимому, неслучайно осенью 1768 г. в Ливорно состоялась встреча А.Г. Орлова с капитаном «Надежды Благополучия» Ф. Плещеевым, который немедленно отправился в Петербург, а затем прибыл в Средиземноморье в составе первой эскадры Спиридова на флагманском корабле «Евстафий». Остается добавить, что П. Бартнев, опубликовавший прошение тульских купцов, был недалек от истины, полагая, что история «Володимирова фрегата» свидетельствует о том, что российские «политические успехи, ознаменованные Чесменскою победою» готовились заранее¹¹⁷.

¹¹² Прошение тульских купцов о торговле в Средиземном море с отметками Екатерины II // Русский архив. 1870 (Год 8-й). Стлб. 541-545. Так же см.: *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 193.

¹¹³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIII. С. 476.

¹¹⁴ Там же. С. 316.

¹¹⁵ *Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С.97.

¹¹⁶ *Гребеницкова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. С. 54.

¹¹⁷ Прошение тульских купцов о торговле в Средиземном море. С.541; *Плугин В.* Алехан, или человек со шрамом. С.188-190.

Российские эмиссары в Греции и на Балканах

У истоков средиземноморской политики Екатерины II стоит и секретная миссия Георгия Папазоли в Грецию и на Балканы.

До последнего времени об этой миссии писали, исходя из сообщений современника событий Клода Рюльера, допущенного к материалам архивов французского министерства иностранных дел, но склонного пользоваться непроверенными слухами и сплетнями¹¹⁸, а также «Записки» Маноила (Мануэля) Саро. М. Саро был участником миссии Г. Папазоли, и его «Записка», поданная ко двору в 1765 г., сыграла свою роль в организации Архипелагской экспедиции¹¹⁹. В последнее десятилетие обнаружили еще два документа, важное значение которых требует их обстоятельного рассмотрения. Эти документы позволяют уточнить детали этой операции, атмосферу, в которой она осуществлялась, оценить ее результаты и показать характер, внутренние импульсы, двигавшие исполнителями. Речь идет о «Прошении» Ивана Палатино, третьего участника миссии Папазоли¹²⁰, представленном Н.И. Панину в 1768 г., а также о «Прошении» М. Саро, поданном к трону императрицы после 1785 г., едва ли не 20 лет спустя после его «Записки»¹²¹. Из этих источников наибольшего доверия, на наш взгляд, заслуживает весьма содержательное «Прошение» Ивана Палатино, подтверждаемое документами, к нему приложенными, и ссылками на авторитеты, которые могли удостоверить сведения, сообщаемые Палатино, и его хорошую репутацию¹²².

Если мероприятия, связанные с плаванием «Надежды Благополучия», Екатерина оставляла в своем «единственном ведении», то зондаж политических настроений православного населения Морей и адриатического побережья Балкан осуществил в те же годы Г.Г. Орлов.

¹¹⁸ *Rulhiere C.J.C. Histoire de l'anarchie de Pologne, et du demembrement de cette republique suivie des Anecdotes sur la revolution de Russie en 1762.* О Рюльере и его книге см.: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 39-40.

¹¹⁹ О «Записке» см.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Kh.IV. С. 272.

¹²⁰ Г.Л.Арш ввел документ в научный оборот: см. История Балкан. Век восемнадцатый. С. 434-438, а также Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 60-72.

¹²¹ РГАДА. Ф. 10. Он. 1. Д. 645. Л. 94-95.

¹²² Тексты документов см.: Приложение 1 и 2.

Г.Г. Орлов

Конечно, граф Григорий Григорьевич Орлов, согласно С.М. Соловьеву, ничего не предпринимал, не посоветовавшись с государыней, и тем не менее планы объединения усилий России и православного населения юго-западных Балкан и Морей в борьбе с турками разрабатывались в 1760-е гг. братьями Орловыми в собственной интерпретации, и их замыслы, если верить Рюльеру, с самого возникновения вызвали решительное противодействие Н.И. Панина.

По-видимому, Орловы, рожденные в более традиционной по духу Москве, вполне сочувствовали религиозно-политической идее освобождения греков с помощью русского оружия.

В своей реальной политике Екатерина отнюдь не ставила эту задачу на первое место, как и не от нее исходили идеи завоевания Константинополя¹²³. Учитывая религиозно-политические пристрастия братьев Орловых, Екатерина II, надо полагать, и предоставила Г.Г. Орлову возможность заняться подготовкой будущего взаимодействия с греками и славянами. К тому же Григорий Орлов стоял во главе Комиссии опекунов иностранных и имел свои связи среди греков, обретавшихся в столице.

Импульс к осуществлению этой акции, между тем, исходил все-таки от самой императрицы. Спустя всего четыре месяца по вступлению на трон, 29 октября 1762 г., Екатерина

¹²³ В исторической литературе высказывалось мнение о том, что в Первую русско-турецкую войну Орловы связывали свои честолюбивые амбиции даже с завоеванием Константинополя, но в устах более трезвой императрицы тема завладения Царьградом во время войны 1768-1774 гг. только шуточно обыгрывалась: в частности, в письме от 4 октября 1769 г. к г-же Бельке она весело замечала, что завоевать Константинополь лишь «несколько легче чем схватить луну зубами» (Собственнооручное письмо Екатерины II к госпоже Бельке о победах над турками от 4 октября 1769 года // Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел//СБРИО. СПб., 1872. Т. X. С 388).

обратилась к правительствующему Сенату с указом «сыскать из воинства Нашего достойного человека для тех мест и искусного в языке и делах, котораго бы можно послать с объявлением всем тамо живущим православным ревности и милости Нашея, которую Мы охотно к ним имеем и стараемся учинить им вспомошествование в получении их свободы»¹²⁴. Итак, речь шла о кандидатуре человека состоящего на российской воинской службе, и желательно греке, ибо грамота для него была составлена на греческом языке.

«Достойный» человек обнаружился в подчинении графа Григория Орлова. Это был артиллерийский поручик, служивший в полку Г. Орлова – Георгий сын Михайла Папазоли¹²⁵. Согласно Рюльеру, именно фессалийский уроженец Папазоли (а по данным А. Камариано-Сиоран, выходец из Македонии), претерпевший на родине гонения и вынужденный ее покинуть, подсказал Григорию Григорьевичу идею объединения в будущей войне усилий российских вооруженных сил и греков, которые только и ждут удобного случая, чтобы сбросить турецкий гнет¹²⁶. Но подобная мысль и без того со времени Петра I витала в российских правительственных кругах благодаря обращениям к трону представителей разных балканских народов и донесениям российских резидентов в Константинополе, уверявших Петербург о готовности православных подданных Порты поддержать Россию в войне против Османской империи¹²⁷. Впрочем, не исключено, что благодаря связям Г.Г. Орлова с петербургскими греками у него и Екатерины II возникла идея взаимодействия прежде всего с греками, что могло больше соответствовать средиземноморской екатерининской политике. Остается только гадать, какое влияние на выбор греческой карты из политической колоды императрицы могло оказать ее увлечение античностью и образом мужественных греков-спартанцев. (Ведь отмечал же Мануэль Саро, что Г.Г. Орлов направил его «к спартанскому народу».) Известно, что филэллинические склонности Вольтера сделали его сторонником и пропагандистом средиземноморских акций Екатерины II.

Трудно сказать, насколько профессиональные качества Георгия Папазоли соответствовали возлагаемой на него непростой миссии, но Орловы его ценили, использовали в дальнейшем как своего тайного резидента в районе Адриатики¹²⁸, а в 1771 г. он был даже удостоен монаршей награды. Однако совершенно очевидно, что Георгию Папазоли был не чужд авантюризм и, как выясняется из сообщения И. Палатино, он обладал циничной склонностью к подлогу.

«В товарищи» Папазоли Григорий Григорьевич выбрал другого представителя греческой общины Петербурга – Мануэля Саро, человека отважного и немало путешествовавшего по миру (как тот сам писал, «быв употреблен для вывоза сюда зверей из Африки»), но, как выяснилось позже, склонного к злоупотреблению спиртным («пьяной человек», по словам Г. Папазоли) и по-хлестаковски хвастливого. «Многотрудными путешествиями» и «высочайшего двора награждениями» он скопил капитал в 5 тысяч рублей и осел в Петербурге, живя «безбедно и можно сказать изрядно» на проценты в 300 рублей ежегодно с капитала, переданного

¹²⁴ См. Приложение 1. С. 493-494.

¹²⁵ Его имя пишут по-разному, в частности, «Папазули», а ИМ. *Лециловская*, вслед за Кл. Рюльером, предпочитает написание Папа-Огли (Сербский народ и Россия в XVIII в.. СПб., 2006. С. 76).

¹²⁶ *Rulhiere Cl. Histoire de l'anarchie de Pologne. P. 290-293; Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768-1774 et les Grecs //Revue des etudes sud-est europeennes. Bucarest, 1965. Т. III. № 3-4.* Рюльер называл Папазоли Папаз-оглы (Papaz-Ogli), предложив весьма сомнительную этимологию этого имени – Сын Священника. Однако «оглы» в Османской империи обычно присоединялось к знатным турецким фамилиям.

¹²⁷ См.: *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 55-63; *Лециловская И.И.* Сербский народ. С. 25-72. Еще в 1745 г. российский резидент в Константинополе А. А. Вешняков доносил Елизавете Петровне о том, что «вся Греция, острова и сам Константинополь в одно время возьмут крест и побегут на помощь Вашего Императорского Величества» (цит. по: *Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе. (Ее история в XVI-XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1. С. 136-137).

¹²⁸ Об этом см., например, *Pappas KC.* Greeks in Russian military service in the late eighteenth and early nineteenth centuries. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1991. P. 67, 69.

в руки «известного купца Папанелопула». (Значит, греческая община Петербурга имела собственные экономические связи.) «Таким образом, пользуясь совершенным покоем и здоровьем, – писал Саро, – был я позван в 1763 году к его светлости князю Григорью Григорьевичу Орлову (Прошение было написано М. Саро позже того времени, когда императрица ввела графа Григория Орлова, уже лишённого фавора, в княжеское достоинство. – *Авт.*), которой сделал мне предложение ехать тайно в Морею и иные греческия места, для узнания, в каких расположениях тамошние жители относительно до здешняго двора находятся, и для приуготовления их заранее к будущей Турецкой войне»¹²⁹. Поручение Г.Г. Орлова выглядело как его личная инициатива, ибо он предложил Саро осуществить «это весьма опасное предприятие» за собственный счет в обещание будущего великого награждения. (Позже Саро долго и безнадежно обивал пороги приемной Н.И. Панина в ожидании уже не награды, а хотя бы возвращения истраченного капитала.) Принять на себя миссию М. Саро побудили, как он писал, сколько «обещанное награждение... столько и больше еще – привязанность к вере сограждан моих, под игом гнуснаго рабства стениящих, и усердие к интересам Вашего Императорского Величества и империи Всероссийской». (Заметим, что подобная идентификация в греческом сознании интересов греков, императорского трона и Российской империи встречалась не у одного Саро¹³⁰.) Саро взял свой капитал у земляка и отправился в путь вместе с поручиком Папазоли, которому отводилась во всем предприятии главная роль.

Известно, что Папазоли выехал не из северной столицы, а из Москвы (возможно, в целях конспирации) 26 мая 1763 г. (т.е. в тот год, когда был заложен для плавания в Средиземном море фрегат «Надежда благополучия» и Екатерина II распорядилась предоставить его тульским купцам). Как отмечалось, часть средств тульских купцов должна была быть передана в Италии Папазоли. Папазоли был снабжен монаршей грамотой, составленной на греческом языке и подписанной императрицей и ее статс-секретарем сенатором Адамом Васильевичем Олсуфьевым. Г.Л. Арш рассматривает грамоту как высочайший манифест, обращенный к жителям горных краев Балкан – Мани, Химары и Черногории¹³¹, однако по форме этот документ скорее представляет собой грамоту, подтверждающую миссию Г. Папазоли. Впрочем, она могла восприниматься греками и как обращенный к ним манифест о намерениях российской императрицы. Грамота, по-видимому, распространялась среди греков в рукописных копиях. Во всяком случае, одна из копий была обнаружена в одесской греческой среде в конце XIX в. и опубликована в русском переводе в «Записках Одесского общества истории древностей российских»¹³².

В преамбуле к грамоте Екатерины II содержалось подтверждение религиозно-политического долга российского трона в отношении православной церкви. Екатерина констатировала, что, согласно присяге, данной ею при вступлении «на священный трон», она твердо следует политике своих предшественников в деле содержания, охраны и защиты православия «восточныя Христовы святыя церкви Греческия». Ради этого она полагает своей обязанностью содержать «всегда оружие воинства Нашего в готовности против тех, кои бы воздвигли брань на

¹²⁹ См. Приложение 2. С. 496.

¹³⁰ Иван Палатино в своем «Прошении» писал о себе как человеке, «которой за честь и любовь имени Ея (императрицы. – *Авт.*) и за достоинство империи предпринял такой подвиг, и жизнь свою предавал в жертву». См. Приложение 1. С. 490.

¹³¹ *Ари Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. С. 435. Следует иметь в виду, что грамота, приводимая Палатино и публикуемая нами в Приложении, представляет собой дубликат грамоты, выданной Папазоли при его отъезде из России и выброшенной вместе со всеми документами за борт корабля, захваченного триполийскими корсарами. Эти документы, попади они в руки триполийцев, раскрыли бы цель поездки. В грамоте от 12 августа 1764 г., приводимой Палатино, и идентичном ей списке, опубликованном А.И. Маркевичем в «Записках Одесского общества истории и древностей российских», содержатся сведения о пленении миссии корсарами и ее последующей деятельности в Химаре, а также сообщение о требовании отправляться в Морею.

¹³² [Маркевич А.И.] Доклад действительного члена А.И. Маркевича о посылке грека Георгия Папазогли на Балканский полуостров в 1763-1764 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1896. Т. 19. С. 42-46.

православие» (иными словами, армия российская должна быть освящена в глазах современников своим религиозным предназначением). Далее следовал пассаж совсем в духе концепции старца Филофея: «Почему (то есть, поэтому. – *Авт.*) со дня возшествия Нашего на священный престол Российская государства и принятия царского скипетра сего православная Отечества непременно Нам долг надлежит не токмо защищать сие Отечество Наше, но и все прочия народы единая и того ж православная исповедания». (В качестве доказательства своего твердого следования этому православному закону Екатерина приводила аргумент, восходящий к риторике дней переворота 1762 г.¹³³: «с согласия православного воинства» она сочла возможным лишить своего супруга трона за то, что он желал «переменить всю систему предков наших».) Она же, побуждаемая «сею ко православию ревностию», ожидает лишь «случая ополчится против врага веры православныя и свободить народ греческий православный, находящийся в пленении оттоманском». И снова тезис о намерении освободить греков Екатерина повторяет, излагая цели миссии Г. Папазоли: «ити и исполнить повеление Наше – пожелание, которое имеем к освобождению рода христианскаго, чтоб он из тех стран прислал к Нам все сведения по повелению Нашему и доносил о желании и намерении и о всяком происшествии, которая бы между сими народами случилась и предприняты были». (Как видим, о цели, поставленной, по словам Саро, Г.Г. Орловым как «приуготовление [единоверцев] заранее к Турецкой войне», речь в грамоте императрицы не шла.) Итак, цели миссии состояли в зондаже настроений народов Греции и Балкан и пропаганде – оповещении их о намерении императрицы освободить единоверцев; иными словами, они сформулированы еще в духе Петра I. С началом войны Екатерина II будет осторожнее и точнее определять свою средиземноморскую политику в отношении единоверцев.

В грамоте указывались пункты, куда следовало направиться эмиссарам и кому объявить о «ревности и милости нашея, которую мы охотно к ним имеем» и о намерениях императрицы. На первом месте стояла область Мани в Морее – «прежде к народу спартанскому и лакедемонскому, потом в Черную гору, Химару и прочия таковыя способныя ко приуготовлению войны места». Такое предпочтение Морей подтверждает ориентацию политики Екатерины на греков. Принцип же, по которому выбирались районы, куда надлежало направиться российским эмиссарам, определялся степенью воинственности их обитателей. (В данном случае способность к «приуготовлению войны» означала «воинственность»: как писал Палатино, способность «в упражнении меча и оружия».) Но именно в этом коренилась ошибка Орловых и Екатерины.

По существу, речь шла о взаимодействии с жителями особых этносоциальных анклавов, которые в XVIII в. были еще разбросаны по всему миру и расположены в горных или полупустынных землях со скудными хозяйственными ресурсами. Население этих анклавов сохраняло типологически более отсталые формы общественной организации – как правило, родоплеменную структуру (Племена могли формироваться на основе мифической генеалогии.) В таких обществах наличествовало социальное расслоение, их отличала и потестарная политическая организация¹³⁴. Таким обществам были присущи политическая неустойчивость и поиски источников существования в найме на военную службу или в набегах и грабежах соседних народов.

Эта характеристика подтверждается мнением о черногорцах флорентийского посланника в Венеции Доменико Коттини от 21 ноября 1767 г.: «С незапамятных времен упорно сохраняя свой дикий и хищный характер, неукротимые в своих набегах, закаленные во всех лишениях, всегда готовые, захватив добычу у Турок или в Венецианских землях, укрыться в Горах, дабы затем вновь повторить набеги и вторжения, они держались демократии под управлением

¹³³ Ср.: Манифест Екатерины II от 6 июля 1762 г. // Семнадцатый век. М., 1869. Кн. 4. С. 217-223.

¹³⁴ Об анклавах подобного типа см.: История Востока. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.) Книга 1. М., 2004. С. 30-38,

старейшин и священной властью их Прото-папы, или же Епископа, благословлявшего их всякий раз, как они отправлялись на грабеж. Отличительной чертой этой нации до сего момента была неугасаемая вечная вражда в поколениях между разными кланами и в особенности более общее разделение между двумя главными партиями...»¹³⁵.

В России имелись опыт взаимодействия с черногорцами и сведения о Черногории, собранные российскими «соглядатаями»¹³⁶ со времени Петра I. Если прибывавшие к трону духовные иерархи Черногории, преувеличивая военный потенциал своего народа, стремились создать представление о Черногории как стране независимой и успешно воюющей с турками, то российские посланцы рисовали картину скорее негативную¹³⁷, да и Коллегия иностранных дел, по словам Екатерины, была «с черногорцами в ссоре»¹³⁸. Коллежский советник С.Ю. Пучков, побывавший в Черногории в конце 1750-х гг., составил о черногорцах мнение, не расходившееся с более поздним донесением флорентийского посланника. Он также назвал их народом «диким», разделяя представления эпохи Просвещения, о народах варварских, диких, и цивилизованных, культурных. Возможно, учитывая опыт взаимодействия с черногорским обществом и его характеристику, Екатерина ставила в своей грамоте Черную Гору на второе место и в дальнейшем не ей предназначила главную роль в военных действиях российской эскадры.

О жителях Химары (Южной Албании), чьи настроения должны были выяснить участники миссии Папазоли, они писали, что те из поколения в поколение служили в специальном Македонском полку Неаполитанского королевства¹³⁹.

В годы русско-турецкой войны российские офицеры будут общаться с офицерами Македонского полка в Неаполе (см. гл. 6).

Маниоты (маньяты, майноты), жители горной южной Морей – Мани (Майны) – считались «остатком славного в древния времена лакедомонского народа». По мнению Палатино, турки не могли их покорить. «По случаю их вольности и неподчинения никакому государю, [они] допускают к себе мальтийских корсар и бандитов и всякой нации разбойников, а иногда и сами выходят в море для добычи, где, ограбив турков, берут в полон, а иных и умерщвляют, что случается иногда и над христианами разных наций»¹⁴⁰. Значит, и майноты принимались во внимание за то, что были «способны» к войне.

Адмирал С.К. Грейг, верный соратник графа Алексея Григорьевича Орлова, в своих записках не без упрека в его адрес заметил: «Такой народ казался графу Орлову хорошим орудием для совершения его плана»¹⁴¹. Как писал Палатино, «вышеписанные народы (Мани, Южной Албании и горного района, расположенного между Фессалией и Эпиром. – Ает.), которых главнейшее благополучие состоит в упражнении меча и оружия, не токмо себя, но и соседственных им христиан защищают», впрочем, добавим, грабят и убивают тоже. Хотя Палатино полагал (исходя из идей Просвещения о прогрессе и культурной миссии цивилизованных народов), что только Россия может объединить подобные народы и подчинить своей власти, события показали, что эти социумы не могут стать ядром большого освободительного

¹³⁵ Archivio di Stato di Firenze. Segreteria e Ministero degli Esteri. Pezzo 2317. Оригинал по-итальянски.

¹³⁶ Так называл себя Порфирий Успенский, основатель первой духовной миссии в Иерусалиме в 1847 г.

¹³⁷ См.: *Лециповская И.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. Гл. 2.

¹³⁸ См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 295.

¹³⁹ Иван Палатино пишет: «В Епире, южной части Албании, живут химариоты. Народ весьма храбрый и сильный, которых венециане употребляют в военную службу, а у короля неаполитанского составляют один полк гвардии под именем Македонского, а полковник онаго граф Карафа родом из Кафалонии. По прошествии трех годов возвращаются они в отечество свое, а на их места никто не вступает кроме одноземцов их, чрез что они сверх природной их храбрости приобретают еще и в воинской ексерции довольно хорошее сведение и способность». См. Приложение 1. С. 491.

¹⁴⁰ Цит. по: *Ари Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. С. 434-435.

¹⁴¹ [Грейг С.К.] Собственноручный журнал капитана-командора (впоследствии адмирала) С.К. Грейга // Морской сборник. 1849. Т. II. № 10 (октябрь). С. 653.

движения. В войне с турками стойко и сознательно поддержали Россию во имя своего освобождения представители нарождающихся предпринимательских кругов и часть землевладельческой элиты, проникнутые просветительскими идеями, в чьей среде еще только возникала греческая национальная мысль. Однако они не составляли ни значительную, ни консолидированную часть греческого общества. Таким образом, выбора у Орловых не было, да и время для национального восстания еще не пришло.

Остается добавить, что те «ревность и милость», которые питала императрица к единоверцам и о которой надлежало Папазоли сообщить в указанных районах, имели не столько политический, сколько сакральный смысл. В документах того времени понятие «милость» часто сопрягается со словом «покровительство». Покровительство в практике того времени не было равнозначно современному понятию «протекторат». Оно скорее было близко к толкованию смысла весьма почитаемой в народе иконы «Покрова Богородицы», восходящему к мистическому представлению о небесной защите. Ритуал помазания на царский трон нес тот же смысл передачи обладателю священного трона и скипетра божественной функции защиты (взять под свою руку), охранения единоверцев от врагов и от природных, стихийных бедствий. Впоследствии в ходе Архипелагской экспедиции А.Г. Орлов и Г.А. Спиридов в обращениях к единоверцам будут писать о милости к ним императрицы, полагая, что это означает для единоверцев нечто большее, чем материальная поддержка.

Итак, в конце мая 1763 г. Георгий Папазоли отбыл из Москвы и объявился вместе с Мануэлем Саро в Венеции. Следуя, видимо, указаниям Петербурга, он обратился к высокой духовной персоне («знатный между духовными человек», имя которого сохранилось в тайне, но о котором известно, что он «усердствовал» Российской империи), чтобы тот «доставил им надежного человека, которой бы в состоянии споспешествовать порученной им весьма важной комиссии»¹⁴². Этот духовный, безусловно, православный иерарх (есть основания предполагать, что это был архимандрит Дамаскин, экзарх Константинопольского патриарха в Греции, см. гл. 4) рекомендовал Ивана Палатино, ревностно разделявшего патриотические идеи и принадлежавшего к греческим торгово-предпринимательским кругам.

Иван Палатино происходил, по его собственным словам, из дворянского рода («шляхетской греческой породы»). Его предки жили на острове Крит, принадлежавшем Венецианской республике. По завоеванию острова турками они, бросив все «недвижимое имение», уехали в Морею и поселились в греческом Неаполе (Наполи-ди-Романья, совр. Навплион). Когда турки завоевали и Морею, отец Ивана Палатино, вторично лишившись имущества, бежал на остров Кефаллонию, оставшийся во владениях Венеции, где и родился Иван. Рано потеряв родителей и «получа невеликое наследство, [Иван] искал пропитания себе в купеческом промысле». Он совершал поездки в Италию, «Немецкую Землю» и Османское государство и был «довольно известен» грекам Вены, Венеции, Неаполя.

Взяв с Палатино присягу, упомянутая духовная персона открыла ему суть дела. Папазоли же предъявил грамоту императрицы, на которой стояла государственная печать, «какие на пашпортах бывают отъезжающих из Российскаго государства». Не претендуя на вознаграждение, Палатино позже записал в Прощении: «Имевшие, хотя малое о греках обхождение, довольно ведают, с какою ревностию, усердием и любовью сей народ стремится ко Всероссийской империи. Следовательно, и ему, Палатину, слыша толь приятные выражения, не оставалось другого, как токмо пренебречь все, которыя толко можно было вообразить опасности, и приступить к тому всеохотно»¹⁴³. Опасности же его действительно подстерегали.

М. Саро по-хлестаковски приписал себе честь привлечения Палатино к исполнению миссии: «товарищ мой Иван Палатино, не приданной мне от Вашего высочайшего двора, а мною

¹⁴² См. Приложение 1. С. 485.

¹⁴³ Там же. С. 486.

самим только на пути взятой и не знавшей почти ничего о вверенной мне тайне» (!?), знакомство с которым он, М. Саро, якобы свел в Триесте, где, «разведав, что он с разными маниотскими старшинами в тесном знакомстве находится (об этом сам Палатино не упоминает, возможно, из конспиративных соображений. – Лет.), уговорил [его] ехать со мною в Левант»¹⁴⁴. На деле все трое из Венеции переместились в удаленный от столицы австрийский Триест, подальше от всевидящих глаз венецианского надзора, и, по-видимому, с начала навигации 1764 г., в конце февраля – в марте, поплыли в Морею вдоль Далматинского побережья. В это время стало известно о появлении в Адриатическом море двух шебек триполийских корсаров. Сведущий в местных делах Палатино предложил пристать к венецианскому Котору и оттуда продолжать путь на венецианском фрегате. Однако ему не удалось склонить спутников к разумному решению, возможно, из-за их боязни иметь лишний раз дело с венецианскими чиновниками.

За день до прибытия к месту назначения их судно было захвачено корсарами. Палатино посоветовал Папазоли, не теряя времени, выбросить за борт все его бумаги, чтобы не открылась цель их миссии. Папазоли, оставшись без паспорта, слезно молил отдать ему австрийский паспорт Палатино. Он обещал немедленно выкупить Ивана из плена. Палатино отдал паспорт, совершив эту жертву «из жалости» к обреченному на гибель Папазоли. Вместе с тем, он признавал, что «есть ли бы варвары дознались, что он, российский офицер – и намерение поездки его открыли, [это] произвело б не токмо великое смятение, но и нанесло б неповинно многим из его, Палатино, одноземцов пагубу»¹⁴⁵. (Эти соображения дают основание полагать, что Палатино имел опасные, с точки зрения турок, связи среди земляков. Он пишет об «одноземцах», так как понятий «соотечественники», как и «нация» в смысле национального единства еще не возникло ни в русском языке, ни в греческом сознании.) В результате, под именем Палатино Папазоли и Саро, сопровождавший его якобы в качестве слуги, «получили свободу»; а Иван Палатино был увезен в ливийский Триполи, ограблен и три месяца терпел муки плена, пока земляки не выкупили его через посредство австрийского консула.

В «Прошении» М. Саро эти события переданы также в иной версии: «На сем пути, к совершенному нещастию моему, был я с обоими товарищами моими захвачен триполитанскими корсарами, которые, заграбя все деньги и все мое имение, били меня нещадно, повредили ногу таким образом, что я с того времени ею почти не владею, и отвели нас в Дураццо, где случившейся, к счастью нашему, приятель мой грек Петр Ставропуло [нас] выкупил за триста червонцев». После этого Саро, якобы, с товарищами поехал в Венецию, где другой грек, Ставро Ставропуло, предоставил ему кредит для закупки белья и прочего необходимого для «продолжения моего путешествия»¹⁴⁶. Из вторично выданной Папазоли грамоты императрицы (от 12 августа 1764 г) следует, что Папазоли направил не позже начала июня того же 1764 г. челобитную императрице и не одну («из челобитных от него к нам присланных»), в которых оправдывался в том, что не достиг «тех мест по причине затруднений, приключившихся ему от морских разбойников»¹⁴⁷.

Сопоставление этих текстов позволяет поставить под сомнение сообщения Саро и Папазоли об их пребывании в плену. Скорее всего, триполийские корсары их действительно ограбили и отправили в Дураццо, где они, являясь, согласно паспорту, австрийскими подданными, были освобождены (так полагал Иван Палатино) или все-таки выкуплены, а затем в течение трех месяцев, пока Палатино находился в плену, добивались до Венеции и осуществляли пропагандистскую деятельность в Ксеромеро и в Химаре. В Химаре Г. Папазоли установил кон-

¹⁴⁴ Приложение 2. С. 496.

¹⁴⁵ Приложение 1. С. 486.

¹⁴⁶ Приложение 2. С. 496.

¹⁴⁷ Приложение 1. С. 494.

такты с членами одной из самых влиятельных семей – с Дж. и П. Бицилли [Бичилли]. Так, Дж. Бицилли позднее сообщал, что Папазоли убеждал его в 1764 г. помочь в осуществлении плана подготовки восстания на Балканах в случае русско-турецкой войны. По словам Г.Л. Арша, под влиянием Папазоли Дж. Бицилли «отказался от звания капитана венецианской службы... и посвятил себя подготовке антитурецких выступлений, в которых должна была участвовать не только Химара, но и прилегающие греческие области»¹⁴⁸. Во время войны Бицилли активно вербовали отряды, служившие в Архипелагской экспедиции.

Ко времени, когда Палатино вернулся в Венецию, а это могло произойти между концом мая и концом июня 1764 г., Папазоли уже отправил Саро в Морею, а по греческим и славянским землям поползли слухи об их деятельности («от неосторожности Папазола и товарища его разсеялись в тамошних народах опасные слухи»). Сам Папазоли, видимо, дожидаясь в Венеции восстановления своих документов и грамоты императрицы. Он сообщил возвратившемуся Ивану Палатино, «что отправил он Мануила в Манию, однако сомневался, что сей пьяной человек в состоянии был что-либо совершить, и для того просил его, Палатино, чтоб и сей труд взял на себя». Это происходило в середине 1764 г.

Из-за рассеявшихся «опасных слухов» Ивану Палатино пришлось употребить всяческие предосторожности: закупить товары и под видом купца отправиться сначала в Патрас, а затем в Триполицу – резиденцию морейского пашы. Распродав там товары, он высказал намерение закупить сельское сырье для вывоза в Италию. Заводя дружеские связи со знатными турками, он, наконец, путем хитроумных действий, не вызвав подозрения у турецких властей, добрался до Мани, имея рекомендательное письмо от турецкого воеводы Каламаты к главе «маньятских капитанов» (знатных греческих землевладельцев) Г. Мавромихали.

Иван Палатино повел этого «друга и приятеля» турецкого воеводы в церковь и, «обязав его там присягою, открыл ему намерение и причины путешествия своего». (Характерно, что Иван Палатино, строго придерживаясь секретности, нигде прямо не излагает суть российской миссии.)¹⁴⁹ Г. Мавромихали одобрил осторожное поведение Палатино, но тут же высказал жалобы на Саро: «при том говорил, что веема удивляется, да и невероятным кажется, что б толь преславная и величайшая в свете держава похотела б поручить толь важное дело такому человеку, каков есть Мануил Саро... В разеуждении сего он, Палатино, для избежани я дальних замешательств и затруднений отправил Мануила Саро на корабле с желудками, сам же остался в Мании под видом покупки масла деревянного, для которого и контракт с капитаном Кумундуракием заключен»¹⁵⁰.

М. Саро снова излагает эти события иначе. Отправившись в назначенные места, «в оных был с лишком два года (на самом деле, кажется, всего несколько месяцев с середины до глубокой осени 1764 г., так как Палатино находился в Мани с августа 1764 по январь 1765 г.! – *Авт.*), ездил по разным греческим островам и городам, объявил жителям все мне здесь князем Григорием Григорьевичем повеленное, отвлекал их от повиновения к Порте Оттоманской, и научал их прибегать к всемогущему покровительству великия Екатерины защитницы их и

¹⁴⁸ *Ари Г.Л.* Албания: Рост сепаратизма местных властителей // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 485. По словам Бицилли, «он проехал по различным местам Греции для того, чтобы побудить главных приматов и более надежных жителей-христиан сформировать группы в пользу оружия ВИВ. Ему это удалось сделать посредством этих тайных ходов с 1764 по 1768 г., после бесконечного числа попыток, опасностей, тягот, издержек, обязательств и ручательств» (там же).

¹⁴⁹ Как участник секретной миссии, Палатино и позднее, находясь в Петербурге, хранил тайну: «никому о том не открывал, а отзывался к знакомцам и приятелям своим, которые ведать домогались (видимо, о цели его пребывания в столице России. – *Авт.*), что прозба его состоит в некоторой сумме денежной, которою он ссудил в Италии одного российского афисера, посланного туда для [сопровождения] колонистов». На деле речь шла о возвращении девятисот червонцев, истраченных на Папазоли и Саро. К Прошению он приложил «Обязательство Мануила Саро в девяти стах червонных (9 тыс руб. золотом – *Авт.*), издержанные им, Палатином, на содержание его, Папазола, с товарищем» (Приложение. С. 490). Этот документ не обнаружен.

¹⁵⁰ Приложение 1. С. 488.

поборницы веры их. Такими и подобными внушениями, ободря унылой дух, привел я старшин первейших тамошних фамилий к должной Вашему императорскому величеству присяге, которую они подтвердили во множестве писем, присланных в том сюда к князю Григорью Григорьевичу»¹⁵¹. М. Саро не только переврал сроки своего пребывания в Морее, но, по-видимому, и преувеличил масштабы своей деятельности: «ездил по разным греческим островам и городам» и «привел я старшин первейших к... присяге», подтвержденной множеством писем (об истории писем речь пойдет далее). К присяге были приведены Иваном Палатино только маниотские капитаны, к тому же уже после отъезда Саро в Венецию. Кстати, в своем отчете, представленном по возвращении в Петербург, Саро, возможно, присвоил себе и заслугу созыва собрания маниотских старшин¹⁵². Поскольку ко времени написания Мануэлем Саро «Прошения» Г.Г. Орлов давно вышел из фавора и даже уже умер, М. Саро смело писал о «повеленном» Григорием Григорьевичем.

Согласно рассказу Палатино, Мавромихали затруднился определить позицию остальных капитанов («точно на сие ответственность не мог»), ссылаясь на их взаимную вражду. Тогда Палатино пришлось употребить «все возможные средства, что б их примирить и прежнее между ними согласие и дружбу возстановить». «Достигнув сего с великим трудом, – писал Палатино, – открыл в собрании тамошних начальников, или капитанов намерение свое, для которого к ним приехал, что услыша, обрадовались и единогласно объявили: что они по единоверию и отъличной к Ея Императорскому Величеству ревности готовы жертвовать кровью и животом для славы Ея империи и спасения правоверного народа от ига варварского, обещаясь при том послать от себя поверенных ко Всероссийскому Императорскому Двору для принесения всеподданнического повиновения и преданности»¹⁵³. При этом капитаны посоветовали Ивану Палатино покинуть пределы Мани и ожидать их «поверенных» в Кларенсе.

Реакция капитанов Морей на сообщение Палатино о целях его приезда позволяет понять, как в устной пропаганде толковали члены миссии грамоту императрицы. Напомним, что в грамоте указывалось лишь о том, что Папазоли должен сообщить маниотам о милости к ним Екатерины II и ее намерении их освободить. По словам же М. Саро, Г.Г. Орлов поручил своим агентам «отвлекать» греков от повиновения Порте и советовать прибегнуть к покровительству императрицы. Реакция капитанов, согласно сообщению Палатино, соответствует именно такому указанию Г.Г. Орлова. В подобной интерпретации понятие «покровительство» обретает политическое звучание, так как связывается со «всеподданническим повиновением и преданностью», чего грамота не подразумевала. Это дает основание различать уже на самом раннем этапе позиции Екатерины II и Орловых в отношении «греческих планов».

Поскольку Палатино имел обыкновение свои шаги подтверждать документальными свидетельствами, то он взял от капитанов, как он пишет, «писменное за руками своими свидетельство, в котором, похваляя его за поступки, [они] благодарили при том за доставление им общей дружбы и согласия», как будто Палатино прибыл в Мани лишь для того, чтобы закупить «желудки» и «деревянное масло» и примирить между собой старшин! В свою очередь Мавромихали снабдил Палатино письмом к митрополиту Каламатскому и Монеувасийскому Анфиму, в котором просил изготовить «для родственников его, отправляющихся будто б для наук в Европейские государства, пристойное свидетельство», между тем речь, безусловно, шла о «пристойных» документах для маниотских «поверенных». Иными словами, секретность происходящего была тщательно соблюдена.

В свою очередь митрополит Анфим, «получа сие письмо и узнав от него в тайне прямое тому намерение, веема обрадовался и уверял, что и он в таком всевожденном для всего хри-

¹⁵¹ Приложение 2. С. 496–497.

¹⁵² См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 272.

¹⁵³ Приложение 1. С. 488.

стианства случае не приминет споспешествовать всеми силами и способами, имея великую доверенность у тамошнего народа»¹⁵⁴. Он снабдил Палатино свидетельством от «1765-го года генваря 8-го дня» о том, что Палатино прибыл в Мани в августе 1764 г., пробыл там «довольное время», заключая торговые договора, наряжая судно с товарами, переживая морские бури, претерпевая «брани междусобные маниотян обыкновенныя», советуясь в делах с ним, митрополитом, поскольку большая часть Мани входит в его епархию¹⁵⁵. И снова текст был составлен так, чтобы устранить всякие подозрения в отношении его автора и получателя, если бы документ попал к туркам.

Таким образом, Палатино выяснил настроения маниотской светской и духовной элиты, убедился в том, что эта элита идентифицировала борьбу за освобождение от османского гнета с интересами российского трона и государства и готова, согласно риторике того времени, пролить кровь и положить живот за эти интересы. Оставалось получить устные и письменные свидетельства, подтверждающие эмоционально выраженные настроения маниотов. И здесь обнаружились сложности: то ли от зимней распутицы, то ли от опасений за жизнь из-за распространившихся слухов, а быть может, из-за отсутствия официальных подтверждений позиции России или сомнений и внутренних несогласий, маниоты отложили выезд своих представителей и предложили Палатино временно, до более подходящего срока, покинуть Морею. С этим Палатино и вернулся в Венецию.

К этому времени Папазоли уже получил из России дубликаты своих уничтоженных документов «через английского резидента» (в годы войны Алексей Орлов будет широко пользоваться услугами английского консула в Ливорно Джона Дика) и даже отправил в Петербург Мануэля Саро с отчетом и сообщением, «яко бы уже действительно некоторые старшины из Мании находятся в готовности для отправления в Россию и для изстребования на путевые расходы денежные суммы»¹⁵⁶. Таким образом, сценарий был им уже составлен и деньги под его исполнение истребованы.

Выслушав отчет Палатино о реальном состоянии дел и им предпринятых действиях, Папазоли подтвердил, что «веема чувствует» труды и поступки Палатино. Однако, так как обстоятельства переменились, он сожалел, что в продолжении трудов Палатино нет более надобности, т.е. не следует далее вести переговоры с маниотами и ждать их представителей. Взамен этого Папазоли предложил, «чтоб он, Палатино, под именем маньятских старшин ехал бы с ним в Россию, присовокупя и прочих в товариство под тем же именем»¹⁵⁷. (По-видимому, охотники ехать в Россию под именем маниотов уже нашлись.) Возмущению Палатино не было предела: состоялся бурный диалог столь разных в нравственном отношении людей: «На такое пагубное ево внушение Палатин ответственвал ему: что, по видимому, он, Папазол, еще недоложен причиненным ему толиким бедствием, как и тем, что он для спасения его предавал себя на жертву варваров, но желает, чтоб еще и повешен был в России. На сие сказал ему: не опасайся, в России де не казнят и не вешают».

Папазоли продолжал настаивать на участии Палатино в его игре и, чтобы убедить его, посоветовал обратиться к упомянутой духовной особе, полагая, что иерарх одобрит его образ действия. Он даже вручил Палатино несколько писем, предназначенных для прочтения этой персоной. В одном из них Папазоли с циничной откровенностью изложил свой замысел. Остальные три письма адресовались для передачи императрице, наследнику и Г.Г. Орлову. Они были написаны от имени «старшин и всего общества Мании», будто бы маниоты передают себя «в высочайшее благоволение и милость Ея Императорского Величества, как верные рабы

¹⁵⁴ Там же. С. 489.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

и подданные, в удостоверение чего посылают от себя таких-то старшин и товарищей своих, давая им полную власть и силу что-либо постановлять и заключать во всем, что касаться будет до общей пользы и благосостояния их». Речь, как видим, шла о политическом подлоге ради пользы дела и во имя сокрытия недобросовестного исполнения своей миссии. Впрочем, возможно, все это вполне устраивало Г.Г. Орлова, и Папазоли это предвидел (заметим, что Папазоли вносит в текст слова о передаче мантиями себя в подданство России).

Духовное же лицо расценило поступок Папазоли как «сумасбродной», назвав его самого «человеком опасным и обманщиком», и посоветовало Палатино ехать в Россию самостоятельно, чтобы выполнить свой долг – донести «удосто-верительно» о происходящем, полагаясь на «человеколюбие и материнское призрение» императрицы. Так Палатино и поступил. Он прибыл в Санкт-Петербург с сопроводительным письмом духовной особы и документами, которые представил Г.Г. Орлову и по его указанию передал А.В. Олсуфьеву¹⁵⁸.

Однако Мануэль Саро опередил Палатино, он оказался в столице в мае 1765 г. (кстати сказать, несколько раньше возвращения фрегата «Надежда Благополучия») и представил Г.Г. Орлову весьма дельный отчет, в котором была высказана мысль о желательности посылки российской эскадры в Средиземноморье для поддержки греческого восстания. Он писал, что по его приезду в Морею греческие старшины, среди которых был особенно активен Паниоти Бенаки, созвали большое собрание, на котором заявили, что готовы сражаться с турками. У Саро вообще создалось впечатление, будто греческое население Морей не подчиняется туркам и их не боится, а греки, живущие среди балканских народов, которых Саро посетил вместе с Папазоли, разделяют намерение морейских соотечественников относительно восстания.

Вероятно, Саро и Папазоли посетили все описанные Саро края, но отчет в основном был составлен не на личных впечатлениях, а на основании «Описания Мании» капитана Мунгакия (Мунгакиса). Так или иначе общими усилиями картина была нарисована в радужных тонах, и отчет завершался словами, часто цитируемыми историками: «По моему усердию, смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море (Архипелоус тоже) против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольно число: где, коль скоро бы завидели греки толь великое множество, сообщались с российскими и греческие немалые суда. Только б удовольствованы были пушками, ибо они теми недостаточны. Об них же можно сказать, что они народ смелой и храброй»¹⁵⁹.

По-видимому, этот отчет произвел большое впечатление на Екатерину II. Правда, по сообщению английского посланника Кэткарта, сделанному в начале войны со слов одного из участников миссии, «сначала императрица и министры нашли проект (посылки эскадры в Средиземноморье. – *Авт.*) сопряженным с большими затруднениями, но потом приняли за него с большим жаром»¹⁶⁰. Идея отчета Саро послать корабли и снабдить их дополнительными пушками и оружием для греков (не зря Екатерина писала И. Чернышеву в начале войны: «Барин, барин! Много мне пушек надобно...»), а также тезис о том, что «греки – народ смелой и храброй», вероятно, укрепили зреющие намерения императрицы и позволили достроить планы взаимодействия с греками, задуманные еще в 1762 г.

Несмотря на то, что граф Г.Г. Орлов высоко оценил миссию Саро: «исправил там ему порученное дело добропорядочно», Н.И. Панин отказался вознаградить их эмиссара, хотя тот долгое время «бесперывно к нему ходил» (оплата расходов Саро и его вознаграждение могли быть произведены только Коллегией иностранных дел, куда и адресовал М. Саро Г.Г. Орлов)¹⁶¹. Отказ Никиты Ивановича не был его причудой и капризом, но следовал из расхождений во

¹⁵⁸ Там же. С. 486.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 95-95об.

¹⁶⁰ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 273.

¹⁶¹ Спустя много лет на горестное прошение Саро, пожертвовавшего своим «здоровьем и именем» ради затеи Г.Г. Орлова, ему было пожаловано... 300 рублей.

взглядах с Орловыми и, возможно, явился результатом разоблачений Ивана Палатино, доставившего в Россию упомянутые документы в начале 1766 г.).

Думается, что Н.И. Панину была присуща более трезвая оценка состояния греческого общества, а может быть, он также основывался на не вполне удачном опыте взаимодействия коллегии с балканскими единоверцами. О расхождениях между Н.И. Паниным и А.Г. Орловым свидетельствует высказывание Панина в письме А.Г. Орлову во время Морейской экспедиции весной 1770 г., в котором он напоминал А.Г. Орлову об их спорах в Петергофе летом 1768 г. Возражая против каких-то сомнений А. Орлова, Н.И. Панин не без язвительности замечал, что предводительствовать греками должен тот, кто их возбудил, и продолжал: «...я в правду уверен, что вам нередко будет приходиться нужда в Петергофских ваших доказательствах, о которых вы издевкою в своем письме ко мне упоминаете, чтоб настраивать и содержать во всегдашнем порядке духи, в раболепстве рожденные, а неограниченную надеждою и убеждениями веры своей в волнение приведенные»¹⁶². Иными словами, Н.И. Панин не питал иллюзии относительно возможности использовать в качестве военной силы греков, неорганизованных в гражданском отношении, а между тем возбужденных тогда еще нереальными надеждами, подогреваемыми религиозным чувством.

Итак, в 1765 г. Н.И. Панин оставался противником замыслов Орловых, а бумаги, доставленные И. Палатино в начале 1766 г., могли лишь усугубить его недоверие к грекам. Между тем, Екатерина, по-видимому, отнесла Г. Папазоли к числу тех «единоверных авантюрьеров», о которых писала А.Г. Орлову в начале войны, признаваясь, что в своем распоряжении не имеет лучших¹⁶³. Ей были важны общие результаты миссии – подтверждение готовности поддержать Россию во время войны населением определенных ею областей и установление личных связей с их предводителями. А в Морею к этим предводителям были снова направлены эмиссары. Согласно греческим источникам, Палатино до войны совершил поездку в Мани и поддерживал контакты с П. Бенаки (Бенакисом)¹⁶⁴. В 1766 г. в Морею направился Г. Папазоли, но уже не только зондировать настроение греков и призывать их к восстанию против Порты, а для того, чтобы сообщить о скором (?) прибытии к берегам Греции русских кораблей с солдатами и с обещанием Екатерины II сделать П. Бенаки правителем Морей¹⁶⁵. П. Бенаки собрал в своем доме светских и духовных греческих предводителей: на этом сборище якобы был даже подписан договор, согласно которому греки выставят стотысячное ополчение, если Россия пришлет флот и вооружение для греческих воинов. К сожалению, достоверность всех этих сообщений не удается подтвердить¹⁶⁶.

¹⁶² Письма графа Н.И. Панина к графу А.Г. Орлову во время Морейской экспедиции // Русский архив. 1878. № 12. С. 433.

¹⁶³ См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 298.

¹⁶⁴ *Ари Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. С. 438. Греческие сообщения о том, что Палатино «вплоть до начала русско-турецкой войны вел агитацию в Пелопоннесе в пользу России», сомнительны, так как в своем «Прошении» тот писал о двухлетнем пребывании в России (1766-1768), что, естественно, могло не исключать временных отъездов.

¹⁶⁵ *Nagata Y.* Greek Rebellion of 1770 in the Morea Peninsula. Some Remarks through the Turkish Historical Sources // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko [Japan]*. 1988. № 46. P. 90. Японский историк Нагата высказал предположение, что Екатерина II даровала Бенаки генеральский чин. Нельзя исключить того, что морейские капитаны в преддверии освобождения Греции уже делили власть между собою. Этим можно объяснить обещания Екатерины, если таковые были. Во всяком случае, Стефан Мавромихали, все еще надеясь на освобождение Морей, сообщал в 1771 г. командованию российским флотом, что он собрал отряд из 300 майнотов на русскую службу и «себя просит сделать главным над местечком Мани» (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 87).

¹⁶⁶ Большинство этих сведений приводится в весьма содержательной статье румынской исследовательницы Ариадны Камариано-Сиоран (*Camariano-Cioran A.* La Guerre Russo-Turque de 1768-1774 et les Grecs) и отчасти восходит к К. Рюльеру. Однако они нуждаются в проверке. Работа А. Камариано-Сиоран наряду с заслуживающими внимания положениями и более или менее продуктивными гипотезами (часть из которых, правда, изложена слишком категорично) содержит ряд неточностей. В частности, А. Камариано-Сиоран утверждает, что написание Н.И. Паниным письма к Мавромихали было уступкой политическому противнику А.Г. Орлову, сделанной в угоду родственным связям: будто бы А.Г. Орлов был женат на дочери Н.И. Панина (Р. 520). Но Н.И. Панин был неженат, не имел детей и разделил собственные имения между своими секретарями. Много лет спустя после Первой русско-турецкой войны А.Г. Орлов действительно благословил брак детей, но это были дочь

Взаимоотношения российского двора с Г. Мавромихали складывались сложнее, тот был осторожнее и не доверял рядовым российским агентам, он желал услышать условия соглашения от персоны, облеченной властью, вместе с обещанием прислать в Морю значительные военные силы¹⁶⁷.

Морю посещали и другие представители России: венецианский грек Иван Петушин (впрочем, согласно Г.Л. Аршу, он же – И. Палатино), доставивший письма от морейских капитанов с выражением готовности служить России В.С. Тамара, в 1798-1802 гг. – российский посланник в Константинополе, отправившийся для проведения археологических изысканий и в пути будто бы встречавшийся с Г. Папазоли, некто Хаджи-Мурат, молдаванин, владевший турецким языком. Г. Папазоли же обосновался в Триесте, где, поддерживая переписку с Г. Орловым, и организовал тайный центр по вербовке участников будущего восстания. Версия, согласно которой именно Папазоли подал идею начать военные операции со взаимодействия с майнотами¹⁶⁸, мало достоверна, поскольку приоритет Морее императрица отдавала уже в указе 1762 г. и грамоте 1763 г.

Летом все того же 1766 г. в Черногорию, куда не добрались Папазоли и Саро, был направлен подпоручик Севского полка М. Тарасов, которому помимо прочих обязанностей поручалось выяснить, «в какой склонности и усердии черногорцы к Российской империи находятся». В своем отчете, содержащем обстоятельное описание положения страны, Тарасов констатировал, что среди черногорцев «невеликое число» «можно найти доброжелательных и усердных к России, прочих же усердие и доброжелательство только тогда оказывается, когда они получают подарки и паче всего деньги»¹⁶⁹. С появлением в 1767 г. в Черногории самозванца Степана Малого, выдававшего себя за Петра III, страна стала привлекать пристальное внимание Екатерины II по иной причине, и перед российскими агентами встала задача дезавуирования и устранения самозванца.

Активность России и неосторожное поведение ее эмиссаров в Греции обратили на себя внимание турецких властей: в 1767 г. в качестве превентивных мер они провели ряд репрессий, казнив митрополита Лакадемонии и подвергнув преследованиям влиятельных лиц. Тотчас после объявления войны турки попытались изъять у греков оружие, возможно, даже то, о котором в 1768 г., находясь все еще в России, писал Иван Палатино: при первых же победах России в войне с турками «каждой [грек] за веру и избавление свое примет оружие, которое у всех тамошних жителей для крайности и спасения живота своего со излишеством хранится, не взирая на все угрозы и прещения турков, которых они и многолюдством своим десятирицею превосходят»¹⁷⁰.

Имеющиеся сведения о деятельности российских эмиссаров в Греции и на Балканах позволяют сделать некоторые заключения.

Миссия Папазоли выполнила задачу, поставленную императрицей. Ее участники осуществили зондаж настроений греческих и славянских единоверцев и утвердили Екатерину II и

В.Г. Орлова и сын П.И. Панина (сведения об этом содержатся в РГАДА, в фонде Орловых).

¹⁶⁷ Арш Г.Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 78; *Camariano-Cioran* A. Op. cit. P. 518-519. А. Камариано-Сиоран полагала, что Папазоли выезжал в Грецию в 1763 или 1766 г. Прошение Ивана Палатино не оставляет сомнения в том, что Папазоли в 1763 г. в Греции не был, он посетил Балканы в 1766 г. и побывал в Греции, после чего затаился в Триесте.

¹⁶⁸ *Camariano-Cioran* A. Op.cit. P. 519, 520. [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции гр. А.Г. Орлова; Арш Г.Л. Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770-1774 годов. С. 65.

¹⁶⁹ Анишакоев Ю.П. Черногория – славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 362-363.

¹⁷⁰ Приложение 1. С. 493. Изъятие оружия происходило с трудностями из-за сопротивления населения: «Из Турции получено известие, что Морейские жители, у коих велено было отнять все их оружие, противятся еще и поныне всеми силами оному указу, и никто не хочет отдать своего оружия: а в Патрассе, в Майнотской провинции и в древней Аркадии происходили уже по сей причине и кровопролития, ибо тамошние жители греки, выбрав себе предводителя, приняли твердое намерение не отдавать своего оружия ни под каким видом» (Санктпетербургские ведомости. 1769. № 17. 27. II. 1769).

Г.Г. Орлова в справедливости известий, поступающих по другим каналам: греки готовы поддержать Россию в войне против турок, они ожидают помощи в освобождении от турецкого гнета и поэтому идентифицируют свои интересы с военными интересами империи. Это позволило Екатерине иначе, чем Петру I, сформулировать в начале войны проблему участия единоверцев в русско-турецкой войне – предложить грекам использовать начавшуюся войну для борьбы за свое освобождение, в чем она обещала оказать им посильную помощь.

Однако картина, представленная российскими эмиссарами, основывалась на энтузиазме самих эмиссаров и тех, у кого они искали поддержку; она давала представление об эмоциональной реакции единоверцев («имевшие хотя малое о греках обхождение довольно ведают, с какою ревностью, усердием и любовью сей народ стремится ко Всероссийской империи»). Неслучайно планы Орловых, опиравшихся на подобную реакцию, вызвали противодействие Н.И. Панина, опытного в политических сношениях с Балканами.

Безусловно, установление тайных политических связей с подданными Порты, разъединяемыми внутренними распрями, имело свои трудности. (Неслучайно Екатерина II будет неоднократно предупреждать Алексея Орлова в необходимости объединять единоверцев.) Вместе с тем, будучи обнаружены, такие связи грозили бы осложнить и без того трудные русско-турецкие отношения.

Свидетельства, собранные миссией, говорили о том, что в греческом обществе уже зрели условия для консолидации. Несмотря на то, что греки относительно мирно уживались с Портой в рамках православного миллета, а их элита умела поддерживать едва ли не дружеские отношения с турецкими властями (это касалось местных лидеров, таких как Мавромихали и Бенаки), внутри общества происходило сильное брожение и усиливалось неприятие турецкого владычества. В обществе существовали свои каналы передачи информации и отработанная система конспирации, во всем этом большую роль играла церковь, которая в силу системы миллетов исполняла в конфессии функции духовной и светской власти. Впрочем, в регионе еще не возникли силы, способные организовать и возглавить национальное освобождение. Однако, в исторической перспективе, драма греческого народа, к которой привели совместные военные действия, стала сильным импульсом для последующего развития национально-освободительного движения.

Антитурецкие настроения единоверцев сочетались с высоким в их глазах авторитетом России и всеобщей к ней привязанностью, основанной на единоверии и надеждах на освобождение с помощью российского воинства от турецкого гнета. Когда Екатерина II обращалась к грекам с обещанием своей «милости и покровительства», она апеллировала к мистическим ценностям высшего порядка. Эти настроения отчасти имел в виду исследователь греческого Просвещения Пасхалис Китромилидис, справедливо полагавший, что в греческой мысли XVIII в. «воззрения пророческого хилиазма с главным упором на освобождение народа», не имея отношения к Просвещению, все-таки «шли из глубины греческой народной культурной традиции и народных чаяний»¹⁷¹.

¹⁷¹ Китромилидис П. Эпоха Просвещения в Греции / Пер. с новогреческого М. Грацианского. СПб., 2007. С. 130-131. Ученый отмечал, что «традиционная греческая надежда на избавление народа оформилась в другое представление, которое стало господствовать в политической мысли сменявших друг друга поколений греческих ученых и народных или церковных лидеров. Ожидалось, что освобождение народа произойдет благодаря вмешательству «Третьего Рима» (а не Австрии и Венеции, как ранее. – *Авт.*), куда переместилась сила православной империи. Этот политический расчет был наделен динамикой широкого народного отклика, который объяснялся связью нового освоения возможностей международной жизни с психологической силой традиции. Русские ожидания, которые зародились благодаря этой переориентации, и стали определяющей политической силой в греческой жизни на протяжении восемнадцатого века» (с. 132-132).

Подготовка к войне

Посылка российских эмиссаров в Грецию и на балканские территории, примыкающие к акватории Средиземноморья, совпала с проведением императрицей смотра морского флота (1765 г.). Результатами этого смотра Екатерина II осталась весьма недовольна¹⁷². Тем не менее еще оставалось время, чтобы, удвоив внимание к состоянию флота, подготовить его к ведению военно-морских операций. Действительно, в 1766-1768 гг. со стапелей Ревеля, Кронштадта и Архангельска сошла едва ли не треть тех судов, которые участвовали в Архипелагской экспедиции¹⁷³, а Чесменское сражение показало, что моряки научились мореходному искусству и точной стрельбе. И все-таки мероприятия, осуществлявшиеся Россией в Средиземноморье между 1763 и 1766 гг., представляли собой по преимуществу лишь прощупывание почвы.

Тем временем внешнеполитические события приобретали опасный оборот. Российский резидент в Константинополе Алексей Михайлович Обресков, следуя наставлениям Н.И. Панина, считавшего, что «не время еще доходить нам с Портою до разрыва»¹⁷⁴, с большим трудом сдерживал нападки на русский двор османского правительства, обвинявшего Россию в несоблюдении статьи русско-турецкого трактата о взаимном невмешательстве в польские дела. С помощью немалых денежных затрат Обрескову еще удавалось нейтрализовать интриги французского посла, преследовавшего своей целью разрыв русско-турецких отношений и объявление Турцией войны России. Однако российский двор уже ощущал нависшую военную угрозу. Это потребовало от Екатерины целенаправленных действий в ее средиземноморской политике. К ним и приступила императрица с 1767 г.

Собственно, речь идет о нескольких, казалось бы, не связанных между собой мероприятиях, осуществленных Екатериной II и сыгравших важную роль в последующей организации Архипелагской экспедиции, – привлечении на русскую службу маркизов Пано Маруцци и Жоржа Андре де Кавалькабо¹⁷⁵, назначении чрезвычайным полномочным послом в Лондоне графа Ивана Григорьевича Чернышева и отправке в Италию для лечения, а главное – для уяснения готовности греков к восстанию и подготовки взаимодействия в предстоящей войне графов Алексея Григорьевича и Федора Григорьевича Орловых.

В 1767 г. российский двор находился в Москве. Там императрицу постоянно окружали братья Орловы: Алексей встречал Екатерину II при ее торжественном въезде в первопрестольную, дважды принимал у себя в московской усадьбе (один из приемов настолько пришелся по душе государыне, что она вопреки своим правилам веселилась в доме Алексея Орлова до 2-х часов ночи); императрица почтила своим присутствием графа Алексея и в недавно пожалованной ему подмосковной усадьбе в Острове. Григорий Орлов находился при императрице постоянно, сопровождал ее и в поездке по Волге. Одним из важных этапов этой поездки было пребывание Екатерины в Казани и ее успешные шаги по налаживанию добрых отношений с мусульманским населением Поволжья, что способствовало нейтралитету волжских татар во время русско-турецкой войны¹⁷⁶. На обратном пути из волжского путешествия в Москву Екатерина посетила Ивана Орлова в имении, расположенном на недавно пожалованных Орловым

¹⁷² «Надобно сознаться, – писала государыня Панину, – что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельдей, а не на военный». Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII. С. 392.

¹⁷³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Т. XII. С. 305-308.

¹⁷⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 217. Об А.М. Обрескове см.: Перминов П. Посол III класса. Повествование о российском дипломате Алексее Михайловиче Обрескове. М., 1992.

¹⁷⁵ Blondy A. L'Ordre de Malte et Malte dans les affaires polonaises et russes au XVIIIe siècle // Revue des etudes slaves. 1994. № LXVI / 4. P. 740.

¹⁷⁶ Екатерина не без гордости сообщала, что перед поездкой в Казань она выучила несколько фраз по-турецки и по-арабски, которые употребляла при обращении к татарским представителям. Это произвело хорошее впечатление на население. Кроме того, императрица посетила Булгар и позволила татарам отправлять там беспрепятственно богослужение.

землях в Поволжье. Федор и Владимир Орловы нередко были участниками придворных обедов. Церемониальный камер-фурьерский журнал 1767 г. за редким месяцем не упоминал о присутствии кого-либо из Орловых в обществе государыни¹⁷⁷. Иными словами, на встречах с Орловыми, единодушно разделявшими средиземноморские замыслы Екатерины, между увеселительными мероприятиями было время для обсуждения путей реализации этих планов.

В Москве находились и два будущих участника дипломатической подготовки Архипелагской экспедиции: граф И.Г. Чернышев, неизменный помощник Екатерины II во флотских делах, и венецианский аристократ и банкир маркиз Пано Маруцци, происходивший из семьи греков-эпириотов, известный российскому двору благодаря посредничеству в приобретении императрицей произведений европейской живописи¹⁷⁸. С Иваном Чернышевым Екатерина неоднократно развлекалась соколиной охотой в Подмоскowie.

На маркиза Маруцци кто-то, возможно, Григорий Орлов, обратил внимание императрицы в связи со средиземноморскими делами. Государыня имела с ним одну или несколько достаточно конфиденциальных бесед, сумела оценить его политическую ловкость и средиземноморские связи и составить о нем благоприятное впечатление, о чем можно судить по тем деликатным поручениям, которые она доверяла Маруцци, и по предоставленному ему праву письменно напрямую обращаться к императрице¹⁷⁹. Граф Н.И. Панин, глава Коллегии иностранных дел, также был расположен к маркизу и поначалу отводил ему в Италии роль шведского барона Шимельмана, «человека, преданного России», оказавшего ей большие услуги в Дании¹⁸⁰.

Богатый род Маруцци, греческого происхождения, владел не только крупными финансовыми средствами, но и недвижимостью (известны хлопоты маркиза Маруцци о возвращении ему владений в Янине, конфискованных турками). Род Маруцци не был чужд деятельности в сфере греческого просвещения: в 1742 г. один из членов семьи основал в Янине высшую школу «Маруциеву»¹⁸¹. Переход на русскую службу и приобретение высокого российского покровительства были для него столь привлекательны, что он соглашался исполнять поручения русского двора безвозмездно. Впрочем, как выясняется, маркиз взял на себя обязанность быть финансовым посредником в кредитовании итальянских расходов Архипелагской экспедиции и, следовательно, не остался без материального выигрыша. В сущности, заинтересованность была взаимной, и ходатайство о награждении орденом св. Анны маркиза прежде, чем он приступил к исполнению своих обязанностей в Италии, Н.И. Панин объяснял важностью «привлечения к интересам двора нашего, толь богатого дома, каков есть Маруциев, да и в той земле, где оной нам со временем и небесполезен быть может, так и по тому еще, что он по комиссии своей не требует себе никакого содержания, но с тем однако ж для избежания здесь жалузии, что б оной [орден. – *Авт.*] отправить к господину Маруциу в дорогу, дабы он его не прежде как по выезде из России надеть мог»¹⁸². Секретность до поры до времени была сохранена: о награждении маркиза орденом св. Анны и назначении полномочным поверенным в делах Венеции и итальянских государств в европейской прессе стали писать едва ли не более чем полгода спустя¹⁸³.

¹⁷⁷ Дж. Берти ошибался, утверждая, что А. и Ф. Орловы посетили инкогнито Италию в 1767 г. (*Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто). Это имело место в конце 1768 г. Знакомство Орловых с П. Маруцци также состоялось в России, а не в Италии не позднее конца 1767 г.

¹⁷⁸ См. гл. 6.

¹⁷⁹ См.: АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 13, 14, 35 и др.

¹⁸⁰ Там же. Д. 13. Л. 1об.; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 246.

¹⁸¹ О школе см.: *Ари Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. С. 430-432; *Китромиллидис П.* Эпоха Просвещения в Греции. С. 35.

¹⁸² АВПРИ. Ф.41/3. Сношение России с Венецией. Ед. хр. 13. Л. 1.

¹⁸³ Г. сГА. 1768. № 82 и 89 по сообщениям от 11 октября, полученным из Петербурга.

Итак, Маруцци согласился исполнять некие поручения и был награжден орденом св. Анны авансом или за какие-то советы в области средиземноморской политики; ему предназначалась миссия в «земле, где оной нам со временем и небесполезен быть может». Для того, чтобы никто при дворе и в дипломатическом корпусе не смог заподозрить или догадаться о содержании этой миссии, маркиз Маруцци обязывался придать гласность своей награде только за пределами России. Как видим, средиземноморская политика Екатерины II с самого начала была окутана тайной, ибо, как наставляла Екатерина графа Алексея Орлова, «секрет всем делам душа».

О награждении орденом маркиза Маруцци Н.И. Панин ходатайствовал 27 января 1768 г., а официальное назначение Маруцци российским поверенным в делах при Венецианской республике и «других торговых городах Италии» произошло 28 февраля / 10 марта, т.е. спустя месяц. Видимо, за это время Екатерина решилась во имя своих тайных средиземноморских планов на нарушение дипломатического протокола.

Еще в октябре 1766 г. Д.М. Голицын доносил, что венецианский посол в Вене сообщил ему о том, что его правительство ныне не отрекается от посылки в Санкт-Петербург своего дипломатического представителя в ранге министра и предлагает «прелиминарные пункты», на которых готово заключить торговый трактат с Российской империей. Венецианское правительство желало бы, чтобы торговля с Россией велась не только через Балтику, но и через Черное море. Оно обуславливало заключение договора следующими предварительно выставленными статьями: «1-е, чтоб такой трактат никаких других обязательств в себе не замышлял. 2-е чтоб для проходу Черным морем Россия приняла надлежащие меры с портов о провозимых с обеих сторон товарах и о собираемых же с них пошлинах. 3-е чтоб позволено было вывозить российские продукты из самых тех мест, где оные рождаются, и развозить туда заведенные в Венеции для России мануфактуры не чрез балтийские порты, но Черным морем, и чтоб иметь свободный проезд чрез все границы»¹⁸⁴. Это вызвало раздражение императрицы: ей еще только предстояло завоевать право пользоваться Черным морем...

В августе 1767 г. императрица с удовлетворением отметила, что Венеция, наконец, сделала шаг навстречу обмену дипломатическими представителями. А 10-го марта 1768 г. неожиданно, не дожидаясь договоренности о статьях трактата и об условиях приезда венецианского министра, повелела Голицыну сообщить венецианскому послу в Вене свое одобрение решений Венецианского правительства и желание видеть при своем дворе венецианского министра, а также согласие принять первую статью договора и обсудить вопрос о совместных усилиях и тратах, необходимых для реализации второго и третьего пунктов. В подтверждение «искренности своего намерения» (односторонним актом, не дожидаясь назначения венецианского министра, на чем ранее настаивала) Екатерина II определила своим поверенным в делах при Венецианской республике маркиза Маруцци¹⁸⁵. По-видимому, с точки зрения замыслов Екатерины дело больше не терпело отлагательства, ведь именно в это время разыгрывался фарс с отставкой от службы второго лица в Преображенском полку подполковника Алексея Орлова ради поездки в Италию «для лечения» (но об этом далее); было необходимо организовать дипломатическую и финансовую поддержку его тайной миссии в Италии.

Служебный долг оказывать услуги А.Г. Орлову¹⁸⁶ не ограничивал круг скрытых, официально не обозначенных обязанностей Маруцци. Судя по содержанию его донесений, он должен был информировать российский двор о состоянии дел в Черногории, где обнаружился самозванец под именем Петра III, и о ходе восстания против Франции на о. Корсика. Маркизу

¹⁸⁴ АВПРИ. Ф. 41/3. Сношение России с Венецией. Д. 14. Л. 14-14об. Дмитрий Михайлович Голицын (1721-1793) – князь, камергер двора Елизаветы Петровны, дипломат; в 1759-1761 гг. – посол в Париже, в 1761-1792 – в Вене при императорском дворе.

¹⁸⁵ Там же. Д. 34. Л. 32, 33.

¹⁸⁶ Там же. Д. 35. Л. 12об.

Маруцци было поручено установить тайную связь с предводителем корсиканских повстанцев Паскуалем (Паскалем) Паоли и довести до его сведения обращение императрицы к сражающемуся за свою свободу корсиканскому народу. Это послание должно было послужить поводом для тайных переговоров об использовании русскими судами портов Корсики.

Официальной же инструкцией, выданной Коллегией иностранных дел поверенному в делах при Венецианской республике, маркиз Маруцци обязывался добиваться посылки в Санкт-Петербург венецианского министра для обсуждения и заключения торгового трактата, ради чего «преклонять к себе сенаторов» и прочих власть предержащих лиц. Он должен был озаботиться о своей аккредитации и при других торговых городах Италии, так как Венецианская республика старалась не подать повода и подозрения Оттоманской Порте «о заводимой с нами корреспонденции и негоциации»¹⁸⁷. В предпоследнем пункте инструкции как бы между прочим Маруцци вменялось в обязанность под видом регистрации переселенцев выявлять лиц православного исповедания, готовых сотрудничать с Россией. В нем говорилось: если люди греческого исповедания обратятся к маркизу П. Маруцци с желанием переселиться в Россию, «в таком случае имеете марки обнадёживать их высочайшею <...> Голицын милостию и протекциею и, наведываясь о их состоянии и ремесле, обстоятельно сюда доносить, не обещая им с своей стороны больше ничего, но ожидая отсюда резолюции»¹⁸⁸.

Вопреки обеспокоенности русского двора, маркиз Маруцци был хорошо принят в Венеции. Однако начавшаяся вскоре после его прибытия в Италию русско-турецкая война «препятствовала» ему «быть более полезным службе Ея Императорского Величества по причине, что венецианское правительство остерегается от всякого поступка, могущего привести его у Оттоманской Порты в подозрение»¹⁸⁹; и всякие переговоры о направлении венецианского министра в Петербург прекратились. Тем не менее поверенный в делах продолжал оставаться в Венеции и весьма успешно служить русскому двору в его средиземноморской политике (о его службе см. далее гл. 6).

Граф Иван Григорьевич Чернышев, также внесший свой вклад в средиземноморскую политику Екатерины II, был человеком близким к императрице. Записки С.А. Порошина, воспитателя Павла Петровича, свидетельствуют о том, что Иван Чернышев постоянно курсировал между «большим» и «малым» дворами¹⁹⁰. Он пользовался привязанностью юного наследника, которого наставлял в делах флота, ибо Чернышев был членом Адмиралтейской коллегии и шефом галерных эскадр и порта, располагал он и большим доверием Екатерины II¹⁹¹. Его-то, И.Г. Чернышева, в критический период русско-турецких отношений Екатерина II назначила чрезвычайным и полномочным послом в Лондон, переведя графа А.С. Мусина-Пушкина, российского полномочного министра, из Англии в Нидерланды.

В литературе не подвергалась сомнению точка зрения С.М. Соловьева о том, что соответствующие дипломатические перемещения были сделаны в Петербурге в ответ на решение Англии назначить в Россию вместо министра второго класса, как это было до сих пор, посла, чтобы ускорить англо-русские переговоры о союзном трактате. К тому же перевод Мусина-Пушкина в Гаагу, по словам Соловьева, приветствовал Н.И. Панин, так как Мусина-Пушкина в

¹⁸⁷ Там же. Д. 14. Л. 18.

¹⁸⁸ Там же. Л. 20.

¹⁸⁹ Там же. Д. 34. Л. 54.

¹⁹⁰ Семена Порошина Записки, служащие к истории Ея Императорского Высочества... Павла Петровича наследника престола Российского. СПб., 1844.

¹⁹¹ Именно И.Г. Чернышеву впоследствии императрица писала и о своей любви к «испанским замкам» и доверительно просила не принимать «за бредню» ее признание в том, что «после Ивана Чернышева никто более Катерины не любит шум, гром и громаду». Испанские замки и шум с громадою, кстати говоря, ассоциировались в сознании императрицы с Архипелагской экспедицией (Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву// Русский архив. 1871. № 9. Стлб. 1324-1326).

Петербурге считали неспособным дипломатом¹⁹². Действительно, вместо отозванного английским королем в апреле 1768 г. английского посланника лорда Макартнея в июле в Петербурге ждали лорда Кэткарта, прибывшего месяцем позже, и 24 июля была датирована «кредитная грамота о после графе Чернышеве», направляемом в Лондон «для вящего распространения доброго согласия и тесной дружбы»¹⁹³.

Однако из поля зрения С.М. Соловьева выпал другой документ, вышедший из недр Коллегии иностранных дел на полгода раньше. Это был высочайший указ о назначении жалованья, проездных и т.п. генерал-поручику графу Ивану Чернышеву, отправляемому к великобританскому двору в качестве чрезвычайного и полномочного посла ввиду «особливых ныне наших важных дел с лондонским двором»¹⁹⁴. Указ датирован 10 января 1768 г., то есть двумя неделями ранее, чем Н.И. Панин просил о пожаловании ордена маркизу П. Маруцци, заспешившему, якобы по своим делам, в Венецию. Все это свидетельствует о том, что политическая обстановка, сложившаяся в связи с турецкой угрозой к началу 1768 г., заставила Екатерину поторопиться с подготовкой своей средиземноморской акции. В таких условиях обретение доброжелательного отношения Англии к этой акции стало «особливо важным» делом, отсюда, надо полагать, и проистекала готовность отправить Чернышева в Англию (тогда как само назначение должно было произойти еще раньше).

Между тем, политическая обстановка временно разрядилась, отложился до лета отъезд в Италию маркиза Маруцци и возникла возможность связать назначение Чернышева с переменами в дипломатическом представительстве двора Великобритании и, таким образом, устранить излишнее любопытство и обеспокоенность европейских царствующих дворов и дипломатического корпуса, находившегося в Петербурге.

И.Г. Чернышев прибыл в Лондон перед самым началом войны. Помимо своей секретной миссии он был облечен рядом других поручений. В частности, он привез согласие Екатерины II на исключение из обсуждаемого договора пункта об английской помощи России в войне с Турцией, возможно, в обмен на поддержку Англией Архипелагской экспедиции. Оставалась несогласованной статья о субсидном договоре Англии со Швецией, предназначенном ослабить французское влияние в этой стране и устранить возможность ее выступления против России. Однако английское правительство на это ответило отказом, обосновывая его тем, что «Англии чрезвычайно трудно изменить своему правилу – не платить субсидий в мирное время»¹⁹⁵. В результате переговоры о заключении союзного договора были приостановлены, хотя это не испортило отношений с английским двором. Переговоры были возобновлены лишь осенью 1770 г., и продолжал их в Лондоне «неспособный» А.С. Мусин-Пушкин¹⁹⁶.

Дело в том, что, спустя год после назначения графа И.Г. Чернышева чрезвычайным и полномочным послом в Лондон, он получил повышение по службе и был назначен вице-президентом Адмиралтейской коллегии. 19 августа 1769 г. в Лондон последовало предписание императрицы об отзыве Ивана Чернышева из Англии по его просьбе «из-за повреждения здоровья от несвойственного ему тамошнего климата» и ввиду необходимости его присутствия в России «особливо при настоящих наших конвитурах»¹⁹⁷. Однако, несмотря на «несвойственный климат» и особенные «конвитуры», иными словами сложную конъюнктуру, граф Иван Григорьевич оставался в Лондоне по крайней мере еще год, пока третья эскадра Архипелагской экспедиции под командой контр-адмирала Арфа благополучно не добралась до Средиземного

¹⁹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 247.

¹⁹³ АВПРИ. Ф. 2/6. Внутренние коллежские дела. Д. 7232. № 36, 58, 66.

¹⁹⁴ Там же. Д. 7175. Л. 228.

¹⁹⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 250.

¹⁹⁶ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война [1768-1774] // Труды Моек. гос. историкоархивного ин-та. Т. 23. М., 1967. С. 159-160.

¹⁹⁷ АВПРИ. Ф. 2/6. Внутренние коллежские дела. Ед. хр. 7233. № 58. Л. 14.

моря. Тем временем дипломатические функции исполнял возвращенный из Гааги (куда он, возможно, вообще не доехал) граф Мусин-Пушкин. Из письма Екатерины становится ясным, что присутствие Чернышева на берегах Альбиона было необходимо для того, чтобы ускорить прохождение эскадры Арфа: «Я удивляюсь, – писала императрица Чернышеву в Лондон 18 мая 1770 г., – что господин Арф мешкатен, небось мы с тобою его сделаем проворным; мы привыкли обходиться и разбужать сонных отроков»¹⁹⁸. Под «сонными отроками» Екатерина, вероятно, подразумевала командующих двух первых эскадр Г.А. Спиридова и Дж. Эльфинстона.

И.Г. Чернышев

Е.В. Тарле имел все основания писать: «Позиция Англии была достигнута русской дипломатией без малейших жертв, уступок, обещаний в пользу Англии. Екатерина просто правильно учла расстановку сил на дипломатической шахматной доске и сделала нужные ходы. Не могут англичане допустить победы двух бурбонских дворов на Средиземном море и огромной леван-

¹⁹⁸ Собственноручные письма императрицы Екатерины Н-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. Стлб. 1337.

тийской торговли в прочном владении Франции, Испании и турок, союзников Франции»¹⁹⁹. Тарле, однако, забыл отметить, что ходы на дипломатической шахматной доске осуществлял по указаниям императрицы И.Г. Чернышев, и для этого он был послан в Лондон накануне войны. Впрочем, историк был убежден, что мысль о посылке флота в Средиземное море пришла в голову одному из братьев Орловых лишь в момент открытия войны и, следовательно, не могло быть и речи о том, что миссия Чернышева оказалась определена значительно раньше.

Между тем, еще в январе 1769 г. Екатерина писала: «начиная экспедиции наши в Средиземное море, изъяснились мы откровенно чрез посла нашего с королем великобританским и получили уверение, что военные корабли наши приняты будут в пристанях Его владений за дружеские и как таковые снабжаемы всякою по возтребованию обстоятельств нужною помощью»²⁰⁰. Если учесть, что курьерская связь с Англией осуществлялась примерно в течение месяца, то следует признать, что И.Г. Чернышев, направляясь в Лондон, уже имел указание в случае открытия войны откровенно «изъясниться» с королем Великобритании на рассматриваемую тему.

Остается только оценить необыкновенный талант конспиратора, присущий императрице: в своих письмах к Чернышеву она ни словом не обмолвилась о порученной ему миссии. Намеки же на то, что она приступила к исполнению неких своих тайных замыслов, вероятно, имели особое предназначение – держать Ивана Григорьевича в курсе развивающихся событий. Есть основание предполагать, что эти намеки играли роль особого тайного шифра, связывавшего императрицу с Иваном Чернышевым²⁰¹. Без сомнения, Екатерина знала, что Чернышев догадается, зачем ей понадобились карты Средиземного моря и о. Корсика, и какой смысл имеет ее неожиданное признание – «Я нынче всякое утро молюся: Спаси, Господи, Корсиканца из рук нечестивых Французов»²⁰². Ведь Екатерина рассчитывала через маркиза Маруцци получить в обмен на особые услуги согласие генерала Паоли на использование русским флотом корсиканских гаваней! Кстати говоря, во время войны И.Г. Чернышева, А.Г. Орлова, адмирала Г.А. Спиридова и маркиза Маруцци, как лиц ответственных за судьбу Архипелагской экспедиции, в переписке связывал общий секретный шифр²⁰³.

В самом начале 1768 г. Екатерина II совместно с графом Алексеем Орловым, главным после императрицы организатором Архипелагской экспедиции, разработала также сценарий отъезда Алексея Григорьевича в Италию, чтобы скрыть подлинную цель поездки. И это ей до известной степени удалось: до сих пор большинство историков вслед за С.М. Соловьевым утверждают, что Алексей Орлов с сопровождающим его братом Федором ко времени объявления Турцией войны России весьма кстати находился в Италии, где граф Алексей лечился после тяжелой болезни. Это утверждение документально обосновано: в фонде 5 Российского государственного архива древних актов хранится сокрушенное письмо-прошение А. Орлова, датированное мартом 1768 г., в искренности которого, казалось бы, невозможно усомниться: «Всемиловнейшая государыня. С крайним огорчением и сокрушением сердца принужденным себя нахожу утруждать ваше императорское величество о увольнении меня из военной и штатской службы, вечно притчиною ж сего, как вашему императорскому величеству самой известно, жестокость долговременной моей болезни, которая довела меня до неспособности продолжать вашему императорскому величеству всеподданейшую мою службу». Продолжая сокрушаться,

¹⁹⁹ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг [1769-1774]. М.; Л., 1945. С. 103.

²⁰⁰ АВПРИ. Ф. 89/8. Сношения России с Турцией. Ед. хр. 1878. Л. 29.

²⁰¹ О распространенности подобного рода шифра при русском и европейских дворах см.: Стегний П.В. Хроники времен Екатерины II. М., 2001. С. 422-436.

²⁰² Собственноручные письма императрицы Екатерины II к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. Стлб. 1318.

²⁰³ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 375. Подробнее о И.Г. Чернышеве см. статью В.Э. Булатова в Приложении.

А. Орлов молил ее императорское величество и во время его увольнения не лишать его своих «материнских» милостей, составляющих первый предмет его благополучия²⁰⁴.

А.Г. Орлов

Вероятно, Алексей Орлов действительно болел (по пути в Италию и в самой Италии он принимал лечебные ванны), но длительность его болезни можно поставить под сомнение, ведь 28 декабря 1767 г. он давал в Москве тот самый бал в честь императрицы, на котором Екатерина II веселилась до двух часов ночи, а 23 февраля государыня, которой так хорошо было «известно» о болезни Орлова, безжалостно приказала ему отдать перечисленным ею лицам соответствующие деньги «из взятых им из экономической суммы Преображенского полку 9

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 84. Л. 17.

тысяч рубл.»²⁰⁵. Казалось бы, это не говорит о долгой сокрушившей мощный организм Орлова болезни. Однако сценарий должен был быть разыгран, и императрица откликнулась на просьбу Орлова следующими словами: «Граф Алексей Григорьевич. По усиленной просьбе вашей сим увольняю вас до излечения болезни вашей от всякой службы, дозволяя притом вам жить внутри и вне государства, где сами заблаго разсудите, в чем никто не должен и не может вам препятство делать по оказании сего, что же касается до службы вашей, то не токмо Нам, но всему государству известно вами к Нам и к отечеству оказанные усердия, верность и любовь. При сем следует пашпорт для выезда из России, да бы не было нужды сего писма всегда показывать». В полк последовало указание уволить Орлова «с жалованием на нам известный срок»²⁰⁶.

Н.И. Панин

Итак, весной 1768 г. Екатерина спешила отправить по назначенным местам основных участников средиземноморской операции. А.Г. Орлов получил свой паспорт с заверением, что императрица не забыла услуг, им оказанных ей и отечеству, но так же, как И.Г. Чернышев и маркиз Маруцци, задержался в Петербурге до лета. Летом он вел споры с Н.И. Паниным о целесообразности использования восстания греков в предстоящей средиземноморской операции. Кстати, в то же время, согласно мартовскому указу императрицы, из Архангельска к балтийским портам должны были проследовать русские военные суда – два линейных корабля, фрегат и два пинка²⁰⁷, иными словами небольшая эскадра, – видимо, загодя происходила концентрация флота в пункте отбытия эскадры. Летом же были отозваны в Россию русские офицеры, проходившие стажировку на Мальте.

Тем же летом 1768 г. все три исполнителя тайной миссии императрицы покинули Россию. 21 июня вице-канцлер А.М. Голицын издал специальный циркуляр, разосланный российским представителям при иностранных дворах, который, как думается, не оставляет никаких сомнений в том, что версия относительно болезни А. Орлова была создана для сокрытия

²⁰⁵ Там же. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 1485. Л. 1.

²⁰⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.

²⁰⁷ АВПРИ. Ф. 2/6. Внутренние коллежские дела. Д. 7232. Л. 71.

секретного характера его истинной миссии. В циркуляре утверждалось, что граф А.Г. Орлов «для поправления здоровья и по совету врачей, отправляется в чужие край к минеральным водам», что его сопровождает братец Федор Григорьевич, а далее следовали весьма странные объяснения: «чтобы не подать повода к бесполезным замечаниям о их путешествии, они в оное отправляются под именем господ Острововых. В свите их находятся г. подполковник Герсдорф и кавалергард г. Бухгольц». Российским дипломатическим миссиям предлагалось сообщать о пути следования сиятельных особ, «чтобы постоянно знать, куда отправлять к ним письма, какие могут последовать»²⁰⁸. Маска инкогнито, военная свита (через несколько месяцев Герсдорф с особыми поручениями окажется в Черногории), постоянная почтовая связь с Петербургом, к тому же, как сообщает В.А. Плугин на основании знакомства с «Альманахом привилегированного общества стрелков в Карлсбаде», покупка партии стрелкового оружия²⁰⁹ – все это неопровержимо доказывает, что уволенный от всякой службы А.Г. Орлов выполнял тайное государственное поручение.

Алексей Орлов отправился в Италию из Санкт-Петербурга после жарких июньских споров с Н.И. Паниным по поводу плана использования греков и славян в качестве союзников в грядущей войне с турками. Никита Иванович высказывал сомнения в том, что греческих повстанцев удастся превратить в управляемую силу, к тому же, возможно, он не считал гуманным использовать религиозные убеждения единоверцев в качестве инструмента военно-политических планов России.

²⁰⁸ К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского (Из бумаг вице-канцлера кн. А.М. Голицына) // Русский архив. 1876. № 7. С. 270 (Циркуляр вице-канцлера кн. Голицына к нашим представителям при иностранных дворах. Петергоф, 21 июня 1768 г.).

²⁰⁹ *Плугин В.* Алехан, или человек со шрамом. С.175. В.А. Плугин принадлежит к числу тех историков, которые полагали, что болезнь А.Г. Орлова была «отчасти политического свойства».

Д.М. Голицын

Орловы же, питая иллюзии относительно масштабов ожидаемого повстанческого движения на Балканах и степени приверженности России православных, не только рассчитывали на военно-политические успехи взаимодействия России и народов «греческого закона», но уже строили планы их освобождения из-под турецкого гнета. Отзвуки этих споров можно услышать в вышеупомянутом письме Н.И. Панина к А. Орлову (весна 1770 г.) и в первом послании Алексея брату Григорию и императрице, отправленном из Италии и дошедшем до нас в отрывке и в пересказе Ю.В. Долгорукова.

По пути в Италию братья Орловы и их спутники (возможно, в конспиративных целях) посетили Данциг²¹⁰, Дрезден²¹¹, Карлсбад, где провели несколько недель конца августа – начала сентября. Затем они прибыли в Вену, где по указанию вице-канцлера А.М. Голицына, были

²¹⁰ Е.Р. Дашкова записала, что жила в Данциге в той же «лучшей гостинице», где жил и граф Алексей Орлов, «очень рассердившийся» в связи с тем, что на стенах гостиницы висели картины, «изображающие битвы, проигранные русскими войсками» (Дашкова Е.Р. Записки // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 94).

²¹¹ О посещении Орловыми Дрездена И.Ф. Богданович записал: «Граф Алексей Григорьевич и граф Федор Григорьевич Орловы приехали в Дрезден в конце 768 года, расположась ехать к водам. Тут он [Богданович] имел случай быть очень знаем графом Федором Григорьевичем» (Богданович И.Ф. Автобиография // Отечественные записки . 1853. Т. 87. Кн. 4. Отд. VII. С. 185).

приняты полномочным министром при венском дворе Д.М. Голицыным, оказавшим им все необходимые услуги, как деятелям государственной службы.

Д.М. Голицын доносил в Петербург, что был «обворожен знакомством» с братьями, представил их венской знати (надо полагать, при этом обнаружилось их истинные имена и положение при русском дворе) и снабдил их письмами к «друзьям» в Италию, куда они, согласно донесению Д.М. Голицына, «поспешно» направились, поскольку пришли известия о разрыве отношений с Портой. При всей спешке братья Орловы пробыли в Вене не меньше двух недель конца сентября – середины октября 1768 г. Видимо, им было необходимо ознакомиться с информацией об Османской империи, Балканах и Италии, которой располагало венское посольство, так как Д.М. Голицын по долгу службы имел широкие связи и агентуру в районе, куда направлялись Алексей и Федор Орловы. Так, с начала войны тайные контакты с Д.М. Голицыным, а позже и А. Орловым поддерживал член русской миссии в Константинополе С.Л. Лашкарев, оставшийся на свободе после заточения в Семибашенный замок Обрескова и всей русской миссии²¹². До прибытия в Италию маркиза Маруцци связь с итальянскими государствами и Черногорией также осуществлял полномочный министр России при венском дворе.

В консультациях с венскими врачами местом «для поправки здоровья» Алексея Григорьевича была названа Пиза, город, расположенный по соседству с открытым тосканским портом Ливорно, уже некогда освоенным русскими судами²¹³. Едва ли случайно в это время, т.е. на исходе 1768 г., в Ливорно находился Ф.С. Плещеев, бывший капитан фрегата «Надежда Благополучия», включенного затем в эскадру Г.А. Спиридова. Возможно, он восстанавливал для А. Орлова связи, завязанные им еще в 1765 г. Выполнив какие-то поручения, Плещеев отбыл в Санкт-Петербург вместе с привлеченным на русскую службу греческим моряком²¹⁴.

В Пизу путь Алексея Орлова лежал через Венецию, куда братья Орловы и их спутники добирались почти месяц, прибыв в Венецию 11 декабря²¹⁵. Однако Венеция не стала центром деятельности А. Орлова, потому что слишком ревниво венецианские власти относились к русской активности в регионе (см. об этом подробнее гл. 6)²¹⁶. Месяц пути в Италию не прошел впустую: за это время А.Г. Орлов сумел составить первое впечатление о настроениях православных жителей Балкан и их отношении к объявленной войне; он привлек к себе единомышленников-единоверцев и, по-видимому, укрепил связи с местной агентурой России.

Есть основания полагать, что А.Г. Орлов по пути в Италию устанавливал контакты и с греческими землячествами в Европе. Из Лейпцигских записок Радищева известно, что и русские студенты, обучавшиеся в Германии, в 1768 г. встречались в Лейпциге с братьями Орловыми. (Эта встреча могла состояться только на пути Орловых в Италию.) Между тем в Лейпциге существовала греческая колония, и от ее имени во время греческого восстания поступали в европейскую прессу слухи, преувеличивавшие успехи совместных действий русского флота и греческих повстанцев. Как известно, Архипелагская экспедиция и военные действия России в Средиземноморье стали предметом едва ли не газетной войны, в ходе которой из прессы в равной мере можно было почерпнуть фантастические известия о русских победах и столь же неправдоподобные сведения о поражениях. Предвидя нечто подобное, Алексей Орлов, возможно, загодя готовил приемлемые для России каналы информационной связи. Не исключено, что братьям Орловым удалось пробудить у русских студентов интерес к греческому вопросу, и в 1771 г. Радищев под влиянием сочувствия к страданиям единоверцев, находившихся под

²¹² [Б. авт.] Лашкарев С.Л. Дипломат Екатерининского времени (Из современных подлинных бумаг) // Русский архив. 1884. Кн.2. С. 5-32.

²¹³ К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 271.

²¹⁴ Материалы для истории русского флота. 4. XI. С. 359.

²¹⁵ АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 35. Л. 12об.

²¹⁶ Иное мнение высказывает В.А. Плагин, впрочем, следующий за мнением Рюльера. (Плагин В.А. Алехан, или Человек со шрамом) С. 181.

турецким гнетом, обратился к переводу на русский язык «Призыва греческого народа к европейским христианам» (об этом речь пойдет далее).

Из осторожности Алексей Григорьевич не посетил триестского эмиссара брата Григория – Георгия Папазоли. «Мне самому ехать будет туда подозрительно..., – писал он и замечал: сюда ж ему приехать опасно по некоторым на него здесь подозрениям...»²¹⁷. Следовательно, российская агентура не только существовала, но уже привлекла к себе внимание властей. Спустя несколько месяцев сам Алексей Орлов будет жаловаться брату Григорию на то, что его одолели шпионы, что он вынужден менять свое местопребывание и иногда не знает, где голову приклонить²¹⁸.

Информацию о положении православных на Балканах А. Орлов черпал из разных источников, как и разными путями привлекал к себе сторонников. Рюльер слишком прямолинейно представлял себе форму общения А. Орлова с православным населением Венецианской республики и Балкан: по его описанию, оба брата имели обыкновение после посещения православного храма выходить на паперть, пригоршнями раздавать монеты и вступать с прихожанами в разговоры; местное же население, пораженное богатством и щедростью русских посланцев, в ответ выражало готовность им служить. Конечно, Орловы и их спутники собирали интересные их сведения и от случайных информаторов, особенно при посещении многолюдных мест; несомненно, они доверительно беседовали и с православным духовенством. Однако основные представления они составили из сообщений русских агентов и благодаря сведениям, полученным от маркиза Маруцци и его доверенных лиц²¹⁹.

Как людям высшего света, Орловым легче было устанавливать контакты и общаться с людьми своего круга. Здесь, как во всей Европе, существовали свои каналы связи, условности, этикет; и очень скоро Алексей Орлов в Италии оказался в окружении славянской и греческой единоверческой аристократии – графов Войновичей, Дм. Мочениго (Мочениго), А. Джика (в русской традиции Гика) и др. Часть из них являлась подданными Венецианской республики; многие навсегда остались на русской службе. Дальнейшая вербовка участников военных действий и восстания происходила уже через местные владетельные дома, имевшие влияние среди сельских жителей, и через городских предпринимателей – судовладельцев-торговцев и капитанов (семьи Алексиано, Поликутти, Псаро, Ризо и т.д.).

Тотчас после 17 декабря, еще до отъезда в Пизу Алексей Григорьевич направил в Санкт-Петербург упоминавшееся выше послание, известное в отрывке. В нем излагались сведения о настроениях православного населения в связи с начавшейся войной и предлагались планы ближайших действий. Письмо также не оставляет сомнения относительно целей поездки Орловых в Италию.

Прежде всего, А. Орлов «уведомляет» Екатерину и брата Григория о том, что он «здесь нашел много людей одноверных, которые желают быть под командою нашею и служить в теперешнем случае против турков», что вся Черная Гора «по слухам» берется за оружие и поступают известия о том, что многие христиане собираются выступить против турок, правда, между ними нет согласия, и они действуют разрозненно, разными партиями. Исходя из этой информации, А. Орлов пришел к заключению, что создались благоприятные условия для того, чтобы разжечь внутри Османской империи сильный огонь, который помешает туркам провозить продовольствие в столицу и разделит усилия армии на два фронта²²⁰.

Тон письма Алексея Григорьевича говорил о том, что он попал в среду, жаждавшую воспользоваться войною и российской поддержкой для освобождения православных, томившихся

²¹⁷ [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции графа А.Г. Орлова. С. 143.

²¹⁸ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 364.

²¹⁹ 17 декабря 1768 г. маркиз Маруцци сообщил Н.И. Панину, что выполнил свои служебные обязанности перед А.Г. Орловым (АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 35. Л. 12об.).

²²⁰ [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции графа А.Г. Орлова. С. 142.

под турецким гнетом. В этой среде все еще помнили о совместной борьбе против турок в годы правления Петра I и хранили грамоты с обращением царя к черногорцам. Энтузиазм нового окружения Алексея Григорьевича стал для него источником эйфории: ему представлялось нетрудным делом поднять на борьбу народ, он верил, что все любят его и его окружение за единоверие и готовы ему повиноваться – «все повеленное мною хотят делать» (это уже «камушек в огород» Н.И. Панина, сомневавшегося в управляемости греков). Энтузиазм окружения укреплял А. Орлова в стремлении бороться за освобождение православных²²¹.

Однако по прибытии в Италию А.Г. Орлов не ограничился выяснением настроения православных жителей Балкан. В.А. Плугин справедливо писал, что «лечиться» «за море» подполковник Островов отправился «...для уточнения на месте и реализации этого заманчивого и необыкновенно дерзкого плана» – осуществления диверсии²²². Поэтому в письме Алексея Григорьевича проскальзывает и сообщение о том, что единоверцы готовы исполнять все им «повеленное» (значит, уже речь шла о повелениях).

В сохранившемся довольно пространным отрывке письма А. Орлова отсутствует упоминание о необходимости присылки флота в Средиземное море, но Ю.В. Долгоруков, передавая содержание всего послания, сообщал о требовании Алексея Григорьевича направить в Средиземноморье эскадру.

Тем не менее А.Г. Орлов еще не имел назначения и действовал как бы на свой страх и риск. Он уезжал из Петербурга, когда обстановка еще не достигла своей критической отметки, и распоряжений императрицы на случай войны не имел. Он не только предложил свою кандидатуру в качестве руководителя всего Средиземноморского проекта («я столь щастлив могу быть, что ето дело по надобности повелено мне будет производить»), но и изложил программу неотложных мер: прислать артиллеристов и инженеров (на случай осады крепостей), полевых «пушечек» со снарядами; одновременно произвести политическую подготовку восстания, разослав по примеру Петра I «ласковые» грамоты (он отправил в Петербург копии обращений Петра). Орлов отмечал, что в грамотах необходимо указать, что при заключении мира единоверцы не будут брошены на произвол судьбы, так как в памяти еще живут воспоминания о том, что «они еще все воевали, а у нас уже и мир заключен был». И в этой связи Алексей Григорьевич делает глубокое замечание о роли исторической памяти в обществе традиционной культуры: «и как у етих людей больше все дела идут в память по преданиям, то в иных случаях оно больше и умножается или увеличивается, а ето их очень много будет анкуражировать»²²³.

Несомненно, Екатерина и помимо действий Орловых сама стремилась не упустить ситуацию на Балканах. Не дожидаясь от А.Г. Орлова «уведомления» об обстановке в решоне, в декабре 1768 г. она направила туда своих эмиссаров для возбуждения восстания покоренных турками народов: в Черногорию поехали черногорцы на российской службе – гусарский полковник Я.М. Эздемирович и поручик Ефим Белич. Первого избрала императрица «по чину, летам и потому, что он уже заслугу ту имел перед собою, что в прежнее время несколько сот разных народов вывез на поселение в Новороссию»²²⁴. Ефим Белич приехал в Петербург в качестве посланника Степана Малого «просить помощи в связи с разрушительным походом

²²¹ Вспомним его строки в письме к брату: «И если ехать, так уж ехать до Константинополя и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжкого...». Как уже упоминалось, эта идея была близка семье Орловых. Неслучайно почти в то самое время (27 ноября) брат Григорий выступил на Совете при Высочайшем Дворе с предложением создать фонд освобождения православных – «о некотором учреждении освобождения греческого закона народов, употребляя на произведение сего в действо с кладкою капитала». Г.Г. Орлов имел в виду направить с этим капиталом доверенных лиц на Балканы, по видимому, для подготовки восстания против турок. Он полагал, что в случае успеха восстания можно было бы взять православные народы «под протекцию России», оставя их в управлении собственных правителей, избранных по воле населения («сделать разных владельцев, оставя им в выборе на волю»). – АГС. Т. I. С. 357.

²²² Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом. С. 178.

²²³ [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции графа А.Г. Орлова. С. 143-144.

²²⁴ Соловьев СМ. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 298.

турок против Черногории»²²⁵. Теперь ему было предписано встретиться с самозванцем Степаном Малым, ибо, вопреки прежнему указанию о разоблачении и устранении самозванца, было решено воспользоваться влиянием самозванца среди черногорцев как «орудием нашего дела», при условии отказа Степана Малого от присвоения имени Петра III. Агенты проследовали также в Албанию и Дунайские княжества. Неожиданно начавшаяся война смещала планы и потребовала совместить зондаж настроений и проверку на месте возможности реализовать планы, порученные А. Орлову, с активной подготовкой восстания, доверенной посланцам Екатерины, что, естественно, не было согласовано с Алексеем Григорьевичем перед его отъездом. Миссия Эздемировича и Белича оказалась безуспешной, и А.Г. Орлов не знал в дальнейшем, на что ему употребить прибывшего в Венецию в феврале 1769 г. Эздемировича.

Продолжала императрица подбирать людей для Средиземноморской операции и внутри России. В феврале 1769 г. в морскую артиллерию был переведен Иван Ганнибал (брат Осипа Абрамовича Ганнибала, деда А.С. Пушкина), 20 марта произошло официальное назначение Г.А. Спиридова командующим эскадрой.

Для экспедиции потребовались не только военные, но и священники. И едва ли случайным был и поворот в деле епископа Анатолия Мелеса. Опальный священнослужитель с Афона, которого Синод лишил епископства и священства, держал сначала в тобольской, а потом в нижегородской ссылке, почитая, что «все его поступки пронырливы и малодушны», в 1767 г. оказывается «нужен ко службе» императрице²²⁶. Анатолий Мелес был отправлен с Архипелагской экспедицией («священнодействую в прошедшую против турок войну на хребтах корабельных»²²⁷), был при флоте во время Чесменской битвы «не без пользы общественной», за что 5 октября 1770 г. ему вернули и архиерейство (см. также далее о нем гл. 5).

Когда владыка Анатолий Мелес вернулся в Россию, он прославился речью, произнесенной перед Екатериной II. В речи были слова: «...я сидел во тьме, и внезапно облиста мя свет велий. Узник стал свидетель чудес твоих на водах многих. Я зрел корабли твои между разсеянными по Архипелагу островами, наподобие островов колеблющиеся, и тысящами медных гортаней могущество твое морю и туркам возвещающия. Стоял на хребтах их, среди героев священник, и счастием твоим осенял к победам твоих мореходцев. Мал в братии моей посреди церкви, на далеких берегах громом имени твоего раздающихся, пел ты, и во храме сердца моего дондеже есмь пети не перестану»²²⁸.

Но такие слова благодарного епископа императрица услышит только осенью 1772 г. Пока же, в первые месяцы 1769 г., на всех парах шла подготовка флота к отплытию, которое первоначально планировалось, по-видимому, на апрель. Корабли не только обшивались дополнительно досками с шерстью от течи и снабжались провизией на многомесячный поход (при этом их маршрут хранился в строгой тайне), но разрабатывалась и административная документация²²⁹.

²²⁵ *Лециловская И.И.* Сербский народ и Россия. С. 82.

²²⁶ Анатолий (Мелес) (ум. 1775 г.), родом волошанин, но родившийся уже в России в Золотоноше, обучался в Киево-Могилянской академии, жил на Афоне и был поставлен в епископы константинопольским патриархом. В России Анатолий (Мелес) постоянно конфликтовал с Синодом, и в результате этих конфликтов, возникавших во время его приездов за милостью для Афонского Павло-Георгиевского монастыря, в 1759 г. был отправлен простым монахом в ссылку в Тобольск. В 1762 г. по указанию Екатерины Мелеса из Тобольска переводят в Нижний Новгород в Макарьевский монастырь. См.: *Григоревич Н. И.* Анатолий Мелес, епископ. Исторический очерк по новооткрытым бумагам // Русский архив. 1870. № 4-5 (8). Стлб. 689-743.

²²⁷ *Добрынин Г. И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриилы Добрынина (прожившего 72 года 2 месяца и 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. В 3-х ч. (изд. 2 и предисл. М.И. Семевского). СПб., 1872. С. 114.

²²⁸ После такой речи бывшему ссыльному Анатолию Мелесу было дозволено стать настоятелем Глуховского Петропавловского монастыря. (Там же. С. 115).

²²⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 360-361.

Следовательно, в начале русско-турецкой войны 1768-1774 гг. роли были распределены, и политические актеры вступили в игру: императрица Екатерина успела расставить на политической сцене действующих лиц задуманной ею военно-политической пьесы.

Итак, рассмотренный в главе материал позволяет заключить, что, взойдя на трон, Екатерина II приступила к осуществлению плана открытия «южного окна» в Европу, не удавшегося Петру I. Но в отличие от своего великого предшественника, она задумала реализовать этот проект в военных операциях, производимых не только с территории России, ориентируясь на взаимодействие с православным населением преимущественно континентальных Балкан, но и «снаружи», из Средиземноморья с помощью единоверцев – греков, албанцев и славян Адриатического побережья. Однако подобные операции могли быть реализованы лишь с применением флота. И императрица, и ее ближайшее окружение начали исподволь, тайно разрабатывать задуманную идею и осуществлять мероприятия по ее исполнению. Стратегические и тактические цели этих операций императрица сформулировала и озвучила лишь в начале войны.

Глава 2

Стратегия войны: утверждение российского присутствия в Средиземноморье, «диверсия в наиболее чувствительнейшем месте» или освобождение угнетенных

Русские думали... переплыть океан, войти через пролив Гибралтарский и завоевать или опустошить Морею и острова Архипелага. Они надеялись, что сходство веры привлечет к ним многих сообщников из греков и что с помощью сих мятежных раясов (райатов – христиан Османской империи. – Авт.) они смогут нанести смертельные удары Оттоманской державе.

Война турков с россиянами с 1769 по 1774 год. Сочинение Васифа-Ефенди, турецкого историографа

И.М. Смилянская

Определение целей войны и принятие решения об Архипелагской экспедиции

Хотя, как утверждалось, сценарий российского проникновения в Средиземноморье был уже составлен и главные роли были распределены, неожиданное открытие военных действий заставило Екатерину II ускорить осуществление своих планов. (В начале 1768 г. Н.И. Панин писал о том, что России еще не время начинать войну, а Екатерина II 6/17 октября, когда война России уже была объявлена, но известие об этом еще не дошло до Петербурга, как бы со вздохом облегчения отправила И.Г. Чернышеву в Лондон такой текст: «Турки, по видимому, нынешний год, а может быть, и впредь не намерены нас беспокоить»)²³⁰.

С началом войны определилось и военное предназначение Архипелагской экспедиции – нанести Османской империи «диверсию в наиболее чувствительнейшем месте». Решение императрицы было поддержано Советом при Высочайшем Дворе.

Как известно, Совет при Высочайшем Дворе, состоявший из весьма узкого круга сановников, окружавших императрицу со времени переворота, был создан по ее распоряжению 3/14 ноября 1768 г., т.е. тотчас после того, как Екатерине сообщили о заточении в Семибашенный замок турецкой столицы российской дипломатической миссии во главе с А.М. Обресковым и о разрыве отношений с Портой. Это печальное событие, означавшее объявление войны, имело место 25 сентября / 6 октября 1768 г. В Петербурге о нем узнали в последних числах октября, а доложили Екатерине II 1 ноября, когда она, оправившись от прививания оспы, возвратилась из Царского Села в столицу. 4 ноября состоялось первое заседание Совета. На этом заседании решались кардинальные военно-политические вопросы: какой характер должна носить война (оборонительный или наступательный); как распределить и где сконцентрировать вооруженные силы; какие предосторожности предпринять в отношении границ империи, не затронутых войной? откуда брать денежные средства для ее ведения.

Единодушно было решено вести войну наступательную. Г.Г. Орлов по этому поводу спросил, какова должна быть цель войны, ибо, не имея таковой, лучше от войны отклониться вовсе («на какой конец она приведена быть может, а ежели инако, то не лучше ли изыскивать

²³⁰ Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву // Русский архив. 1871. № 9. Стлб. 1318.

другой способ к избежанию»). Н.И. Панин в ответ говорил о желательности войны короткой, на что Григорий Орлов возразил, что быстро решительного успеха достигнуть невозможно. Никита Панин продолжал свою мысль в поисках путей достижения мира: «Надобно стараться войско неприятеля изнурять и тем принудить, дабы оно такое же произвело действие в столице к миру, как оно требовало войны». Одним словом, Панин как дипломат и сторонник «северной системы» не был склонен решать вопросы крупномасштабной войны. Когда же в конце заседания Г.Г. Орлов в числе первоочередных задач предложил послать экспедицию в Средиземное море, сформулировав свою идею, правда, весьма скромно: «послать под видом вояжа в Средиземное море несколько судов и оттуда учинить диверсию неприятелю, но чтоб сие сделано было с согласия английского двора»²³¹, – вопрос был отложен, так как предложение Орлова встретило возражение Панина.

На следующем заседании 6 ноября сама императрица предложила высказать мнение, «к какому концу вести войну и в случае наших авантажей какие выгоды за полезное положить». Вот здесь и была определена главная цель войны: добиться права судоходства по Черному морю, на берегах которого следует учредить порт и крепость. В аспекте этой цели посылка экспедиции в Средиземное море обретала для членов Совета весомое обоснование. В результате, когда 12 ноября на третьем заседании императрица (вероятно, специально, чтобы дать возможность Г.Г. Орлову вновь вернуться к вопросу о посылке средиземноморской экспедиции) включила в список рассматриваемых дел вопрос: «Если кто что придумал для пользы настоящих дел, то может свое предложить», Г.Г. Орлов прочитал свое мнение «об экспедиции в Средиземное море», и Совет, по-видимому, не без разногласий одобрил предложение фаворита²³².

Таким образом, решение о посылке Архипелагской экспедиции было принято членами Совета при Высочайшем Дворе вследствие признания крупномасштабных задач предстоящей войны. Тон в обсуждении вопроса задавали императрица и ее фаворит, кем заранее и продумывалась вся идея осуществления военных действий в Средиземноморье.

²³¹ АГС. СПб., 1869. Т. 1. Стб. 5. Предложение Г.Г. Орлова Г.А. Гребенщикова несколько наивно толкует как документальное свидетельство того, что «именно Григорий Орлов первым подал мысль о посылке эскадры императрице и членам Совета, а его брат Алексей должен был служить проводником этих идей и координатором действий между Петербургом и повстанцами» (*Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007. С. 179).

²³² АГС. СПб., 1869. Т. 1. Стб. 10.

Екатерина II в 1763 г.

На наш взгляд, можно утверждать, что для Екатерины проблема посылки флота в Средиземное море, как и общий вопрос о целях войны, ко времени ее объявления уже были решенными. Едва ли императрица не была откровенна, когда 14 декабря 1768 г. писала И.Г. Чернышеву: «Я нахожу, что мы освободились от большой тяжести, давящей воображение, когда развязались с мирным договором; надобно было тысячи задабриваний, сделок и пустых глупостей, чтобы не давать туркам кричать. Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволяют средства, а у России, вы знаете, средства не маленькие». 20 декабря императрица в шутовском тоне написала тому же Чернышеву знаменитое послание о своих мечтаниях, о том, что и Екатерина II «иногда строит всякого рода испанские замки; и вот ничто ее не стесняет, и вот разбудили спавшего кота, и вот он бросится за мышами, и вот вы кой-что увидите, и вот об нас будут говорить, и вот мы зададим звону, какого не ожидали, и вот Турки побиты»²³³. Возможно, «испанскими замками» и был план Архипелагской экспедиции и некие идеи, которые в конечном счете предварили будущий «Греческий проект».

Решительность и настойчивость Екатерины II в организации экспедиции, надо полагать, объяснялись еще и тем, что императрица со свойственной ей проницательностью осознавала политические преимущества *многих* аспектов задуманного предприятия. По существу, основу замысла Екатерины II, которую она до времени предпочитала сохранять в тайне (и лишь в критический момент открыла А.Г. Орлову, чтобы он мог ею руководствоваться, определяя стратегию военных действий), составляла идея *утвердить российское присутствие в Средиземноморье*²³⁴. Открыто же высказанной частью военно-политического проекта императрицы, понятной ее окружению и не вызывающей серьезных опасений в Европе, была *военная дивер-*

²³³ Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву С. 1323-1324; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. Стлб. 268.

²³⁴ В рескрипте графу А.Г. Орлову от 9 января 1770 г. Екатерина II, указывая на необходимость приобрести в Средиземноморье порт «на острове или твердой земле», писала: «...хотя б и ничего иного не сделали, то бы тем самым вы много для передупредили, если б доставили России в руки порт в тамошнем море, который стараться будем при мире удержать. Под видом же коммерции он всегда будет иметь сообщение с нужными народами во всем мире и тем, конечно, сила наша не умалится в тамошнем краю» (Материалы для истории русского флота. Ч. XI. СПб., 1886. С. 529).

сия против Турции с привлечением на свою сторону османских православных подданных²³⁵. И это следует иметь в виду, оценивая замысел Екатерины и его результаты, а также цену риска всей операции. А операция, действительно, была сопряжена с большим риском и трудностями, одолеть которые стало возможно не в последнюю очередь благодаря энергии самой императрицы, ее умению подбирать исполнителей своих замыслов и поддерживать в них мужество и воинское рвение. Императрица сумела изыскать и колоссальные средства для своего средиземноморского предприятия, и, что также немаловажно, получить поддержку многих средиземноморских единоверцев.

Первоначально надежды на успех всей операции были связаны с вооруженной борьбой единоверцев. «Главная всему нашему плану цель, – указывала императрица адмиралу Эльфинстону 25 сентября 1769 г., – в поднятии на турков подвластных им греческих и славянских народов, следовательно же, и должны уступать ей первое место все другие побочные предприятия, а как экспедиция ваша принадлежит натурально в числе сих последних» (имелось в виду поручение Эльфинстону организовать блокаду Дарданелл), то первенство следовало отдавать сухопутным операциям А.Г. Орлова при содействии Г.А. Спиридова²³⁶.

Возбуждение восстания греков и славян

29 января 1769 г. (т.е. почти незамедлительно, учитывая время, которое требуется курьеру, чтобы преодолеть расстояние между Италией и Санкт-Петербургом) Екатерина отвечает на декабрьское послание А.Г. Орлова. Знаменитое начало письма, цитируемое исследователями в связи с попыткой уяснить авторство средиземноморского проекта, обращает на себя внимание безупречностью политико-юридического обоснования военных мероприятий императрицы. «Мы сами уже, по предложению брата вашего генерал-фельдцейхмейстера, помышляли о учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции, как на твердой ее земле, так и на островах Архипелага, – писала Екатерина, – а теперь, получа от вас ближайшие известия о действительной тамошних народов склонности к восстанию против Порты, и паче еще утверждаемся в сем мнении...»²³⁷. То, что донесение Алексея Орлова утвердило императрицу в решении выполнить план экспедиции, очевидно. Однако идея экспедиции возникла и тайно обсуждалась задолго до выступления Григория Орлова на Совете при Высочайшем Дворе, на которое ссылалась Екатерина. Мы имеем возможность снова убедиться в способности императрицы параллельно официальной политической линии искусно проделывать тайные ходы, что заставляет историка весьма осторожно пользоваться официальными источниками эпохи.

29 января 1769 г. последовал и рескрипт императрицы, содержащий назначение А.Г. Орлова верховным командующим всей операции: «охотно соизволяем Мы, по собственному вашему желанию, поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство всего сего подвига»²³⁸. Так, во второй раз в течение шести лет Екатерина вверяла Алексею Орлову

²³⁵ В рескрипте адмиралу Г.А. Спиридову от 5 июля 1769 г. Екатерина писала: «По причине настоящей у нас с Портою оттоманскою войны, которая с ее стороны столь вероломно начата, рассудили Мы за нужное для учинения сей диверсии в чувствительнейшем месте воспользоваться известною склонностью греческих и славянских народов, отчасти ей подвластных, а отчасти еще за вольность свою до ныне мужественно поборающихся, и стараться составить из них при нашем подкреплении и под нашим руководством целый корпус не только к упражнению турецких сил в собственной своей земле удобной, но, если поможет великому нашему подвигу десница Всевышня, и к потрясению в Европе самого основания оных вкуче с столицею злочестья магометанского» (Там же. С. 366) Как видим, императрица смело строила свои «испанские замки»!

²³⁶ Там же. С. 405.

²³⁷ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. кн. Н.А. Орловым // СбРИО. СПб., 1867. Т.I. С. 2. Заметим, что Екатерина II четко различала территорию Морей (Пелопоннеса, «твердой земли») и Архипелага. В историографии есть тенденция соединять эти понятия и рассматривать начальной целью экспедиции Архипелаг.

²³⁸ Там же.

едва ли не судьбу трона²³⁹. Действительно, трудно сказать, как бы мог отразиться на положении Екатерины II провал средиземноморской операции, дорогостоящей и далеко не у всех вызвавшей сочувствие²⁴⁰.

Доверяя А.Г. Орлову руководство экспедицией, Екатерина II, вероятно, полагала, что для выполнения такого дерзкого замысла нужен был не столько опытный военачальник, сколько бесстрашный до удали, преданный интересам трона, связанный с авторством проекта политик, обладающий незаурядными организаторскими способностями и темпераментом бойца. И она не ошиблась в своем выборе²⁴¹. В частности, одним Чесменским сражением А.Г. Орлов задал тон всех последующих морских операций.

Екатерина II полагалась и на проницательность Алексея Орлова («Мы ни мало не сомневаемся, по довольно Нами испытанному вашему собственному проницанию, чтобы вы сами достаточно не вникли в сии существительные правила наших статских мнений»), который поймет ее замысел и будет им руководствоваться – «производить дела наши равнодушным мужеством, не тревожа себя тем, что в ваших предприятиях вам невозможным встречаться будет»²⁴². Иными словами, как некогда в Ропше, Екатерина доверяла Алексею Григорьевичу свои сокровенные планы, полагаясь на его понимание и предоставляя ему право действовать согласно этому плану с «равнодушным мужеством» так, как позволят обстоятельства, не исключая возможности низвержения столицы империи «агарянской».

Вместе с назначением командующим А.Г. Орлову вручались полномочные грамоты: одна для представления тем, кто пожелает участвовать в затеянном Россией деле, другая для предъявления итальянским властям в случае возникновения недоразумений. Кстати, чтобы не допустить появления авантюриста-самозванца, Орлов заранее заготовил свой портрет, который можно было показывать единоверцам²⁴³.

Тем не менее, в рескрипте от 29 января Екатерина ни звуком не отозвалась на идею освобождения угнетенных единоверцев, более того, она подчеркнула, что «прямая наша цель быть долженствует» в диверсии. Ум императрицы работал расчетливо: она кратко сообщала, что российские добровольцы по преимуществу из преображенцев, о чьей присылке просил А. Орлов, будут прибывать по два-три человека «под приличным предлогом», ибо все приготовления надлежит хранить в глубокой тайне. Основной силой сухопутной части операции должны стать *сами единоверцы*, которых необходимо приводить к единению с помощью «лучших людей между разными народами»; этих «лучших» надлежит склонять на свою сторону, а оплату их услуг осуществит маркиз Маруцци. Алексею Орлову следовало умерить свой боевой пыл и раньше времени не подвергать себя опасности. Флот должен был приходить небольшими

²³⁹ Руководитель французского внешнеполитического ведомства герцог де Шуазель рассчитывал на то, что, возбудив войну против России, удастся «низвергнуть императрицу с захваченного ею трона». (Черкасгов П.П. Франция и русско-турецкая война, 1768-1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 53).

²⁴⁰ Примечательна точка зрения американского исследователя Хью Рексдейла об отношении элиты российского дворянства к средиземноморским планам императрицы, хотя далеко не во всем с ним можно согласиться. Он указывает на то, что российское дворянство в своем большинстве не было заинтересовано ни в средиземноморской торговле, ни в приращении территорий. И в 1780-х гг., кроме украинца Безбородко, Потемкина (русско-польского происхождения) и бывшей германской принцессы Екатерины II, «Греческий проект» не поддержала ни одна из известных семей российского дворянства. «Даже удивительно, – заключает исследователь, – насколько узкой была социальная база российской внешней политики» (Ragsdale H. Russian projects of conquest in the eighteenth century // Imperial Russian foreign policy / Ed. and trans. by Hugh Ragsdale, V.N. Ponomarev. Cambridge, 1993. P. 102).

²⁴¹ В связи с этим нельзя не привести блестящую характеристику А.Г. Орлова, данную Е.В. Тарле: «Умный, дерзостный, храбрый, любящий риск и ищущий риска, но вместе с тем расчетливый, не боящийся ни пули, ни ответственности. Алексей Орлов ... был как раз подходящим человеком для подобного головоломного задания» (Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774) // Сочинения. М., 1959. Т. 10. С. 25).

²⁴² Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 6.

²⁴³ [Майков Л.Н.] Первая мысль о Морейской экспедиции графа А.Г. Орлова с предисловием Л.Н. Майкова // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII и XIX веков. Изд. М. Михайловым. СПб., 1873. С. 143.

группами. В рескрипте Екатерина обращалась к нему с просьбой высказать «собственные ваши рассуждения о удобности, пользе, времени и количестве отправляемой отсюда в Средиземное море эскадры Нашей»²⁴⁴.

В те же дни, когда составлялся изложенный рескрипт Екатерины II к Алексею Орлову, на Совете при Высочайшем Дворе читались и обсуждались «заготовленная грамота к греческим и славянским народам» (она была утверждена 26 января при втором чтении) и упомянутые полномочия графа А.Г. Орлова²⁴⁵. В целом текст обращения к славянским и греческим народам соответствует содержанию рескрипта Екатерины от 29 января. Это естественно, так как в его составлении она принимала активное участие (об этом свидетельствуют хотя бы ее пометы на тексте, хранящемся в Архиве МИД²⁴⁶). При этом по желанию А. Орлова в готовящемся обращении к единоверцам был включен пункт о том, что интересы православных будут учтены при заключении мирного договора.

Политический смысл обращения сводился к следующему: русско-турецкая война создала благоприятные условия для борьбы единоверцев за свое освобождение от турецкого гнета. «Остается только, чтоб при производимых нашими армиями военных действиях], они сами содействовать потщились..., ополчась... против общего всего христианства врага, и стараясь возможный вред ему причинить и чрез то общему благому делу воспособствовать и собственному своему жребию». Россия, как указывалось в документе, испытает величайшее удовольствие видеть христианские области, избавленные от поносного порабощения, и народы, «руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат»²⁴⁷. Иными словами, в обращении содержался важный тезис о том, что хотя война может быть общей, но при заключении мира каждая сторона обретет те преимущества и выгоды, которые сумеет завоевать и добиться.

Следует отдать должное Екатерине II и, надо полагать, Н.И. Панину, в чьем ведомстве был составлен документ: в обращении отсутствовали обещания, которые могли создать у единоверцев иллюзии, будто Россия в войне ставит своей целью их освобождение. Как заметил В.А. Уляницкий, в оригинале документа слова «рассудили воспользоваться случаем к освобождению греков» рукою Н.И. Панина были заменены на слова «к облегчению жребия»²⁴⁸. Н.И. Панин и в послании начала 1769 г. к главе майнотов Г. Мавромихали, некогда высказавшему Георгию Папазоли свое пожелание иметь свидетельство о намерениях России «от власть обличенной персоны», обещал, хотя и в достаточно неопределенной форме, помощь грекам: «Ее Величество приказало мне тайно вас заверить, что пока длится эта война, по воле Бога, Она не только вас не оставит, но более того примет вас под свое высокое покровительство и окажет такую помощь, какую сможет...»²⁴⁹. Таким образом, помощь была обещана, но только на период ведения войны с турками.

Это уже по окончании войны Екатерина имела намерение утвердить в общественном сознании миф о том, что в Средиземноморье российская эскадра направилась с исключительно освободительными целями. По крайней мере, подобного рода текст она собственноручно начертала в проекте мемориальной надписи на замышляемом обелиске в честь морских

²⁴⁴ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 11.

²⁴⁵ АГС. Т. I. Стб. 10, 357.

²⁴⁶ АВПРИ. Ф.89/8. Сношения России с Турцией. Д. 1867. Л. 1-10.

²⁴⁷ Цит. по: Соловьев СМ. История России с древнейших времен. С. 293.

²⁴⁸ Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 113.

²⁴⁹ Camariano-Cioran A. La Guerre Russo-Turque de 1768-1774 et les Grecs // Revue des etudes sud-est europeennes. Bukarest, 1965. Т. III. № 3-4. R 524.

побед графа Алексея Орлова и Григория Спиридова²⁵⁰, и так объясняли величие российских побед и придворные проповедники²⁵¹ (об этом см. подробнее гл. 9). Во время войны императрица не позволяла себе столь свободного определения задач операции. В январе 1770 г. в ответ на жалобы А. Орлова на недостаток российского сухопутного войска императрица четко констатировала: «как бы оно мало ни было, оно служить будет всегда подпорою тем народам, кои желают себя освободить от ига нечестивого; да не токмо подпорою, но еще образом регулярства и послушания»²⁵². (Примечательно, что тезис – угнетенным народам надлежит воспользоваться нашей войной с турками для обретения своей независимости, а Россия их поддержит – был вновь воспроизведен, но уже без христианской риторики, в тайном обращении императрицы к египетским беям во Вторую русско-турецкую войну)²⁵³.

Обращение Екатерины II к балканским единоверцам стало широко распространяться среди населения в 1770 г., и к Орлову хлынул новый поток греков и славян. В течение же 1769 г., пока готовились к отплытию и затем совершали свой трудный путь эскадры Спиридова и Эльфинстона, между А. Орловым и Екатериной продолжался диалог, о котором мы можем судить по сохранившимся письмам императрицы. Эйфория, охватившая Алексея Григорьевича с приездом в Италию, не иссякала. По словам императрицы из письма П.А. Румянцеву, «граф же Алексей Григорьевич Орлов уверяет, что он надежду имеет поставить на ноги до 40000 человек и что он пишет нарочно меньше, нежели иметь может»²⁵⁴. А.Г. Орлов все более увлекается идеей освобождения единоверцев и даже как бы начинает встречать сочувствие Екатерины. Так, в собственноручном письме от 6 мая 1769 г. она хвалила план Алексея Григорьевича в отношении единоверцев за человеколюбие («во-всю в нем человеколюбие блистает») и писала: «...все сделается по желаниям Нашим, и прославимся в сей век, спасая многие тысячи под варварским игом страдающих единоверных Наших», но при этом все-таки оговаривалась: «что же все сие не так скоро исполниться может, как ваше и мое желание бы было, то сие не диво, но в естестве сего великая затея, и весьма похваляю вас, что вы начали так, как ко мне пишете»²⁵⁵.

На деле императрица была озабочена не столько помощью своим естественным союзникам, сколько проблемой приобретения гаваней для эскадры. В том же письме она спешила (как выяснится, напрасно) обрадовать А. Орлова известием о том, что маркиз Маруцци получил согласие генерала Паоли на предоставление русским судам, если они окажутся в Средиземном море, корсиканских портов в обмен на русскую помощь. «И так если еще пристань не имеем, то по крайней мере перепутье есть», – сообщала императрица²⁵⁶. Действительно, после нескольких месяцев поисков способа связаться с предводителем корсиканских повстанцев Маруцци достиг цели. Его посланец прибыл 15 марта 1769 г. на остров на судне, доставлявшем боевые припасы отрядам Паоли (впрочем, на этом же судне направлялись в ставку генерала и два английских агента). Посланец Маруцци вручил Паоли письмо поверенного в делах, вызвавшее некоторое недоумение генерала: письмо было составлено в духе обращения Екатерины и содержало, по определению Паоли, одни комплименты, тогда как генерал нуждался в помощи. Эмиссар Маруцци дал понять, что имеет полномочия высказать некие предложения словесно.

²⁵⁰ «В память первого шествия российского военного флота в Средиземное море в 1769 году для вспоможения благочестивых греков и освобождения их от ига нечестивого турка...» (РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 444. Л. 5).

²⁵¹ Платон (Левшин). Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года июля 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Поучительные слова при высочайшем дворе... Екатерины Алексеевны с 1763 года по 1780 год сказанный... Платоном. М., 1780. Т. 3. С. 73-88.

²⁵² Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 31.

²⁵³ Смилянская И.М. О политике Екатерины II в Средиземноморье и первых российско-арабских политических контактах // *Анналы. Институт востоковедения РАН. М., 1997. Вып. V-VI.*

²⁵⁴ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XIX. С. 280.

²⁵⁵ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 15.

²⁵⁶ Там же. С. 20.

Тогда ему были назначены две конфиденциальные встречи с глазу на глаз с Паскуалем Паоли, на которых конкретно обсуждался вопрос о взаимодействиях²⁵⁷. По утверждению Дж. Берти, Паоли получил от России денежную поддержку²⁵⁸. Однако через несколько месяцев Франция, видимо обеспокоенная английскими и российскими посещениями генерала Паоли, предприняла наступление и вытеснила повстанцев с острова. Когда же поверенный в делах при французском дворе Хотинский запросил правительство Франции о разрешении русской эскадре воспользоваться французскими портами, он был особо уведомлен, что корсиканские рейды для российского флота закрыты²⁵⁹.

Летом 1769 г. в ожидании прибытия флота А.Г. Орлов был занят созданием складов продовольствия и боеприпасов в Ливорно, на Сардинии и в Порт-Магоне, попытками приобрести на месте и вооружить собственное судно, вербовкой сторонников среди греков и славян (как он писал Екатерине, он намерен «учредя магазейны, разослав людей в разные стороны для возбуждения обще принять оружие», собрать войско, «приведя в порядок, сколько можно и время допустит»)²⁶⁰. А. Орлов был озабочен созданием русской консульской службы в Италии и переговорами с греческими корсарами, готовыми вести боевые действия под российским флагом (о деятельности А.Г. Орлова в Италии см. также гл. 6, 7). Он опирался на поддержку английских консульских агентов – Джона Дика в Ливорно, в доме которого он обычно жил²⁶¹, и грека Теодора Алексиано в Порт-Магоне (о нем см. гл. 3).

Первая военная акция на Балканах: десант в Черногорию

Летом того же 1769 г. Алексей Орлов принял решение совершить первую военную акцию на Балканах. Роль Эздемировича, посланного Екатериной II в Черногорию, с которым Алексей Григорьевич еще в феврале не знал, что делать, он предназначил своему сослуживцу и приятелю премьер-майору Преображенского полка и генерал-майору армии князю Ю.В. Долгорукову, о присылке которого просил императрицу еще в своем декабрьском послании 1768 г. Долгоруков прибыл в Италию под именем купца Барышникова («приличный предлог», под которым должны были приезжать к Орлову в помощь российские офицеры). В работах Е.В. Тарле и В.А. Плугина Юрий Владимирович Долгоруков, оставивший в конце жизни мемуары, получил весьма неблагоприятную аттестацию: главным образом за свой хвастливый нрав. Однако А. Орлов, видимо, ценил своего младшего сослуживца по Преображенскому полку за энергию, бесстрашие и отчасти за авантюризм и полагал, что эти качества вполне подходят для руководителя вылазки в Черногорию.

Поскольку Венецианская республика в этот момент закрыла для русских эмиссаров проход в Черногорию, Долгорукову с небольшим отрядом, едва насчитывавшим 40 человек, пришлось плыть морем, тайно высадиться на побережье и пробираться пешком в горы²⁶². Эту маленькую экспедицию препровождал граф И.В. Войнович.

Иван Васильевич Войнович – фигура примечательная. Уроженец Черногории, серб («словенец») по происхождению, он принадлежал к венецианской аристократии. К А. Орлову

²⁵⁷ АВПРИ. Ф.41/3. Сношения России с Венецией. Д.40. Л.21-32.

²⁵⁸ Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 65.

²⁵⁹ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. С. 62.

²⁶⁰ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 387-388.

²⁶¹ Примечательно, что английский консул сэр Джон Дик выполнял свои обязанности и в Генуе; во всяком случае, в марте 1770 г., когда сильно пострадавший при шторме корабль «Ростислав» прибыл в Геную, именно «находящийся во оном городе от российского и английского двора конзюль» обеспечил «по его должности» «все исправления корабля», длившиеся 59 дней (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 17). Дик, как известно, не был утвержден в ранге российского консула английскими властями, но по окончании войны за помощь был награжден в России орденом св. Анны (Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769-70 // Slavonic and East European Review. Vol. 31. [New York], 1952/53. С. 158-159).

²⁶² Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом (Жизнеописание графа Орлова-Чесменского). М., 1996. С.199-200.

он примкнул одним из первых, за ним последовали члены его семьи и среди них будущий адмирал русского флота Марк Иванович Войнович (род. в 1750 г. в Черногории – умер в 1807 в Витебске). Иван и Марк Войновичи за подвиги в Архипелагской экспедиции стали георгиевскими кавалерами.

По-видимому, Иван Войнович слишком активно занимался вербовкой своих соотечественников на русскую службу, за что был обвинен властями республики «в великом преступлении», приговорен к смертной казни и конфискации имущества и, таким образом, с 1770 г. ему был закрыт доступ в венецианские владения²⁶³.

И.В.Войнович оказал России большие услуги не только как участник важных боевых сражений (Чесменского, при Лемносе, под Патрасом и Бейрутом), но использовался А. Орловым в тайных сношениях с Али-беем и шейхом Захиром, а также в организации управления Великим архипелагским княжеством. После войны граф И. Войнович был назначен российским генеральным консулом на Архипелаге.

Экспедиция Ю.В. Долгорукова в Черногорию преследовала несколько целей. Прежде всего, она была рекогносцировкой в районе с населением, имевшим давние связи с Россией и к тому же не подчинявшимся ни туркам, ни венецианцам. До А.Г. Орлова доходили слухи о готовности черногорцев сражаться с турками. На основании его донесений Екатерина II осенью 1769 г., извещая Румянцева о том, что «князь Долгоруков доехал до Черногории» (факт знаменательный для императрицы и военного командования), сообщала: в тех местах «великие делаются приготовления к нападению на турок»²⁶⁴. Территория Черногории могла бы стать плацдармом (или, как писала Екатерина, «плас д'армом») для формирования отрядов добровольцев и создания относительно регулярной армии из балканских единоверцев, чему императрица придавала большое значение: в инструкции Г.А. Спиридову по этому поводу было специально записано – «стараться составить из них (греческих и славянских народов, подвластных Порте, и, по словам Екатерины, «еще за вольность свою до ныне мужественно поборющихся». – *Авт.*) при нашем подкреплении и под нашим руководством целый корпус»²⁶⁵.

Однако убедиться в приготовлениях черногорцев и вовремя поставить их под свое военно-политическое руководство, удержав от преждевременного выступления, надлежало на месте. Императрица требовала, и А. Орлов это понимал, чтобы удар по туркам был нанесен всеми участниками операции одновременно. Ради достижения этих целей вместе с генерал-майором Ю.В. Долгоруковым в Черногорию ехали офицеры такого ранга как полковник Герфсдорф, сопровождавший А. Орлова еще из Петербурга, майор А.Г. Розенберг, неоднократно посылаемый Алексеем Григорьевичем курьером к императрице, и капитан Родион Пламенец, уроженец Черногории. Отряд доставил в горы свинец и порох. Одновременно сюда в горы сторонники Орлова стали направлять дезертиров из венецианской армии, прельщенных более высоким жалованием, уплачиваемым русскими, а возможно, и политическими симпатиями. Тем не менее, как справедливо заключил В.А. Плугин, усилия отряда Долгорукова создать в Черногории армию «были затрачены впустую», ибо, по словам князя Юрия Владимировича, «наши (т.е. православные. – *Авт.*) окрестностей Черной Горы в армию не пошли, даже и босняки отговаривались, что неприятель при их границах»²⁶⁶.

²⁶³ РГАДА. Ф. 15. Оп. Госархив. Д. 181; Ф. 10/1. Оп. 1 Кабинет Екатерины II. Д. 645. Л. 197-199.

²⁶⁴ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XIV. С. 280.

²⁶⁵ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 366.

²⁶⁶ Цит. по: *Плугин В.А.* Алехан, или человек со шрамом. С. 201.

Ю.В. Долгоруков через 35 лет после Черногорского предприятия

Впрочем, какие-то смутные надежды на черногорцев в России еще некоторое время сохранялись и, согласно не вполне надежным сообщениям «Санктпетербургских ведомостей», Ю.В. Долгоруков направил по прибытии эскадры Спиридова в Порт-Магон оружие в Черногорию²⁶⁷.

Экспедиция Ю.В. Долгорукова имела и другое предназначение – политико-пропагандистское. По указанию князя, в столице Черногории Цетинье, в монастыре, где обосновался его отряд, было созвано собрание черногорцев, на котором Долгоруков зачитал известное обращение Екатерины II к единоверцам-славянам и грекам и привел присутствующих к присяге на верность императрице.

²⁶⁷ Санктпетербургские ведомости. 1770. № 10. 2 февраля.

Приведение к присяге, признание покровительства или протекции императрицы России, даже переход в российское подданство были широко распространенными формами взаимоотношений российского командования и населения Средиземноморья (и не только православного: с просьбой о принятии в российское подданство населения Горного Ливана обратился к Екатерине II вассал султана правящий ливанский эмир Юсуф аш-Шихаб). Эти акты имели, как отмечалось, репрезентативно-протекционистский, а не политико-правовой смысл.

Между тем акт приведения черногорцев к присяге на верность императрице не возымел тех политико-юридических последствий, на какие, по-видимому, рассчитывал Ю.В. Долгоруков. И это несмотря на большой пиетет, с которым население Черногории относилось к России и ее верховной власти²⁶⁸.

Когда в Цетинье появился лидер черногорцев Степан Малый, взявший имя супруга Екатерины II императора Петра Федоровича (но, как выяснилось, не для того, чтобы нанести ущерб приверженности черногорцев императрице, а напротив – дабы укрепить свой авторитет среди населения), перед Долгоруковым открылось поле деятельности, едва ли не самое главное, ради которого был совершен рейд в Черногорию. Ему предстояло разоблачить самозванство Степана Малого и, если позволят обстоятельства, вывезти его из страны. Надо полагать, в этой ситуации действовал принцип, к которому не раз прибегала императрица, – «произвести дела Наши равнодушным мужеством, не тревожа себя тем, что в Наших предприятиях вам невозможным встречаться будет». Юрий Владимирович выступил с публичным разоблачением Степана Малого, внеся некоторую растерянность в умы черногорцев, и приказал его арестовать. На допросе Степан отвечал, что сам никогда не присваивал себе имени Петра III, хотя, как известно, и не отрицал эту легенду.

Дорога из Котора в Черногорию

По-видимому, Долгоруков готовился вывезти самозванца из Черногории (во всяком случае, венецианский сенат охотно дал разрешение провезти его через венецианские владения²⁶⁹), но неожиданно столкнулся с приливом чувства верности самозванцу всего черногорского насе-

²⁶⁸ Лециловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006; История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.

²⁶⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XIV С. 299.

ления. Не случайно годом ранее советник российского посольства в Вене Мерк, посланный для ознакомления с положением в горах и разоблачения самозванца, ответил в Коллегию иностранных дел, что ехать в Черную Гору, не подвергая себя опасности смерти, едва ли возможно, ибо черногорцы «необыкновенно привязаны к Малому» (этим ответом Мерк навлек на себя немилость императрицы и отзыв в Россию²⁷⁰).

Теперь угроза жизни для российских эмиссаров помимо венецианского и османского правительств, обеспокоенных деятельностью Ю.В. Долгорукова в Черногории, исходила и от приверженцев Степана Малого. Поэтому отряду Долгорукова пришлось избрать иной образ действий, соответствующий второму варианту распоряжений императрицы: использовать влияние Степана Малого среди черногорцев как инструмент русской политики. Долгоруков убедил самозванца отказаться от употребления имени Петра Федоровича, хотя и действовать в качестве представителя российской власти. Как писал А.Г. Орлов, Долгоруков приказал команду над населением после его отъезда взять «Стиопке Малому», которому было дозволено надеть российский мундир с запрещением подавать себе ложное имя, в чем тот клятвенно обещался²⁷¹. Сам Долгоруков вместе со своим окружением ночью, тайно, в сопровождении Степана Малого спустился с гор на побережье и отплыл в Италию²⁷².

Как первое военное мероприятие Орлова в Средиземноморье экспедиция Долгорукова наделала в европейской прессе много шума. Оценки этой акции были и остаются до сих пор различными. Императрица отмечала в январе 1770 г., что «происшествие черногорское... недостойно большого уважения», поскольку «главные действия должны произойти от христиан собственных подданных нашего вероломного неприятеля»²⁷³. Академик Е.В. Тарле утверждал, что «черногорское дело (имея в виду полномасштабные действия. – Авт.) Орлова провалилось»²⁷⁴. Рюльер полагал, что операция была лишь акцией прикрытия, и эту точку зрения развил В.А. Плугин, считавший, что экспедиция в Черногорию «вписывалась в общий план восстания, но Алехан решился на ее дезавуирование, чтобы отвлечь внимание турок от будущих баз русского флота»²⁷⁵.

Речь идет о том, что сведения об экспедиции Долгорукова немедленно проникли в европейскую прессу, что, по мнению Плугина, могло быть небольшой диверсией А. Орлова в информационное поле Европы. От Орлова, возможно, также исходило и сознательное преувеличение численности отряда Долгорукова и значения всей этой операции. В пользу точки зрения Рюльера, откорректированной В.А.Плугиным, говорит и то обстоятельство, что летом 1769 г. в Петербурге искусно распространялась аналогичного рода дезинформация. А потому – в Европе всерьез обсуждали, что черногорцы с доверием ожидают помощи от России в их действиях против Порты (G.d'A. 1769. № 101), что русское оружие в значительных количествах уже поставляется в Черногорию (G.d'A. 1770. № 13, 36), что «*Стефано* после своей первой акции только и занимается тем, что укрепляет крепости и войска в ожидании прибытия нескольких русских судов в Авалон, что он устроил лазарет и много магазинов в Майне, что он работает над постройкой трех греческих судов, одного 24-пушечного, двух 12-пушечных... которые скоро будут готовы в Албании» (G.d'A. 1770. № 36). Беспокойство Западной Европы союзом русских с черногорцами, вероятно, даже стало основанием для появившегося слуха, опубликованного французским официозом «Gazette de France» о том, что русский флот

²⁷⁰ Там же. С. 298.

²⁷¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 422.

²⁷² Полковник Герфсдорф, судя по письму от 14 августа 1769 г. В.С. Тамара к А.Г. Орлову, выходил из Черногории через Котор один. Он вступил в конфликт с губернатором Котора, не давшим полковнику разрешения свободно проследовать в Венецию, Триест или Анкону (К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. 1876. Кн. 2. С. 294).

²⁷³ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 35.

²⁷⁴ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774). С. 34.

²⁷⁵ Плугин В.А. Алехан, или человек со шрамом. С. 199.

направляется в Архипелаг, чтобы *оказать помощь* (porter secours) именно черногорцам (G.F. 1769. № 76. 22/IX). Эта информация, возможно, попала в прессу после того, как французский представитель при русском дворе Россиньоль донес 27 июня 1769 г. своему правительству о том, что со дня на день из Кронштадта должна и готова отплыть «русская эскадра, предназначенная для оказания помощи монтегегрцам»²⁷⁶. Между тем эскадра уже имела предписание следовать не к Черногории, а к берегам Морей.

Думается, что операция Долгорукова вписывалась в общий план организации Орловым восстания на Балканах и в Архипелаге и только попутно играла роль прикрытия истинных военных планов командования. Это была рекогносцировка с указанными выше целями. По мнению императрицы, ее результаты не заслужили особого уважения потому, что вскрыли отсутствие каких-либо приготовлений к восстанию. Однако помимо прочего экспедиции удалось дезавуировать самозванство Степана Малого, имевшего влияние среди черногорцев, чья активность по соседству с главным очагом готовившегося восстания была весьма нежелательна для русского двора.

Таким образом, в двух важных аспектах экспедиция Ю.В. Долгорукова все-таки выполнила свое предназначение. Вместе с тем, ее результаты несколько охладили пыл Орлова, и по мере приближения эскадры к греческим берегам в его посланиях все чаще проскальзывали ноты сомнения в успехе восстания, а Екатерина II вообще уже не исключала неудачи предстоящей операции из-за неподготовленности к ней греков. Не со слов ли Алексея Григорьевича императрица писала за месяц до начала событий: «...да пускай бы и тут веками порабощения и коварства развращенные греки изменили своему собственному благополучию...»?²⁷⁷

В заключение следует отметить, что в аспекте главной цели южной политики Екатерины II и ее окружения – открытия «южного окна» в Европу – важнейшее стратегическое значение приобретало утверждение своего присутствия в Средиземноморье. Вне зависимости от успехов и отдельных неудач средиземноморских операций эта задача придавала всем действиям Архипелагской экспедиции еще и особый смысл, заключавшийся в освоении разными путями – дипломатическими, политическими, культурными – средиземноморского пространства. Само продвижение флота вокруг Европы представляло собой освоение морского пути, создание новых для России коммуникаций.

²⁷⁶ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. С. 60.

²⁷⁷ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя гр. А.Г. Орлова-Чесменского. С. 35.

Глава 3

Поход русских эскадр: освоение европейских морей

*Пойдем воздвигнем гром и морем потрясем,
Прославим россиян и Греков всех спасем
Прошедши все моря и страшныя пучины
Явим достойными себя Екатерины...*
П. Потемкин. «Россы в Архипелаге»

И.М. Смилянская, Е.Б. Смилянская

Флот: эскадры, посланные Екатериной II в Средиземное море

Екатерина II, еще до начала русско-турецкой войны проявлявшая заботы о флоте, его надежности, базах, экипировке и комплектации умелыми морскими офицерами, когда война началась, имела основания писать в Лондон И.Г. Чернышеву: «У меня в отменном попечении ныне флот, и я истинно его так употреблю, если Бог велит, как он еще не был»²⁷⁸.

В середине декабря 1768 г. в адмиралтейств-коллегию последовал секретный высочайший указ: немедленно подать рапорт о том, сколько судов к будущей весне коллегия «надежно в море нарядить может, какой бы им вояж ни был предписан», поспеют ли к будущей кампании корабли, заложенные здесь и в Архангельске (не специально ли для средиземноморской экспедиции закладывались?), – а далее следовал строгий окрик: если не поспеют, «то зачем именно» (?)²⁷⁹. Екатерина сумела настолько углубиться во все детали организации экспедиции в Средиземное море, что, кроме подбора командного состава, технической подготовки судов к плаванию, вооружения, она, судя по ее переписке, была озабочена обеспечением эскадр картами и лоцманами, моральным состоянием офицеров и матросов, выбором пунктов соединения эскадр, не говоря об определении общих тактических задач, поставленных перед каждой эскадрой, о дипломатической поддержке плавания в чужих водах и т.п. Пеня адмиралу Г.А. Спиридову за задержки в пути, Екатерина с полным основанием писала 1 ноября 1769 г.: «... я ни иждивения, ни труда, ни всего того, что я придумать могла, не жалела для снабдения вас всем, что только споспешествовать могло к желаемому успеху»²⁸⁰.

Подготовка к отправлению эскадры в Средиземное море велась в большом секрете; Е.В. Тарле полагал, что даже в тайне от Н.И. Панина. Последнее сомнительно, хотя бы потому, что вся операция должна была сопровождаться дипломатическими шагами, по крайней мере, в сношениях с Англией. В этом отдавал себе отчет и Г.Г. Орлов, когда, предложив в первый раз «вояж» флота в Средиземное море, заметил, что на это мероприятие необходимо было получить предварительное согласие английского двора, что невозможно было сделать без главы Коллегии иностранных дел Н.И. Панина. В курсе дел по организации экспедиции Екатерина держала Совет при Высочайшем Дворе (16 февраля 1769 г. Совет обсуждал «Проект путешествия эскадры в Средиземное море»). Что же касается сохранения тайны, то следует заметить – утечка информации, возможно даже целенаправленная, имела место: английский и французский посланники сообщали в своих донесениях о существовании российских планов посылки флота в Средиземное море. Правда, достоверно можно сказать, что сообщения о подготовке

²⁷⁸ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1994. Кн. XIV. С. 273.

²⁷⁹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XL С. 331.

²⁸⁰ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // СбРЮ. СПб., 1872. Т. X. С. 390-391.

в Кронштадте эскадры и ее возможной отправке в Средиземноморье появились в британской дипломатической корреспонденции из Санкт-Петербурга лишь 24 мая 1769 г.²⁸¹

В Петербурге было решено отправлять флот отдельными эскадрами, прежде всего, из опасения нарушить обороноспособность балтийского флота в контексте русско-шведских отношений. Кроме того, принималась во внимание лучшая маневренность небольших эскадр (как было сказано в высочайшем рескрипте А.Г. Орлову от 29 января 1769 г., кораблям «в малом числе поспешнее большей эскадры плыть»), к тому же такие флотские отряды не вызвали бы чрезмерную обеспокоенность европейских держав («удобнее от примечания злодействующих Нам дворов скрыться могут»).

Время до открытия навигации решено было употребить на получение сведений о «береговых обрядах Средиземного моря», для выбора пристаней и доставления в Петербург «искусных кормчих, которые бы итальянские и греческие берега, воды и гавани совершенно знали»²⁸². С этой целью Екатерина намеревалась послать в Италию маркиза де Кавалькабо, которого прочли в поверенные в делах при Мальтийском ордене. Однако отъезд Кавалькабо был отложен, и он прибыл в Средиземноморье с эскадрой Спиридова. Роли лоцманов на первых порах должны были исполнять уроженец о. Миконос грек Антон Псаро (Псарос) и члены экипажа его судна, предложившие российской императрице свои услуги и прибывшие в Азовское море к началу войны.

Антон Константинович Псаро (1735-1811), как и Иван Войнович, сыграл заметную роль в Архипелагской экспедиции. Еще в 1764 г. он вошел в контакт с братьями Орловыми, был принят на русскую службу 1 мая 1769 г. и впоследствии проявил себя во время сухопутных операций в Морее, в осаде Лемноса, участвовал в создании Архипелагского княжества, став его «депутатом», в морской блокаде Бейрута. Псаро был награжден орденом св. Георгия 4-й степени и после войны назначен поверенным в делах на Мальту (1783/84-1796). Прослужив на многих должностях в России, он вышел в отставку и уехал в Таганрог, где ему были дарованы земли. Там он и скончался в 1811 г.²⁸³

Намерение Екатерины II направить поначалу в Средиземноморье «довольно несколько, но всем изобильно снабженных кораблей», т.е. небольшую эскадру, В.А.Плугин расценил как проявление императрицей (якобы возлагавшей в тот момент все надежды на греческое и славянское восстание) сомнений в целесообразности посылки в Средиземное море флота²⁸⁴.

Однако это не так. В рескрипте от 29 января речь шла о приискании пристаней и гаваней для кораблей эскадры, и все указывало на то, что Екатерина планомерно, без всяких колебаний готовилась к реализации большого замысла:

6 октября 1768 г. она сообщала И.Г. Чернышеву о том, что молится «за корсиканца»;

17 ноября императрица благодарила его за присылку карты Корсики, между тем как маркиз Маруцци был занят установлением связей с генералом Паоли;

19-м января 1769 г. датирован проект инструкции командующему эскадрой;

6-м марта – указ о приготвлении до 1 апреля флота к отплытию и снабжении его провизией на пять месяцев пребывания в море и т.п.

Каждая эскадра Архипелагской экспедиции (всего их было пять) имела свое предназначение²⁸⁵.

²⁸¹ См.: *Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769-70 // Slavonic and East European Review. Vol. 31. [New York], 1952/53. С. 152-153.*

²⁸² Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. кн. Н.А. Орловым // СбРЮО. СПб., 1867. Т. I. С. 11.

²⁸³ См., например: *Blondy A. L'Ordre de Malte au XVIII e siècle. Des derniers splendeurs a la ruine. Paris, 2002. P. 256-257.*

²⁸⁴ *Плугин В. Алехан, или человек со шрамом. С. 183.*

²⁸⁵ О состоянии и составе эскадр, судьбе отдельных судов, входивших в них, существует обширная литература. См. историографический очерк: *Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследо-*

Первая эскадра должна была вступить во взаимодействие с восставшими греками и славянами²⁸⁶. И с самого начала русско-турецкой войны вокруг А.Г. Орлова с немалым энтузиазмом стали объединяться выходцы не только с территорий, подчиненных Османской империи, но и из Венецианской республики, Австрии, государств Италии. Все это не могло не вызывать беспокойства правящих кругов этих государств.

При всей эйфории А. Орлова относительно масштабов греческого восстания он был озабочен присылкой к нему сухопутных войск, снабженных артиллерией, и, оставаясь русским баринем, даже просил брата Григория направить к нему солдатами его крестьян («...если бы ты увидел затруднения в прибавке людей, так, пожалуй, объясни, хотя бы из моих деревень набрали, сколько годных найдется»), в то время как сам Григорий Григорьевич передал в эскадру принадлежавшие ему пушки²⁸⁷. Однако дело обошлось без орловских крестьян: в состав первой эскадры был включен десант из восьми рот Кексгольмского полка и двух рот артиллеристов.

Назначая командующим эскадрой весьма немолодого, специально возведенного в ранг адмирала Г.А. Спиридова (1713-1790), начавшего морскую службу еще при Петре I, Екатерина полагалась на его опыт флотоводца и командира крупнейших морских баз – Ревеля и Кронштадта (сам Спиридов писал о себе в 1773 г., когда ему шел 63-й год: «продолжал мою службу на Каспийском, Балтийском, Азовском, Северном, Атлантическом и Средиземном морях., быв... флагманом, командуя эскадрами и флотом... в мирные и военные времена»)²⁸⁸. Опытность и предусмотрительность Спиридова хорошо уравнивались отвагой и горячностью братьев Орловых (Федору было тогда 29, а Алексею – 32 года). Да и подбор офицерского корпуса был удачен: молодые капитаны, только что прошедшие практику на английском флоте, и российские кадровые моряки неплохо сочетались с английскими мореходцами, перешедшими на русскую службу (С. Грейг, В. Роксбург, Р. Дугдал). Впрочем, все эти преимущества обнаружились далеко не сразу²⁸⁹.

По количеству судов первая эскадра была наиболее крупной: из 20 линейных кораблей, включенных в пять эскадр, семь плыли в первой эскадре, в нее входило также три фрегата, четыре пинка, транспортные суда и т.п. Все они, кроме бомбардирского судна «Гром», были построены в 1760-е гг., т.е. были относительно новы. Отплытие эскадры, по-видимому, планировалось с открытием навигации, что позволило бы ей пройти свой путь за летние месяцы. Однако эскадра отбыла в плавание от Красной Горки только 27 июля 1769 г.

В свое время «Надежда Благополучия» преодолела расстояние из Петербурга до Ливорно в два месяца, опыт плавания русских кораблей из Архангельска на Балтику, казалось бы, свидетельствовал о том, что путь в Средиземное море мог быть проделан за 6 недель, между тем как первая эскадра едва достигла портов Англии за три месяца, а в Порт-Магон первые ее корабли прибыли только через четыре с половиной месяца, в ноябре. Екатерина торопила Спиридова, ее пугало, что вся экспедиция вместо торжества может оборотиться «в стыд и бесславие ваше (Спиридова. – *Авт.*) и мое»²⁹⁰.

Путь первой эскадры в Средиземноморье сопровождался серьезными трудностями, потерями, болезнями личного состава, так что ее состояние по прибытии в регион (к зиме

вания. СПб., 2007. С. 10. Наиболее подробно на английском языке морская история Архипелагской экспедиции изложена в кн.: Anderson R.C. Naval Wars in the Levant. 1559-1853. Liverpool, 1952. P. 277-307.

²⁸⁶ Материалы для истории русского флота. 4. XL С. 366.

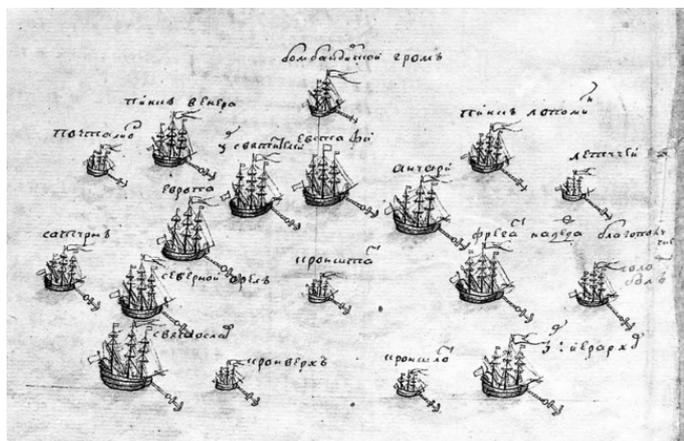
²⁸⁷ Там же. С. 364.

²⁸⁸ Там же. СПб., 1888. Ч. XII. С. 133-134.

²⁸⁹ Языковые проблемы, несомненно, усложняли работу. Недаром английским офицерам, вступавшим на русскую службу, давалось указание срочно учить русский язык, ибо они не знали, например, «названием веревки и прочаго», их также велено было экзаменовывать «для точного сведения о искусстве и знании» (см.: Материалы для истории русского флота. 4. XI. С. 741).

²⁹⁰ Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. С.391.

1769-1770 гг.) ужаснуло А. Орлова. Когда он осмотрел в феврале 1770 г. в Ливорно те суда, которые были откомандированы к нему в Италию, «у него волосы поднялись дыбом, а сердце облилось кровью: ни провианта, ни денег, ни врачей, ни сведущих офицеров»²⁹¹. На его отчет императрица, не поддаваясь панике, хладнокровно отвечала: «Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как сей поход. Все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен»²⁹².

Эскадра Г.А. Спиридова перед выходом в Средиземноморский поход 26 июля 1769 г.

Известие о прибытии первой эскадры в Порт-Магон в своей переписке с Екатериной обсуждал даже Вольтер, поздравивший государыню с этим событием. Ему в начале января 1770 г. императрица отвечала без тени беспокойства: «Государь мой! Чувствительно благодарю Вас за то, что Вы разделяете со мною удовольствие о прибытии наших кораблей в Порт-Магон. Вот теперь-то они ближе к неприятелю, чем к своему отечеству, но думать надобно, что им весело было переплыть сие расстояние, не смотря на бури и на глубокую осень, потому что матросы сочинили песни»²⁹³.

Одновременно с первой эскадрой шло формирование второй, которая покинула Кронштадт 9 октября 1769 г. Здесь возникли затруднения с назначением командующего: им стал приглашенный только в мае 1769 г. через И.Г. Чернышева английский флотоводец Джон Эльфинстон²⁹⁴. По-видимому, Екатерина все еще предпочитала западноевропейских моряков русским. Выбор, в конечном счете, оказался малоудачным: у Эльфинстона не сложились взаимоотношения не только с офицерами своей эскадры²⁹⁵, но и, как еще в ноябре опасалась Екатерина, возникли «несогласия» с командованием, едва не ставшие для экспедиции роковыми.

²⁹¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. М., 1989. Т. 5. С. 44.

²⁹² Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 358.

²⁹³ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Перевел с французского Иван Фабиан. М., 1805. Ч. 1. С. 66.

²⁹⁴ О Дж. Эльфинстоне существует значительная литература. Блестящую характеристику ему дает Э. Кросс (*Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С. 208-210*). Архив Эльфинстона, включая его неопубликованные записки о русско-турецкой войне, находится в США (Princeton University Library. Dep. of Rare Books and Special Collections. Manuscript Division. C0951).

²⁹⁵ Один из таких конфликтов описывает в своем Журнале С.П. Хметевский (см. Приложение 8, С. 580), в защиту же Эльфинстона вступает в своих мемуарах англичанин Весли (*Весли В. Воспоминания участника Архипелагской экспедиции // Морской сборник. 1914. Т. 382. № 5. С. 1-53*), причем мнение мемуариста (Э. Кросс полагает, что его звали не Весли, а Т. Ньюберри) до настоящего времени довлеет в западной историографии при выяснении роли Эльфинстона в русско-турецкой войне (см. об этом, например: *Кросс Э. Британцы в Петербурге. С. 207*; или www.invaluable.com/auction-lot/admiral-john-elphinston-s-personal-logbook-from-s-l-c-c3f85r7klj).

Джон Эльфинстон

Второй эскадре, состоявшей из трех линейных кораблей, двух фрегатов, пинка и еще одного небольшого судна, предписывались свои, до известной степени независимые задачи: эскадра должна была пресечь подвоз «хлебного пропитания» в Константинополь из Египта и других провинций, а также блокировать турецкую морскую торговлю. Эскадра Эльфинстона, зазимовавшая в Англии, двигалась не быстрее, чем первая эскадра Спиридова, и прибыла в Средиземное море лишь к весне 1770 г.

Несмотря на то, что в рескрипте, данном контр-адмиралу Эльфинстону 25 сентября 1769 г., предписывалось «содержать с графом Орловым частное и точное сношение» (так как, напомним, главными во всех действиях определялись сухопутные операции Орлова, для них вторая эскадра была обязана доставить пехотные подразделения и артиллерию), английский флотоводец проявил излишнюю самостоятельность²⁹⁶. Екатерина полагала, что ее решение дать

²⁹⁶ Эта самостоятельность и вынудила А.Г. Орлова выставить на своем корабле кайзер-флаг, означавший, что все суда

разные предписания эскадрам будет иметь свои «удобности», которыми А.Г. Орлов воспользуется «вдруг или попеременно», но в силу изменившихся обстоятельств такое решение оказалось ошибочным²⁹⁷: неудачи сухопутных операций в Морее потребовали от Орлова объединения под своим командованием обеих эскадр и корректировки стратегических целей всей экспедиции.

Посылку третьей эскадры Екатерина начала планировать еще до операций в Морее (о ее подготовке она писала А. Орлову 8 января 1770 г.)²⁹⁸. Эта эскадра, включавшая три линейных корабля и транспортные суда, должна была доставить А. Орлову сухопутные войска. На этот раз в дело были введены две полные роты Преображенского и Шлиссельбургского полков. В рескрипте командующему эскадрой 5 июня 1770 г. говорилось, что его главная задача «для учинення ... диверсии в чувствительнейшем месте воспользоваться склонностью греческих и славянских народов, отчасти ей [Османской империи] подвластных, а отчасти еще за вольность свою донныне мужественно поборающих»²⁹⁹.

Эскадра отплыла из Ревеля 30 июня 1770 г., т.е. уже после оставления Морей и после Чесменской победы, но в Петербурге тогда еще об этом не знали. В рескрипте командующему этой эскадрой неоднократно указывалось, что эскадра должна спешить так, как только возможно, и что к ее прибытию все подготовлено и в Копенгагене, и в Лондоне.

Командующим третьей эскадрой был назначен также приглашенный в апреле 1770 г. из-за границы, на этот раз из Дании, контр-адмирал И.Н. Арф, вместе с которым эскадру пополнили датские моряки³⁰⁰. И.Г. Чернышев одобрил моральное состояние ее экипажа, на что Екатерина весело и цинично отозвалась, не преминув показать свое знание русских пословиц: «Что весь экипаж охотно идет в море, тому я радуюсь и о том не сомневаюсь. Перва лишь песенка озардевши петь, а там сама пойдет»³⁰¹.

При отправке эскадры Арфа были исправлены и ошибки, допущенные при отправке эскадры Эльфинстона: Арфа сразу жестко и четко подчинили всем указаниям А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова, а на его корабли были назначены по одному флотскому офицеру – «наблюдать за капитаном судна»³⁰². В дальнейшем, правда, конфликтов Арфа с русскими моряками избежать также не удалось: командующий писал в Петербург о том, что русские моряки «большие невежды, кое-что знающие из теории и ничего из практики, так как у нас есть только люди, долженствующие заменять плотников и почти ничего не умеющие делать... также, как и парусных мастеров, потому что находящиеся на кораблях не в состоянии ни скроить, ни сшить паруса, будучи обучены лишь портняжному мастерству»³⁰³. В итоге, как и Эльфинстон, Арф недолго участвовал в Архипелагской экспедиции: в июле 1771 г. он вместе с пожелавшими того датскими офицерами и матросами был отпущен из флота, а в марте 1772 г. и вовсе уволен с русской службы.

Третья эскадра по прибытии в Средиземное море влилась в общий состав Архипелагской флотилии, имевшей к этому времени единое командование. Между тем сил все еще было недостаточно, и А. Орлов обратился к императрице с просьбой направить в Архипелаг допол-

обязаны подчиняться его приказам, как если бы они исходили от самой императрицы.

²⁹⁷ Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского. С. 28.

²⁹⁸ Там же. С. 31.

²⁹⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 759.

³⁰⁰ В рескрипте Арфу Екатерина отмечала, что датский король «содержит в готовности 400 матросов для службы нашей», но при этом императрица запрещала «менять российских матросов на датских, разве по единой причине болезни» (Там же). Г.А. Гребенщикова указывает, что на рейде Копенгагена Арф все-таки нанял на русскую службу 99 датских матросов (*Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 301*).

³⁰¹ Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву// Русский архив. 1871. № 9. Стлб. 1337-1338.

³⁰² Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 760.

³⁰³ Там же. С. 765.

нительные суда, так как линейные корабли объединенной эскадры к тому времени изрядно обветшали, ибо были вынуждены нести боевую службу в бурные зимние месяцы (которые, кстати говоря, жители Средиземноморья считали непригодными для судоходства). При этом Орлов просил, чтобы в случае присылки новой эскадры она состояла из российских матросов и офицеров и командовать ею было бы поручено не иностранцам, но российским командирам, «ибо от своих одноземцев не токмо с лучшую надеждою всего того ожидать можно, чего от них долг усердия и любви к отечеству требует, но еще и в понесении трудов, беспокойств и военных трудностей довольно уже усмотрено между российскими людьми и иностранцами великое различие, а при том и неразумение иностранного языка делает невинное несогласие и затруднение»³⁰⁴.

Императрица приняла к сведению эту просьбу, и четвертую эскадру, состоявшую из трех линейных кораблей, два года как сошедших со стапелей, привел в Ливорно контр-адмирал В.Я. Чичагов (1726-1809), опытный флотоводец, прошедший еще в середине века английскую школу. Однако в военных действиях в Средиземноморье Чичагов участия не принимал – его немедленно затребовали назад на Балтийский флот³⁰⁵.

От Чичагова, как и от Арфа, требовалась скорость в продвижении, и, памятуя о долгом переходе первых трех эскадр и, возможно, имея в виду охлаждение отношений с Англией, Екатерина рекомендовала Чичагову не останавливаться в Британии. В рескрипте Чичагову императрица указывала: «нет, кажется, Вам нужды заходить или останавливаться в каком ни будь порте до самого Гибралтара или, лучше сказать до Магона, когда всем надобным, а особливо водою в Копенгагене или Гельсингборге запасетесь, чем не токмо успешнее гораздо будет плавание ваше, но и меньше издержки»³⁰⁶.

Эскадра выступила из Ревеля 8 мая 1772 г. и прибыла в Ливорно 25 августа, где ее передали под команду капитана М.Т. Коняева (1727-1789), пришедшего в Средиземное море на линейном корабле «Граф Орлов» этой же эскадры. Два линейных корабля четвертой эскадры в составе небольшого отряда вступили 27-29 октября 1772 г. в крупные сражения под Патрасом (при входе в Лепантский залив) и одержали блестящую победу над вассальным туркам «дульцинотским» (от порта Ульчи) флотом. Адмиралтейств-коллегия сочла подвиг капитана Коняева, командовавшего операциями при Патрасе, «соответствующим пресловутой при Чесме победе»³⁰⁷.

В июле 1773 г. вновь на запрос императрицы А. Орлов просил прислать пополнение, так как суда продолжали заметно ветшать, а поскольку дело приближалось к миру, то следовало направить и транспортные суда для перевозки людей на родину³⁰⁸.

Алексей Григорьевич выразил желание, чтобы во главе новой эскадры стоял С.К. Грейг. С ним Орлов успешно прошел всю экспедицию и сохранял теплые отношения³⁰⁹.

Пятая эскадра в составе четырех линейных кораблей новейшей постройки отбыла из Кронштадта 21 сентября 1773 г., а из Ревеля – 28 октября под командой вице-адмирала Грейга. Несмотря на зимнее время и стоянку в Портсмуте, она достигла Ливорно 11 февраля 1774 г., но военные действия в Архипелаге к тому времени практически прекратились. Зато суда, приведенные Грейгом, оказались в высшей степени важны для возвращения флота и завершения прочих дел в Средиземноморье (в частности, именно Грейг вывозил из Италии и княжну Тараканову).

³⁰⁴ Там же. С. 671.

³⁰⁵ Там же. СПб., 1888. Ч. XII. С. 8.

³⁰⁶ Там же. Об отношении с иностранными державами императрица повторила инструкцию Спиридову.

³⁰⁷ Там же. С. 168.

³⁰⁸ Там же. С. 144-145.

³⁰⁹ Там же. С. 144.

С.К. Грейг

Со своим средиземноморским флотом Екатерина поддерживала постоянную курьерскую связь через Италию.

Курьеры, курсировавшие между Ливорно и Санкт-Петербургом, как правило, были людьми высокого ранга: в отчете маркиза Маруцци о выплатах курьерам значились имена будущего директора Академии наук С.Г. Домашнева, Ивана (Яна) Хрестенека³¹⁰, В.С. Тамара³¹¹ и др.

³¹⁰ АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 45. Л. 93-94. Например, в Журнале инженер-офицеров флота под 13 декабря 1770 г. появилась запись о прибытии курьера Хрестенека (названного Крестининым), который по отправлении из Санкт-Петербурга «следовал сухим путем до Ливорны 25 дней», а побыв только час у А.Г. Орлова, сразу отправился на юг Италии, где через 9 дней смог сообщить о наградах за Чесму морякам, застрявшим на карантине на Сицилии (Журналы инженер-поручика Келхена: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 45). В дальнейшем в чине майора и генеральс-адъютанта А.Г.

Связь осуществлялась и морем, в частности через английского «корабельщика Бруна»³¹².

Неоднократное прохождение русских эскадр вокруг Европы имело своеобразный психологический эффект: правящие дворы постепенно осознали, что прежний миропорядок, пресловутый «баланс сил» в Южной Европе Россией нарушен, и похоже, что и в будущем Россия станет присутствовать в Средиземном море. Однако плавание в Восточное Средиземноморье имело для русских не только военно-политическое значение, оно дало участникам Архипелагской экспедиции, подавляющее большинство которых никогда не оказывались далее Балтийского побережья Российской империи, уникальную возможность увидеть западную и юго-западную части Европы и прикоснуться к ее цивилизации.

Освоение Европы, или путями матроса Василия Кориотского

В начале XVIII в. упоминание о тех местах, которые посетили корабли российских эскадр в 1769-1775 гг., появилось в известной «петровской повести» «Гиштория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» (повесть датируется между 1703 и 1726 гг.). «Гиштория» описывала, как матрос Василий жила в Голландии и приходил «в Англию с кораблями», «во Францию был два года», рассказывал разбойникам о «семи кораблях с Португалии», как «с королевой Ираклией поехали морем до Цесарии» и о том, как он добрался до Флоренского государства; побывал Василий и на неких островах в неведомом море. Между тем, география его авантюрного странствия оставалась как для автора «Гиштории», так и для читателей вполне соответствовавшей духу беллетристического повествования XVIII в. – т.е. не претендующей на реалистичность, а лишь завораживающей читателя упоминанием о мнимо «освоенных» российским матросом землях.

Через полстолетия эти же самые земли предстали российским матросам и офицерам Архипелагской экспедиции вполне зримо. На их долгом пути в Архипелаг они получали безопасные пристани в Дании, у берегов Британии, Португалии, в Порт-Магоне на Менорке, а также с определенными ограничениями на Мальте, на Сицилии, в Генуе и Ливорно, откуда некоторым удавалось побывать в Пизе, Флоренции, доехать до Рима.

Балтийское море эскадры оставляли, непременно останавливаясь в Копенгагене у берегов союзного Датского королевства. Копенгаген все время войны встречал офицеров флота с доброжелательством и любезностями. Не случайно же Екатерина II в инструкции Г.А. Спиридову в июне 1769 г. писала: «На Данию можно быть вполне надежным и в случае нужды смело входить в ея гавани, ибо с нею мы находимся в теснейшей дружбе и ею эскадре нашей конечно будет с охотою оказана всякая помощь. Также и голландские гавани будут ей отверсты, так как мы с Голландией находимся в добром согласии и дружбе»³¹³. То же императрица повторила в рескрипте отправлявшемуся в Архипелаг Арфу³¹⁴. Инженер-офицеры флота, находившиеся на корабле «Ростислав» первой эскадры, не преминули отметить, что, когда 4 сентября эта

Орлова И. Хрестенек участвовал в поимке княжны Таракановой. Возможно, его родственником был *Карл Людвиг Хрестенек* ("1732 или 1733-1792 или 1794), прославившийся как живописец-портретист, автор портретов руководителей и участников Архипелагской экспедиции.

³¹¹ Василий Степанович Тамара (1740-1813/1819), именно в Архипелагскую экспедицию начал свою в будущем блестящую карьеру дипломата, с 1799 по 1809 г. был российским послом в Константинополе. О нем см. также гл. 1.

³¹² О нем неоднократно упоминают Журналы инженер-поручика Келхена: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 22, 39об. С Робертом Броуном на судне «Тартар» в 1772 г. Орлов отправил с миссией к Али-бею Сергея Плещеева. (*Плещеев С.* Дневные записки путешествия из Архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящимся с краткою историею Али-беевых завоеваний, российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета. СПб., 1773).

³¹³ Цит. по: *Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. Приложение 27. С. ХСП.

³¹⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 760.

эскадра прибыла в Копенгаген, через посла М.М. Философова офицеры были приглашены в королевский дворец Фридрихберг, приняты молодым королем Христианом VII, там же и «стол был устроен»³¹⁵. В журнале инженер-офицера Г. Келхена появился рисунок Копенгагена и стоящего на рейде датской столицы российского флота (см. С. 96).

Между тем за 12 дней стоянки первой эскадры в Копенгагене «некоторые служители померли», а кое-кто сбежал в город и не вернулся, и состояние эскадры вызвало серьезное беспокойство российского посла Философова. Он писал в Петербург о пьянстве подчиненных Г.А. Спиридова, о медлительности командующего эскадрой, удостоив похвалой лишь С.К. Грейга, плывущего с эскадрой на Мальту маркиза де Кавалькабо и И.А. Ганнибала³¹⁶. В июле 1771 г., когда в Копенгаген прибыли корабли эскадры Арфа, моряков также отпускали на берег, и на этот раз жители датской столицы, судя по реляции Арфа, выражали «всеобщий восторг» от «прекрасного вида и обхождения» русских моряков³¹⁷.

М.М. Философов

Доброжелательность Дании, впрочем, стоила России немалых средств. То, что во время русско-турецкой войны отношения с Данией оставались вполне дружественными, во многом было заслугой посла М.М. Философова и голштинца по происхождению, тайного советника К. Сальдерна, которые успешно нейтрализовали усилия Франции, Испании и Швеции, направ-

³¹⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 1860. Л. 5-5об.

³¹⁶ См.: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 218-219.

³¹⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 764.

ленные против союза Дании с Россией³¹⁸. Как известно, в апреле 1767 г. Екатерина II от имени своего сына Павла уступила датскому королю принадлежавшую Павлу часть герцогства Голштинского, за что, в частности, для русских судов и были предоставлены особые льготы в датских гаванях.

Как и Англия, Дания отпускала своих морских офицеров на русскую службу, и в то время, когда датчанин Арф вел свои суда в Средиземноморье, русские моряки на далеком острове Менорка выразили Дании солидарность, присоединившись 14 июля 1771 г. к трауру датских моряков по случаю кончины их королевы³¹⁹.

Не испортили этих отношений ни скорая отставка Арфа, ни отъезд из Архипелага значительного числа датских моряков. Напротив, в августе 1773 г. в Европе считали вполне вероятным поход в Средиземноморье «сильной эскадры, объединяющей русские и датские военные корабли», при этом ссылались на «Конвенцию, *недавно* [в 1767] подписанную между дворами Санкт-Петербурга и Копенгагена, по которой герцогство Голштинское полностью отходит Дании» (курсив наш. – *Лет.*)³²⁰. И хотя такой поход не состоялся, в Копенгагене суда средиземноморской экспедиции получали помощь и после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, датчан же в России продолжали считать ближайшими союзниками.

По выходе эскадр из Балтийского моря их ждало пристанище и в портах Британии. Как уже отмечалось (см. гл. 1), предварительно проделанная искусная работа на русско-английском направлении вполне позволяла Екатерине утверждать в инструкции Г. А. Спиридову о «тесной дружбе» и «согласных интересах» с Англией, несколько омрачаемых возможной «жалюзей» и «препонами», не явными, но «под казистыми предлогами»³²¹. Из рескриптов, данных Эльфинстону и Арфу, сомнения относительно английской «жалюзи» были исключены, и осталось только уверение, что Англия «нам прямо доброжелательна и одна из дружественнейших наших держав, потому что политические наши виды и интересы весьма тесно между собою связаны и одним путем к одинаковой цели идут»³²².

³¹⁸ Некоторые материалы об этом приводит Г.А. Гребенщикова (Балтийский флот. С. 196-200,204-205).

³¹⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 118-199.

³²⁰ G.d'A. 1773. № 71. Сообщение из Лондона от 27 августа.

³²¹ См.: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С. ХСП. Судя же по документу, хранящемуся в архиве Коллегии иностранных дел в фонде «Сношения России с Турцией», договоренность об английской поддержке была достигнута не позднее конца 1768 – самого начала 1769 г. И это естественно: вряд ли Екатерина II рискнула бы предпринять столь опасную и дорогостоящую операцию, не прозондировав предварительно отношение к ней Англии. «Выписка из рескрипта, данного для наставления адмиралу Спиридову при его отправлении», в котором речь шла о состоявшейся договоренности, была составлена уже «19 января 1769 г.» (АВПРИ.Ф. 89/8 Сношение России с Турцией. Ед. хр. 1878. Л. 29. См. также гл. 1). Эта выписка представляет собой предварительный вариант инструкции, врученной адмиралу в июле 1769 г.

³²² Цит. по: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С. ХСП.

Копенгагенский рейд и стоящие на нем суда первой эскадры. Сентябрь 1769 г.

Хотя долгие переговоры о союзном русско-английском договоре к 1768 г. так и не были завершены, а Англия всю войну декларировала свой нейтралитет, помощь Англии – и военная, и дипломатическая – в течение всей русско-турецкой кампании 1768-1774 гг. была «жизненно важной»³²³ и беспрецедентной в истории российско-британских отношений³²⁴. Английское правительство закрывало глаза на вербовку в своей стране офицеров-волонтеров для российского флота³²⁵. На протесты турецкого реис-эфенди английское правительство отвечало, что молодежь всегда любила драться и нет такой силы, которая могла бы ее от этого удержать³²⁶. Как нейтральная держава, Англия отказывалась снабжать русский флот вооружением из своих arsenалов, но не налагала запрета на покупку вооружения через английских купцов, так же как и не запрещала России приобретения британских транспортных кораблей и т.п.³²⁷.

Основной заботой русского посла в Англии И.Г. Чернышева было дипломатическое и материальное обеспечение Архипелагской экспедиции. Он способствовал благожелательному отношению английского двора и правительства к средиземноморскому мероприятию Екатерины II. После того как И.Г. Чернышев официально 31 августа 1769 г. (когда суда подходили к Копенгагену) обратился с просьбой о помощи русскому флоту к британскому государственному секретарю лорду Рошфору, положительный ответ был сразу получен, что подтверждает мысль о его давнем согласовании. Более того, как отмечает знаток британской дипломатии

³²³ Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 204. По мнению М. Андерсона, вообще «зримый успех» Чесмы «был возможен только благодаря помощи британских офицеров и британского правительства». (*Anderson M.S. Britain's discovery of Russia, 1553-1815. [New York], 1958. P. 129.*)

³²⁴ См.: Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война [1768-1774] // Труды Моек. гос. историко-архивного ин-та. Т. 23. М., 1967. С. 159-190; Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774). / Соч. в 12 т. Т. 10. М., 1959. С. 9-94; *Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769-70 // Slavonic and East European Review. Vol. 31. [New York], 1952/53. С. 155; M.S. Anderson. Great Britain and Russo-Turkish War of 1768-74 // English historical Review. [New York], 1954. Vol. XIX (№ 270). С. 39-58.*

³²⁵ И.Ю. Родзинская сообщает, что во время русско-турецкой войны в русском флоте служили 35 английских офицеров (Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война. С. 180). Энтони Кросс предлагает более значительную цифру – 65 британцев вступили на русскую службу с 1764 по 1772 г., и это, не считая многочисленных волонтеров (Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. С. 200-203).

³²⁶ АВПРИ. Ф. 89/8. Сношение России с Турцией. Ед. хр. 1893.

³²⁷ См., например: РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 157. (Документы и переписка между А.С. Мусиным-Пушкиным и графом И.Г. Чернышевым о покупке за границей судов для русского флота, изготовлении в Англии картин для Екатерины II, доставке в Россию медикаментов и о новых изобретениях за границей, о приглашении в русскую службу иностранцев и о выдаче пособий по частным делам графа И.Г. Чернышева. 1770-1772 гг.).

М.С. Андерсон, на следующий день уже лорды Адмиралтейства оперативно согласились дать русским кораблям «самый дружественный прием и любой вид содействия и помощи, которая может потребоваться, чтобы они могли продолжить поход»³²⁸; в Гибралтар и Порт-Магон были отправлены инструкции об оказании флоту помощи необходимыми материалами³²⁹. Подобного рода английская оперативность также может быть объяснена только основательной предварительной договоренностью. 11 ноября 1769 г. английский адмирал Гак писал Мусину-Пушкину: «Мистер Мур, командующий в Портсмуте, получил отсюда из нашей коллегии повеление оказывать всевозможную помощь... каждому из ваших кораблей, вошедших в порт... В случае же затруднения, могущего случиться, которое я однако не предусматриваю, ваше сиятельство можете надеяться на нас, что мы не преминем отдать тотчас нужные приказы для исполнения без затраты времени»³³⁰.

В Британии эскадры находились под постоянной опекой российской миссии. Сразу по прибытии первой эскадры к кораблям, стоящим в устье реки Гуль, прибыл из Лондона граф И.Г. Чернышев «для навешания флота, и 2 октября поехал обратно в Лондон»³³¹, 7 октября Чернышев посетил корабли, пришедшие в Портсмут³³². Это лишний раз доказывало, сколь серьезно И.Г. Чернышев выполнял свою миссию по обеспечению прохождения российского флота вдоль европейских берегов, а российским морякам, очевидно, лишний раз напоминало о монаршем покровительстве вдали от своих границ. По долгу службы на борту российских судов часто поднимался и вернувшийся с ноября 1769 г. на должность российского посла в Лондоне А.С. Мусин-Пушкин, то инспектировавший суда, то торопивший их с отправкой в Архипелаг³³³. Не оставляли эскадру своим вниманием и высокопоставленные представители британских властей: так, сразу по прибытии 29 сентября (ст.ст) 1769 г. судов первой эскадры корабль «Ростислав» посетил в Портсмуте специально прибывший «английский принц с офицерами», они провели там два часа и их провожали с музыкой и под приветственные крики матросов³³⁴.

Как вспоминал английский участник похода эскадры Эльфинстона, «по просьбе русского посла г. Мусина-Пушкина портовым властям [в Портсмуте в январе 1770 г.] послано было предписание быть с русскими моряками возможно любезнее и оказывать им всякое содействие и помощь»³³⁵.

Корабли всех эскадр не без труда достигали британских портов: «Будучи в пути, претерпевали от великих штормов, стужи, морозов, снегу и дождя, и сыростей великия безпокойства и несносности», – записал С.П. Хметевский. Европейцы взирали на истрепанные корабли с известной долей скептицизма. Тосканский посланник в Париже Никколи, например, доносил 27 ноября 1769 г., что «...некоторые понимающие толк в морском деле англичане отправились посмотреть на [русские] корабли, остановившиеся в Хамбере (здесь, на северо-востоке Британии, находится порт Гуль. – Авт.), и остались в неведении относительно целей этой экспедиции, каковую они рассматривают более как рискованную, чем обреченную на легкий успех, не столько из-за плохой и слабой конструкции кораблей, сколько потому, что они дурно экипированы» (курсив наш. – Авт.)³³⁶.

³²⁸ Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769-70. С. 152.

³²⁹ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война.

³³⁰ Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения 60-70-х гг. XVIII в. (1762-1775): дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 256 (со ссылкой на: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 2. Л. 18).

³³¹ РГВИА. Ф. 846. Он. 16. Д. 1860. Л. 7 об.

³³² См. подробнее: Гребенищикова Г.А. Балтийский флот. С. 220-224.

³³³ См., например: G. d'A. 1769. № 99; 1770. № 29.

³³⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 7об.-10.

³³⁵ Весты В. Воспоминания участника Архипелагской экспедиции. С. 5.

³³⁶ Донесение тосканского посланника в Париже Никколи от 27 ноября 1769 г.: ASF. Segreteria e Ministero degli Esteri.

Начиная с осени 1769 г. вплоть до окончания войны едва ли случалось время, когда в портовых городах Спитхеде, Портсмуте, Гулле не стояли российские суда, порой по несколько месяцев чинившиеся в британских доках (ремонт собственно британских судов могли из-за этого откладывать)³³⁷. По данным, приводимым Г.А. Гребенщиковой, первая эскадра израсходовала в Британии на ремонт и экипировку 1788 фунтов³³⁸, а во время зимней стоянки эскадры Эльфинстона в Портсмуте осенью 1769 – зимой 1770 г. английское адмиралтейство выполнило работ, по подсчетам С.П. Хметевского, уже на сумму в 15 821 фунт стерлингов, «что составляет на русской шот 79107 рублей 70 коп.»³³⁹. С опытом продвижения эскадр в Средиземноморье необходимость в ремонтных работах в Портсмуте отнюдь не отпала. Когда в декабре 1773 г. до берегов Британии добралась пятая эскадра С.К. Грейга, для ремонта ее судов в доках Портсмута были снова наняты более 20 мастеров³⁴⁰.

Помощь требовалась и многочисленным больным участникам всех походов. За первые же два месяца плавания эскадра Спиридова потеряла сто человек умершими и около 500 тяжело больными, а за одну только остановку в Гулльском порту, то есть за три недели с небольшим, умерли еще 83 человека³⁴¹. Хметевский указывал огромную сумму – 8 тысяч фунтов стерлингов, издержанных на лечение больных второй эскадры в портсмутском госпитале³⁴². Британский «Gentlemen s Magazine» даже выражал удивление: «В Портсмут прибыло распоряжение об устройстве русских больных с эскадры. Хотя климат у них более суровый, тем не менее, они больше болеют, и уже много умерло»³⁴³.

Впрочем, сам портсмутский госпиталь Джона Линдера удостоился отдельной похвалы капитана Хметевского: «В Портсмуте госпиталь так хорошей сказывают, во всей Англии нет, в которую может поместится больных до 3000 человек. Она каменная в три атажа, внутри двор хорошим расположением, дороги усыпаны песком, кроме дорог по траве никто не ходит, для чего приставлены часовые. Примечания достойна: не далече от госпиталя зделана башня, в которой п[о]дымают воду лошадьми, и доставляет] в госпиталь в каждой етаж <...> и во всей госпитале чисто и бело, и духу никакова нет...»³⁴⁴. Построенные вскоре русскими госпитальные учреждения в Архипелаге были несравнимо скромнее (см. гл. 5).

К доброжелательной поддержке англичан флоту еще предстояло в дальнейшем обращаться не раз. Например, вскоре после отбытия из Портсмута «Ростислав» вынужден был пристать в Лиссабоне, чтобы снять больных. Больных поместили в *английский* госпиталь³⁴⁵, хотя и португальские власти вполне благосклонно отнеслись к российскому кораблю³⁴⁶.

Ремонт российских судов не только задерживал продвижение эскадр, но и давал превосходную возможность для русских познакомиться в деталях с передовыми технологиями в судостроении (так что С.П. Хметевский смог посвятить различиям между английскими и

Pezzo 2334.

³³⁷ Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet, 1769-70. С. 156.

³³⁸ Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 222.

³³⁹ Приложение 8. С. 580.; см. также: Anderson M.S. Great Britain and Russian Fleet. P. 156.

³⁴⁰ G. M. 1774. Vol. 44 (Январь). P. 39.

³⁴¹ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774). С. 27.

³⁴² См. об этом также: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 229.

³⁴³ G.M. 1774. Vol. 44. Январь. P. 42. Сообщение от 27 декабря.

³⁴⁴ Приложение 8. С. 579.

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 846. Он. 16. Д. 1860. Л. 10а.

³⁴⁶ Если в июне 1769 г. в инструкции Спиридову Екатерина писала, что «с Португалией у нас нет никаких сопряжений, но из вражды с Испанией она, вероятно, будет... принимать наши корабли» (цит. по: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. С. XCIV), то к концу 1769 г. в Португалии уже был российский консул И.А. Борхес, получивший назначение в 1769 г. (Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899. С. 645; Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 231).

русскими судами обширную часть своего Журнала³⁴⁷) и высаживаться на берег, по достоинству оценивая британскую «цивилизованность»: «Город вообще Портсмут составляет из трех городов, между которыми морская заливы <...> изрядными укреплены вокруг крепостями, стены каменные из плиты, которая гораздо лучше нашей <...> [В] городе улицы вымощены камнем, по сто[рон]ам улиц из плиты, ширины сажени на [полто]ры, возвышены для пеших и оныя [сторонн]ия мосты в самую грязь бывают чисты, [по]тому что обыватели домов оныя смыв[ают] <...> вообще, говяжье мясо, бараны и птицы жирны, хлеб весьма вкусен и устрецов зимою великое множество, рыбы нет, а хотя и бывает, да мало»³⁴⁸.

Однако не только русские дивились английским чудесам – они и сами вызывали интерес как высшего английского общества, так и местных обывателей. Этот интерес капитан Хметевский объяснял так: «Англия, как русских людей прежде очень мало видела, а кораблей никогда, то, как лорды, так и придворные дворяна обоюдо попервое ко мне [на] корабль “Нетронь меня”, а потом по переходе моем на корабль “Святослав” почти каждой день с великим удовольствием были и довольно надивиться не могли здоровья, росту и повиновению наших людей, а особливо бывшим кирасирам, котория обыкновенно становилися на шханцах фронтом в ружье³⁴⁹, напротив тово невероятны были, чтоб их человек мог наши черныя ржаныя сухари есть»³⁵⁰. Впрочем, и в другой морской державе – Португалии российский корабль в 1770 г. был «новостью» «на удивление», и жители Лиссабона, так же как и обыватели Портсмута, не оставили его без внимания³⁵¹.

К 1773 г. тесные контакты между подданными Британской короны и российской императрицы уже не удивляли³⁵². К приходу пятой эскадры в конце 1773 г. портсмутское общество уже охотно включало российских морских офицеров в свой круг, «морское командование и соседиджентльмены соперничали друг перед другом в элегантных забавлениях русского командующего» адмирала С.К. Грейга³⁵³. И как шутка прозвучал в это время сообщенный британской прессой ответ английского посла в Константинополе на протесты Порты относительно столь радушного приема в Портсмуте русских (что явно нарушало условия британского нейтралитета): «как только суда, принадлежащие Порте, попросят помощи в британском заливе, они встретят такой же добрый прием»³⁵⁴.

Как известно, в течение всей войны Англия не только принимала российские суда, отпускала на российскую службу своих офицеров, но и выражала постоянную готовность ввести в Средиземноморье свои военные силы в случае, если Франция выведет свой военный флот из Тулона³⁵⁵, не допустила посылки французских судов в Балтийское море, предотвратив вступ-

³⁴⁷ «Сколько имеет корабль аглинской против нашева отмены». (См. Приложение 8. С. 577.

³⁴⁸ См. там же. С. 579.

³⁴⁹ С.П. Хметевский в своем Журнале неоднократно подчеркивал, как «здоровость» и терпение русских, так и примерный порядок и чистоту своего корабля. Возможно, его заставило включить подобные пассажи в свои воспоминания противоположное мнение некоего британского офицера, опубликованное *General Evening Post* (18-21 August 1770): «десять к одному, что они (русские. – *Авт.*) будут вытеснены из этих морей. Столь жалких моряков еще мир не видова, грязные, очень грязные, в высшей степени неумелые...». (Цит. по: *Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia*. P. 131).

³⁵⁰ Приложение 8. С. 581.

³⁵¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 10 об.

³⁵² К примеру, за 1769-1774 гг. дом британского консула Дика стал по сути резиденцией и штабом А.Г. Орлова в Ливорно, сам Дик принимал активное участие почти во всех акциях, сопровождавших российское присутствие в Тоскане (см. гл. 6 и 7). Не случайно, что когда 18 января 1773 г. в Ливорно отмечался день рождения королевы Англии и консул Дик устроил торжественный прием в своем дворце, 21 артиллерийский залп в честь британской монархини дали как английские, так и российские корабли (*Notizie del Mondo* 1773. 7. 55).

³⁵³ G.M. 1774. Vol. 44. Январь. P. 39.

³⁵⁴ Там же. Впрочем, британский посол в Константинополе Джон Мюррей (Murray) не раз находил в ответ на упреки турок весьма остроумные ответы (см.: *Anderson M.S. Great Britain and Russo-Turkish War of 1768-74*).

³⁵⁵ Об этом см. подробнее: *Ibid*; *Подзиская И.Ю.* Русско-английские отношения 60-70-х гг. XVIII в. С. 250,236,240.

ление Швеции в войну против России³⁵⁶. Поистину Н.И.Панин имел все основания просить посла Мусина-Пушкина «стараться менажировать деликатность английского правления и сберегать на будущее время дружбу и податливость его, кои по сию пору нашим эскадрам толь полезны были»³⁵⁷. Он был удовлетворен и в 1771 г. тем, что двор британский «при всех случаях доброжелателен и при обстоятельствах флотом здешния показал и показывает всякое нужное и потребное вспоможение и всякие заслуги и угодства»³⁵⁸.

Особый смысл имело и то, что именно Британия обеспечила свободный проход всех эскадр через Гибралтарский пролив, который, по выражению Екатерины, «нашим казался конец света», хотя «Гибралтар 200 верст ближе от Кронштадта, нежели водою до города Архангельска»³⁵⁹. Е.В.Тарле отметил: «Английское правительство прибегло не только к известным демонстративным передвижениям своего флота на путях следования русского флота», но и заявило как в Париже, так и в Мадриде, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии»³⁶⁰. 23 октября 1769 г., за месяц до прихода в Гибралтар судов первой эскадры, туда был послан от А.Г. Орлова камергер (генерал?) Василий Ефимович Дараган с рекомендательными письмами от британских консулов Дика и Джонстона. Судя по всему, его миссия была успешна, и когда через месяц часть первой эскадры во главе с Грейгом вошла в Гибралтар (23 ноября 1769 г.), то сразу получила помощь провизией от генерал-майора Бойда (*Boyd*), командующего британской средиземноморской эскадрой, и капитана над гибралтарским портом Лидса-Буа (*Leeds-Booth*)³⁶¹. Лидс-Бут также всю войну поставлял России ценную информацию о средиземноморской ситуации, за что был впоследствии награжден золотой медалью³⁶².

Весной 1770 г. в Гибралтарском проливе появился корабль «Святослав», и его капитан С.П. Хметевский усмотрел в марокканской крепости на Африканском берегу схожесть с московским Кремлем: «23-е апреля вошли в Гибралтарской пролив. Видны с обеих сторон берега, как гишпанския, так и марокския, друг от друга не далече, горы по оным высокия, каменистыя, долины пещаныя и неплодоносныя, на марокской стороне город Танжер. Видится жилием немалой, окружен каменною оградой с зубцами, и башни с окошками, подобно как в Москве, а в городе видно садов премножество, против города чрез залив на берегу моря каменной...»³⁶³.

Первым портом в Средиземном море, принявшим Архипелагскую экспедицию, стал Порт-Магон на острове Менорка (Болеарские острова). Испанская корона утратила Менорку в 1708 г. и смогла вернуть только в 1802 г. В XVIII в. этот стратегически важный порт в Западном Средиземноморье несколько раз переходил из рук в руки: к Британии (в 1708, 1763, 1798), от Британии к Франции (в 1756, 1782). В 1769-1775 гг., когда российский флот пользовался удобной глубокой гаванью Порт-Магона, остров принадлежал Британии. Е.В.Тарле высказал мнение, что Британская корона ради поддержания союза с Россией против Франции готова даже была подарить Менорку, сделав ее базой для российского флота³⁶⁴. Хотя россий-

³⁵⁶ Подробнее об этом см. работы И.Ю. Родзинской и П.П. Черкасова (*Родзинская И.Ю.* Русско-английские отношения 60-70-х гг. XVIII в. *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995; *Он же.* Екатерина II и Людовик XVI. М., 2001 и др.).

³⁵⁷ Цит. по: *Родзинская И.Ю.* Русско-английские отношения 60-70-х гг. XVIII в. С. 261.

³⁵⁸ СбРЮ. СПб., 1896. Т. 97. С. 319.

³⁵⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 527.

³⁶⁰ *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774). С. 19.

³⁶¹ *Anderson M.S.* Great Britain and Russian Fleet. P. 158.

³⁶² *Родзинская И.Ю.* Русско-английские отношения 60-70-х гг. XVIII в. С. 259-260; *Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот. С. 232, 236, 240, 244, 247, 307, 373-374.

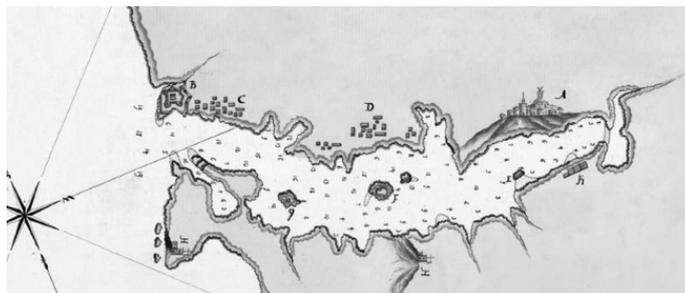
³⁶³ Приложение 8. С. 582.

³⁶⁴ *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774). С. 13. Однако план возможной передачи Менорки России М.С. Андерсон датирует лишь 1781 г., когда Британия стремилась получить поддержку Екатерины

ским остров так и не стал, и, боясь обострения отношений с Турцией и Францией, Британия запретила губернатору Порт-Магона Джонстону (Johnston) снабжать российский флот боеприпасами³⁶⁵, значение Менорки в истории Средиземноморской экспедиции трудно переоценить. Здесь собирались после перехода от берегов Англии военные и транспортные корабли, производилась починка судов, лечение больных и отдых команд. Оказывая русским «дружественное внимание», Джонстон содействовал и доставке корреспонденции А.Г. Орлова, вкладывая в свою дипломатическую почту корреспонденцию из Архипелага, чтобы та не подвергалась опасности быть вскрытой во Франции³⁶⁶.

Обязанности российского консула на Менорке исполнял грек Теодор Алексиано³⁶⁷. По поручению Орлова он готовил склады и госпиталь для российского флота³⁶⁸.

Фигура Теодора (Федора) Алексиано примечательна: некогда он был доверенным лицом тунисского бея по продаже корсарских призов, затем оказался на британской службе и, наконец, с согласия Foreign office, взял на себя обязанности российского консула на Менорке³⁶⁹. Два его брата, Панаиоти (Панайоти) и Алессандро (Алессандро в 1775 г. заменил брата на посту консула), примкнули к эскадре Спиридова со своими судами в феврале 1770 г. Панаиоти Алексиано поставлял А.Г. Орлову на службу лоцманов, приобретал для флота порох, свинец и т.п., переправляя их на греческих судах, с апреля 1770 г. участвовал в боевых действиях флота, командовал двумя сотнями греков в операции на Лемносе, после чего получил под свою команду фрегат «Св. Павел», в дальнейшем прославился в ряде сражений, особенно командуя морским боем под Дамьеттой. Четвертый, младший брат Антон поступил на службу в русский флот годом позже³⁷⁰. Три брата остались на русской службе, Панаиоти дослужился до контр-адмирала (ум. в 1788 г. в Очакове), Антон – до вице-адмирала (ум. в 1810 г. в Севастополе)³⁷¹.

Залив Порт-Магонский. Фрагмент карты 1770-х гг.

Первым судном экспедиции, вошедшим в Порт-Магон 18 ноября 1769 г., стал флагманский корабль «Евстафий» адмирала Г.А. Спиридова, но для того, чтобы собрать (и то с поте-

II в своей борьбе за Американские колонии. (Anderson M. S Britain's Discovery of Russia. P. 137).

³⁶⁵ Anderson M. S. Great Britain and Russian Fleet. P. 155.

³⁶⁶ Ibid.

³⁶⁷ Инструкцию, данную А.Г. Орловым Теодору Алексиано, см.: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 58-60об. Алексиано имел и общий дипломатический шифр с А.С. Мусиним-Пушкиным (образец такого шифрованного послания см., например: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 184-184об.).

³⁶⁸ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война. Согласно Родзинской, в Порт-Магоне находили укрытие одновременно до 10 русских военных судов. Здесь на территории, принадлежащей семье Алексиано, были построены амбары для хранения оружия и помещения для раненых (Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения 60-70-х гг. XVIII в. С. 261).

³⁶⁹ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война; Anderson M. S. Great Britain and Russian Fleet. P. 158; Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 2. С. 129-130.

³⁷⁰ Мать братьев Алексиано Анна направила несколько писем адмиралу Спиридову с просьбами не оставить ее младших сыновей без опеки. См., например: РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 90; Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 91-92об.

³⁷¹ Общий морской список царствования Екатерины II. СПб., 1890. Т. I. С. 28-33; Лурье В.М. Морской биографический словарь. XVIII век. СПб., 2005. [Граф Алексей Орлов-Чесменский]. Контр-адмирал Алексиано. Аттестат. // Русский архив. 1886. Кн. 3 Вып. 12. С. 497-499.

рями) всю свою первую эскадру, Спиридову пришлось ждать на Менорке несколько месяцев. Например, корабль «Ростислав» капитана Лупандина, достигший Менорки, но не успевший зайти в магонскую гавань, штормом унесло в море, и он с трудом добрался сначала до Сардинии, а потом до Генуи и Ливорно³⁷². Ф.Г. Орлов, приехавший в Порт-Магон в конце ноября по приказу брата, застал там не только малую часть посланных из Кронштадта судов (всего от первой эскадры собралось девять судов, которые отплыли отсюда в сторону Морей только в конце января-начале февраля 1770 г.), но и значительное число больных³⁷³.

Самого Г.А. Спиридова в Порт-Магоне постигла утрата – от болезни скончался его сын «генеральс-адъютант Андрей Григорьевич Спиридов», в день его кончины 23 ноября 1769 г. на Менорку как раз и прибыл из Ливорно на английской бригантине Ф.Г. Орлов, сразу навестивший «печалью объятого адмирала»³⁷⁴.

А на следующий день в греческой Успенской церкви в Порт-Магоне состоялось и первое из серии блестящих торжеств, сопровождавших присутствие русского флота в Средиземноморье, – праздновали тезоименитство Екатерины II (24 ноября): «Такого Порт Магон не только никогда не видал, но и не слышал, и народу было преможество»³⁷⁵.

По сообщениям итальянской прессы, в то время как русский морской корпус собирался в Порт-Магоне, в этот порт стекались опытные моряки и лоцманы из Восточного Средиземноморья (зачастую уже состоящие на российской службе), дабы затем оказать русскому флоту поддержку в войне с турками³⁷⁶. Это подтверждают и источники из Венецианского государственного архива³⁷⁷. Таким образом, в Порт-Магоне уже началось осуществление планов А. Орлова относительно совместных действий в Архипелаге русских с греками и славянами.

После первых боев в Морее суда стали прибывать в Порт-Магон с больными и ранеными: в конце мая 1770 г. туда отправили раненых и заболевших из Наварина на «Надежде Благополучия» под командованием А.В. Елманова³⁷⁸. Они прибыли на Менорку, где их встретил консул Теодор Алексиано, 29 июня / 10 июля 1770 г.³⁷⁹, еще не подозревая о свершившейся Чесменской победе. Победу при Чесме в Порт-Магоне отмечали только 29 августа / 9 сентября 1770 г. – «в греческой церкви Богородицы служана была литургия, молебен в честь Чесменской битвы», «с “Надежды Благополучая” выпалено 31 пушки», кроме русских офицеров и служителей на праздновании находился и «господин Магонский губернатор с многими своими

³⁷² Описание см.: РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 1860. Л. 11об.-17об. См. также гл. 6, 7.

³⁷³ «В экипаже его множество больных имеется, кои посланы в гошпиталь», писал Н.И. Панину о прибывшем корабле Спиридова в Порт-Магон Лидс-Бут. Позднее Бут доносил о 300 больных в госпитале Порт-Магона, из которых «многие померли» (цит. по: *Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 232*). О больных и излечившихся в Порт-Магоне, а также просьбу поднять жалование лекарю Ратцу Теодор Алексиано пишет, например, в послании Спиридову 10/21 августа 1773 г. (РГА. ВМФ. Оп. 1. Д. 66. Л. 93-97).

³⁷⁴ Старина и новизна. СПб., 1772. 4. 1-2. С. 20.

³⁷⁵ Цит. по: *Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 234*.

³⁷⁶ NM. 1770. 8. 63; NM. 1770. 13. 103; NM. 1770. 19. 151.

³⁷⁷ Экипаж корабля «Snow, nominato Enrico e Carolina» под командованием капитана Алессандро Алексиано, отправившийся из Ливорно в Порт-Магон, состоял из следующих лиц: капитан Василий Баланчин, его слуга Николай Лебедев, босниец Джорджо Мачедонио, Кристофано Алессандро из Янины, Костантино Саба из Канеа, Джорджо Казичи из Бокки, Джованни Петроло с острова Зант и Никкола Вандоро с острова Кефаллония (ASV. Inquisitori di Stato. Dispacci diretti agli Inquisitori di Stato dai Consoli. Livorno. Busta 513).

³⁷⁸ А.В. Елманов пробыл в Порт-Магоне до конца осени 1770 г. Снабжение находившихся с ним членов экспедиции осуществлялось из Ливорно через консула Д. Дика и резидента Р. Разерфорда (Rutherford). Об объемах этих поставок свидетельствует, например, послание от 24 августа 1770 г., в котором Елманов просил Дика заготовить в Ливорно на полугодичное время для флота: сухарей 42963 пудов, мяса 10366 пудов, масла деревянного 8592 ведер, риса («пшеница сорачинского») 14321 пудов, гороху 9547 пудов, уксусу 6078 ведер, рому или вина 2222 ведер, «вина Краснова» 32079 ведер (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 39). Примечательно, что командование экспедицией готово было пойти даже на нарушение регламентов по обмундированию, не по форме выбирая цвета мундиров, но строго требовало, чтобы всем выздоравливающим в госпитале Порт-Магона были сшиты и при выписке выданы новые мундиры (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 10. Л. 4-4об.).

³⁷⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 115-121об. В Журнале отмечается, что на берег в Порт-Магоне сняли более 300 человек больных и раненых.

офицерами»³⁸⁰. Но на этом торжества не закончились: 1/12 сентября отмечался день коронации Екатерины, 20 сентября / 1 октября – день рождения наследника, и на Менорке последовали празднования еще большего размаха. В это время на острове собралась находящаяся на пути в Архипелаг эскадра Арфа, некоторые другие суда (включая «Надежду Благополучия»). По имеющимся газетным описаниям, Екатерина II послала в дар местной греческой церкви Евангелие высотой 2 фута и шириной 15 дюймов в золотом окладе, чашу размером в полтора фута, два небольших блюда и большой золотой крест. Книга, чаша и крест отличались искусной работой, как и гравировка блюд, сделанных из дорогого металла. Кроме того, к описанным предметам Екатерина присоединила серебряную парчу с золотыми нашивками шириной в 4 дюйма для алтаря. Кажется, 3 октября³⁸¹ эти драгоценные подарки впервые использовали на службе в православной церкви Порт-Магона. Во время службы местные православные пели *Te Deum* («Тебе, Господи») вместе с русскими морскими офицерами, включая контр-адмирала Елманова и накануне прибывшего графа П.А. Бутурлина. Бутурлин и консул Алексано дали в этот вечер большое празднество для офицеров. Самым поразительным, видимо, в этом празднестве была иллюминация: на фасаде собора появилась «перспектива, представлявшая армию и имя российской императрицы», а на резиденции консула укрепили прекрасное искусственное пламя, которое с одной стороны пожирало турецкие мечети (вариант: зажженные огни представляли с одной стороны крест, торжествующий над турецкими мечетями), посреди чего читалась надпись: «*Caterina Alexiovvona II. Imperatrice di tutte le Russie. Vivat. Vivat*». После фейерверка в Магоне, в доме консула состоялся бал, продолжавшийся до утра следующего дня. Во время праздника народу были выставлены две бочки вина³⁸².

В дальнейшем до ухода флота в 1775 г. Порт-Магон продолжал наравне с Ливорно оставаться центром передвижений участников Архипелагской экспедиции в Западном Средиземноморье³⁸³.

Равную, а быть может, и более значительную, чем Менорке, роль перед началом экспедиции Екатерина отводила и другому острову с превосходной глубокой бухтой, способной укрыть весь российский средиземноморский флот – острову Мальта.

Как уже отмечалось, отношения с Мальтийским орденом в целом складывались к концу 1760-х гг. для России вполне благополучно. Это вселяло некоторые надежды на то, что повенному в делах России на Мальте маркизу Кавалькабо удастся добиться от ордена Иоанна Иерусалимского разрешения для российского флота пользоваться мальтийскими портами. В инструкции, данной Екатериной II, маркизу указывалось: 1) следовать с эскадрой Спиридова до Гибралтара, затем отправиться на Мальту, 2) добиться частной аудиенции у магистра, передав ему письма российской императрицы, поблагодарив и выразив удовлетворение императрицы приемом российских офицеров, 3) заговорить о надеждах императрицы на то, что орден сохранит свое расположение и в случае посылки русской эскадры, 4) уведомить о ситуации с польскими диссидентами и призвать совместно бороться с неверными, 5) добиться стоянок

³⁸⁰ Там же. Л. 120-121.

³⁸¹ Дата 3 октября (н. ст.) приводится в западной прессе вместе с ошибочным утверждением, что это был день коронации российской императрицы. Между тем, скорее всего речь идет о торжествах, продолжавшихся по случаю дня рождения наследника Павла Петровича.

³⁸² NM. 1770. 95. 777; G. d'A. 1770. № 101.

³⁸³ См., например: NM. 1770. 72. 591; донесение сардинского посланника в Тоскане ди Замоне от 3 сентября 1770 г.: AST. Italia. Lettere Ministri Firenze. Mazzo 2 (о том, что в первую неделю сентября 1770 г. генерал-лейтенант Бутурлин с двумя русскими офицерами должен был отправиться в Порт-Магон из Тосканы на судне «корабельщика Броуна»); сообщения конца декабря-января 1771 г. о передвижениях корабля «Граф Чернышев» – GT. 1771. 2. 8; о том, что все русские корабли готовятся отправиться из Порт-Магона в Архипелаг – NM. 1771. 4. 30; о русском фрегате «Венера», прибывшем из Порт-Магона и севшем 7 марта 1771 г. на мель близ Ливорно – NM. 1771. 21. 165; GT. 1771. 28. 112; NM. 1771. 54. 429; 56. 445; NM. 1772. 53. 442; GT. 1772. 35. 140; 36. 144; 37. 148; NM. 1772. 71. 588.

для российских морских сил и помощи в их снабжении; наконец, б) Кавалькабо предстояло быть посредником в сношениях Великого магистра и российской эскадры³⁸⁴.

Форт Святого Эльма на Мальте

Все пункты этой инструкции Кавалькабо исполнил. Он прибыл на Мальту в январе 1770 г. в сопровождении своего племянника, а также подпоручика Преображенского полка Баумгартена (Максимилиан Баумгартен должен был затем через Неаполь доставить корреспонденцию Кавалькабо, но можно предположить, что полномочия у него были более широкие³⁸⁵) и переводчика Стокса (Stoks)³⁸⁶. Пройдя семидневный карантин, 17 / 28 января Кавалькабо был принят магистром и вице-канцлером, а через четыре дня после обеда, данного в его честь, Кавалькабо получил ответ ордена, в вежливой форме отказывавшего России как в снабжении флота, так и в праве заходить в мальтийские гавани более чем четырьмя российскими судами одновременно. Исследователи сходятся в том, что ответ ордена последовал под давлением французской дипломатии и Бурбонских домов Европы³⁸⁷.

³⁸⁴ АВПРИ. Ф. 66/6. Сношения России с Мальтой. Д. 72.

³⁸⁵ О роли Баумгартена в установлении контактов с Али-беем и шейхом Захером ал-Омаром см. гл. 8.

³⁸⁶ В те моменты, когда Кавалькабо оставался по какой-то причине без переводчика, у него возникали серьезные затруднения в сношениях с российскими командирами в Архипелаге. Так, например, случилось в 1773 г., когда Кавалькабо извинялся перед Спиридовым, что не смог прочитать его письма, поскольку отослал переводчика в Санкт-Петербург (РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 60, 105).

³⁸⁷ АВПРИ. Ф. 66/6. Сношения России с Мальтой. Д. 7. Л. 1; Д. 46. Л. 17-24 об.; *Настенко И.А., Яшинев В.* История Мальтийского ордена. Кн. 2: Мальтийский орден и Россия. Иоанниты в новое и новейшее время. XVIII-XX вв. М., 2005. С. 28-39; *Blondy A.* L'Ordre de Malte au XVIII e siècle. Des derniers splendeurs a la ruine. Paris, 2002. P. 159-162.

Галерея дворца магистров в Валетте

Этот ответ сразу распространили европейские издания. 20 марта 1770 г. «Gazette d'Amsterdam» поместила сообщение:

«С Мальты 5 февраля. В прошлый вторник фрегат русского флота в Средиземноморье высадил сюда маркиза Кавалькабо с частной комиссией российской императрицы к магистру ордена. Он передал магистру послание императрицы, в котором она просит, чтобы все корабли были приняты в портах ордена и чтобы мальтийская эскадра присоединилась к российской. Уверяют, что Совет единогласно решил дозволить заход в свои порты не более чем трем-четырем кораблям России, как это существует в отношении Испании или Сицилии, и не отходить от нейтралитета, который предписан его законами, особенно в разногласиях, касающихся христианских держав»³⁸⁸.

В июне 1770 г., когда корабль «Надежда Благополучия» из Наварина с ранеными и больными шел в Порт-Магон, он остановился на Мальте только для того, чтобы пополнить запасы воды, а на случившийся в это время главный праздник острова – Рождество Иоанна Крестителя – русские моряки взирали только со стороны: «по установленному обыкновению жителей во всем городе производилась ружейная и пушечная пальба и зажжены были местами смоленья бочки». Тогда в журнале инженер-офицеров флота появилась только краткая запись о Мальте: «Местами хлебопашенные земли, на оных множество деревень, церквей и монастырей изрядно построено, тож довольное число садов и огородов»³⁸⁹.

Однако после победы при Чесме, о которой на Мальте узнали чуть ли не первыми в Европе³⁹⁰, когда туда прибыл корабль с освобожденными от турецкого плена христианами, отношения Мальты к российской эскадре переменились в более благоприятную для России сторону. Этот поворот закрепляли новыми посылками на Мальту освобожденных от плена христиан или пленников, которых, выполняя свою миссию, орден мог обменять на плененных христиан. Так, 5/16 ноября 1770 г. находясь при о. Наксия, А.Г. Орлов распорядился отправить на Мальту «призовое» судно с 75 алжирцами и с письмами к маркизу Кавалькабо и магистру ордена, чтобы последний выменял алжирцев на столько же христиан³⁹¹. Вероятно, об этом

³⁸⁸ G.d'A. 1770. № 23; к этой информации Gazette возвращалась и в № 27, а в № 45 опубликовала тексты письма Екатерины от 18 июля 1769 г., переданного магистру, и ответы ордена, датированные 3 и 31 января 1770 г.

³⁸⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 116об. О заходе на Мальту в июле 1770 г. трех английских судов, «приданных нашему флоту», см.: АВПРИ. Ф. 66/6. Сношения России с Мальтой. Д. 74. № 12. Л. 41.

³⁹⁰ Это произошло в конце июля 1770 г.: 29 июля известие о Чесме отправил с Мальты, например, британский консул (Bottari S. Geopolitical and commercial interests in the Mediterranean sea. The reports of Angelo Rutter, English vice-consul in Malta (1769-1771) // Journal of Mediterranean studies. 2002. Vol. 12 (№ 2). P. 249-257).

³⁹¹ РГА ВМФ. Ф. 188. Он. 1. Д. 10. Л. 211об.

в январе 1771 г. Кавалькабо сообщал Н.И. Панину. Вскоре новость появилась и в «Gazette d'Amsterdam»: «русские сделали подарок великому магистру Мальтийского ордена, передав 60 пленным алжирцев, которых погрузили на судно через Александрию в Алжир» (то ли часть алжирцев не перенесла испытания в пути, то ли в январе на Мальту попал еще один транспорт с пленными алжирцами)³⁹².

К этому времени немало потрудился и российский посланник маркиз де Кавалькабо. Он создал важный канал информации, собирая сведения у капитанов прибывающих на Мальту судов различных стран, оперативно передавая через курьеров и посла Д.А. Голицына в Гааге информацию о военных действиях в Архипелаге, в Египте, близ варварийских берегов³⁹³. Часть информации, по данным современного историка Т. Фреллера, доставлял России и один из высших офицеров ордена барон Флаксланден (Johan Baptist Anton Flachslanden), располагавший данными о турецких укреплениях и имевший в Восточном Средиземноморье своих тайных информаторов³⁹⁴.

Высказывается мнение, что именно Кавалькабо сумел уговорить вступить на русскую службу графа де Мазена (де Мазина)³⁹⁵. 24 сентября 1771 г. тот на купленном им корабле под предлогом дел в Италии отправился к эскадре Орлова. Кавалер Мальтийского ордена, он оставил магистру де Пинто письмо, которое было передано только через неделю после его отъезда. Де Мазен объяснял свой поступок желанием «воспользоваться прекрасным случаем быть очевидцем войны, которую русские ведут с таким успехом против врагов ордена, и надеждой заимствовать полезные и для Мальты сведения по военному делу у этой храброй и воинственной нации»³⁹⁶. Поступок де Мазена примечателен в двух отношениях: во-первых, мальтийский кавалер все-таки откликнулся на призыв Екатерины сражаться вместе с Россией против общего врага – турок, во-вторых, после Чесменской битвы уже не русские выступают учениками у знатоков морского дела – мальтийцев, но и мальтийцы интересуются их «полезными сведениями по военному делу», послучаино и суждение Екатерины о де Мазене: «Вот кавалер, закусивший удила»³⁹⁷. 16 / 27 октября 1770 г. судно де Мазена прибыло в Архипелаг, о чем не преминул записать в журнале инженер-поручик Келхен: «Пришло на Паросский рейд и пристало к кораблю “Трех Иерархов” небольшое судно под мальтийским флагом, на оном приехал один мальтийской кавалер, который просит быть при нашем флоте волонтером, кавалер и командер де Мальта Георге граф Мазин»³⁹⁸. Граф де Мазен (Giorgio Giuseppe Maria Valperga, count Masino³⁹⁹), безусловно, был блистательным авантюристом века Просвещения.

³⁹² АВПРИ. Ф. 66/6. Сношения России с Мальтой. Д. 76. Л. 5; G. dA. 1771. № 28.

³⁹³ Там же. Д. 74.

³⁹⁴ *Freller T. In Search of a Mediterranean Base: The Order of St. John and Russia's Great Power Plans during the Rule of Tsar Peter the Great and Tsarina Catherine II // Journal of Early Modern History. 2004. Vol. 8. Issue 1/2. P. 15-17.*

³⁹⁵ *Настенко И.А., Яшев В. История Мальтийского ордена. Кн. 2. С. 36.*

³⁹⁶ *Захаров В.А. История Мальтийского ордена в России. М., 2006. С. 93.*

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 39об. Член Мальтийского ордена граф де Мазен ранее был приглашен служить в российский флот, но отказался, сославшись на несходство климата (см.: *Настенко И.А., Яшев Ю.В. История Мальтийского ордена. Кн. 2. С. 28-39.*)

³⁹⁹ Так его полное имя приводится в западной литературе (см.: *Freller T. In Search of a Mediterranean Base. P. 16.*)

Дворец магистров в Валетте. Двор Нептуна

Ему предстояло уже через несколько месяцев, в конце того же 1770 – начале 1771 г., сблизившись с А.Г. Орловым, отправиться с ним из Архипелага в Италию, вести втайне от Орлова разговоры о российском флоте с герцогом тосканским (см. подробнее гл. 7), обещать предоставить такого же рода «разведывательную» информацию венскому двору, а потом уже в Санкт-Петербурге заинтересовать французского посла Дюрана столь же конфиденциальной информацией⁴⁰⁰.

⁴⁰⁰ По документам, приводимым Захаровым, де Мазен – подданный сардинского короля, командор, граф Мазен де Вальперг. Он приходился младшим братом приезжавшего в Россию министра Мальтийского ордена при венском дворе Мазена, был наставником русских стажеров на Мальте в 1764-1768 гг. В. А. Захаров пишет, что де Мазен находился на русской службе до 1775 г., а затем вернулся на Мальту (*Захаров В. А. История Мальтийского ордена в России*. С. 93). В архивных документах МИД Франции сохранилось письмо французского посла в Санкт-Петербурге Дюрана к его шефу герцогу д'Эгильону от 7 мая 1773 г., в котором Дюран сообщает, что граф де Мазен, «представитель одного из первейших домов Пьемонта», «22 года прослуживший на море, во время коих он был командующим галерами Ордена», и находящийся на русской службе в чине «генерала-контр-адмирала», поделился с ним своим желанием покинуть русскую службу, как только ему предложат атаковать Швецию. Дюран самым благожелательным образом характеризовал де Мазена и сообщал, что именно через него он имеет информацию о российском флоте (Archive Nationale de France. В 3 800. Dossier 10). На русской службе Мазен состоял в контр-адмиральском чине до начала 1774 г., 30 января 1774 г. он попросил отставки, сославшись на то, что в холодном климате «более продолжать находить себя не в состоянии». Отставка была принята императрицей. О строительстве Мазеном в России «бригантины» по оригинальным чертежам см.: Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 136-137, 228-229, 231, 270, 278.

Маркиз де Кавалькабо вызвал благосклонность стареющего магистра, в частности, тем, что 18 января 1771 г. во время празднования 30-летия правления магистра де Пинто на Мальте выставил на своем балконе большую картину, изображавшую де Пинто с парящей над ним аллегорической фигурой Славы, внизу картины виднелся порт Валетты, в который входил корабль под русским флагом. «На том балконе, – пишет Кавалькабо в своей депеше, – оркестр оживлял это немалое выражение моих пожеланий о сохранении дней Его преимущества, который выразил мне свою горячую благодарность, т.к. он очень чувствителен ко всякому блеску»⁴⁰¹.

⁴⁰¹ См.: *Настенко И.А., Яшнев Ю.В.* История Мальтийского ордена в России. С. 35.

Великий магистр Ф.-Э. Пинто (1681-1773)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.